
Екатерина Коваленко
Апрель для особых поручений

Екатерина Коваленко
Апрель для особых поручений

https://litres.ru/74095349
SelfPub; 2026

Аннотация

От неприятностей не застрахован никто: ни юные очаровательные девушки, ни строгие секретари, ни грандиозные в своих масштабах созвездия (которые, впрочем, страдают от обычной «кошачьей» проблемы).

Хорошо, что в этом мире существует офис, готовый отважно разобраться с вашими бедами, напоить чаем или искупать в речке. Правда, есть нюанс: все действия будут происходить в произвольном порядке и, возможно, одновременно. И в этом нет ничего удивительного, ведь этим безалаберно очаровательным и безукоризненно профессиональным офисом руководит самый загадочный человек, которого вы когда-либо встречали.

Сколько скелетов скрывается за безупречной вежливостью? Кто в итоге окажется настоящим серым кардиналом? И самый главный вопрос: есть ли в этом офисе хоть кто-нибудь нормальный?

Содержание

Часть 1. Глава 1 Искорка 4
Глава 2 Мак 22
Глава 3 Колесничий 34
Глава 4 Плаха 49
Глава 5 Воздушный змей 63
Часть 2. Глава 6 Нефелим 89
Шестая серия. Нефилим 90
Глава 7 Ваар 107
Глава 8 Ангел 144
Глава 9 Астра 183

Екатерина Коваленко
Апрель для особых поручений

Часть 1. Глава 1 Искорка

Я не упал, шеф. Меня... уронили.
м/ф «Тайна Третьей планеты»

От одной лишь искры.
Обними Кита «Феникс»

Над входной дверью в центральный и единственный офис закрытого общества с неограниченной ответственностью в нашем городе красовался гигантский баннер с надписью «МЫ ТУТ НЕ ПРИ ЧЕМ!»

– При чем, при чем, – недовольно проворчала бабуля, поравнявшись со смотрящей на баннер девушкой. – А кто как не они. Видели дохлую ворону на мосту? Тоже они виноваты. Бесстыдники! Понавесят тут всякого! Тьху!

Девушка невольно повернула голову в сторону моста, но тут же раздался громкий голос:

– Лина! Хорошо, что вы вовремя пришли. У нас как раз полный бардак! – В дверном проеме мужчина средних лет с чуть отросшими каштановыми волосами улыбался как-то слишком жизнерадостно для сотрудника, у которого случился «полный бардак». Лина на всякий случай огляделась: улица была на удивление пустой и безмолвной, и решительно прошла в распахнутую дверь.

Приемная офиса состояла из стола, секретаря-администратора и стула для посетителей. На столе, жалобно попискивая, складывался сам по себе кубик Рубика, клеточки которого были воплощениями разных стихий. Строгая секретарь, не отрываясь от монитора чтобы не встретиться с якобы испепеляющим взглядом шефа, щелкнула пальцами, и кубик Рубика превратился в скромную подставку под карандаши.

– Марьяна, я очень прошу тебя, – убедительно сказал мужчина, – покажи Лине наш архив. – и уже повернувшись к девушке, добавил: – будет быстрее, если вы зададите вопросы сразу по делу. Я тут быстро с кентаврами, в смысле с клиентами разберусь, и подключусь к вам.

– Ага, – коротко кивнула Лина, твердо решив принципиально ничему не удивляться и выжидающе взглянула на Марьяну: – Здравствуйте!

Блондинка продолжала сосредоточенно что-то печатать, и, как будто к слову, добавила:

– Архив первая дверь направо, туалет вторая дверь напра-

во. Налево вот здесь – кабинет Александра Валерьевича.

– Ясно. Спасибо.

Вешалки для верхней одежды не наблюдалось, поэтому самым разумным было оставить пальто тут же, на стуле. Но, с другой стороны, а вдруг в архиве холодно, а вдруг пальто будет мешать или его украдут в этой сомнительной конторе? Странное место. Любопытное место. Лина на всякий случай прислушалась: традиционных институциональных криков «в верхней одежде нельзя» пока слышно не было, поэтому девушка нажала на ручку двери. Дверь мягко поддалась.

Внутри под пластами хронической пыли покоились пухлые папки: «предотвращение прекращения мышления у мыслящих приматов», «службы спасения от липецкого болигова», «кофеиновая зависимость на благо человечества», а самая тонкая папка была озаглавлена «Почему нельзя доверять людям».

- Ну-ка, ну-ка, - заинтригованно потянулась Лина, и тут же разочарованно вздохнула: внутри был только один листик с надписью: «Потому что они придумывают дурацкие заголовки». С трудом втиснув папку обратно и потерев руки влажной салфеткой в надежде избавиться от пыли, Лина огляделась.

Единственное окно архива было плотно закупорено фанерой. На подоконнике покоился скелет кактуса, а в углу под омерзительно мохнатым пауком покоилась распухшая от материалов папка с лаконичной надписью «А. В.» Папка «кен-

тавры» неловко торчала на средней полке прямо перед глазами в окружении десятка папок с надписью «Альфа Центавра» и краткими эмоциональными комментариями разной степени цензурности. Но, как только девушка отважно раскрыла нужную папку, в коридоре почти одновременно раздались стук копыт, негромкий свист, и дверь в архив распахнулась:

– Я думаю, вы примерно поняли, чем мы занимаемся. – Дружелюбно резюмировал Александр Валерьевич. – Идемте, я познакомлю вас с Семеном. Хорошо, что вы уже изучаете текущие проекты – захватите кентавров с собой, пожалуйста.

«А лагерь сарацинов для тебя случайно не захватить заодно,» – скептически подумала Лина, но последовала за начальством в кабинет, прижимая папку с пальто. Если даже они здесь все психи, то, вроде, не слишком опасные– в отличие от скорости, с которой нужно входить в курс дела. Она осторожно скосила глаза на, как она догадывалась, Александра Валерьевича: не похож он на типичного начальника-самодура. А вот на атипичого – вполне.

В крохотной комнате стояли стул для посетителей, кресло для посетителей, нагло присвоенное себе Семеном, рабочий стол и за столом стандартное офисное кресло шефа, на которое он не спешил присаживаться, неформально опираясь о край стола. Под окном с решеткой стоял типичный усталый офисный диван.

– Итак, Лина: Семен Григорьевич – наш специалист по неживым неприятностям.

Семен полушутя салютовал в ответ вместо приветствия. Лина тут же быстро уточнила:

– А «неживые неприятности» – это мертвые?

Не хватало еще оказаться главной героиней совершенно идиотской криминальной хроники!

– Скажем, у вас разбился стакан, – Семен переключился в режим серьезного эксперта, выпрямляясь в кресле и старательно иллюстрируя свой монолог широкими жестами. – Прямо из рук выпрыгнул, сам. Стакан вроде как неживой, поэтому поступает в мою работу. А вот если у вас, скажем, в этот стакан вселился джинн, или обломок Нагльфара, то это уже должно поступать к моим высокоуважаемым коллегам по живым неприятностям и непосредственному начальству…

– … которое по-прежнему категорически не согласно с твоей классификацией Нагльфара…

Семен решительно перебил шефа, пока того не унесло в теоретические подробности:

– Как вы понимаете, Лина, специалиста по живым неприятностям у нас сейчас как раз нет, поэтому мне приходится отдуваться за семерых…

– … и это при том, что у нас в лучшие годы, общее число сотрудников не превышало пяти!

Семен развел руками, мол, хорошо бы, чтобы подмога

пришла вовремя и подкрепленье прислали бы тоже не слишком поздно. Скепсис в молчании шефа, не в первый раз наблюдающего очередной финт Семена, можно было потрогать руками, хотя ироничному взгляду было отведено около секунды. Лина невольно улыбнулась: пикировка между коллегами напоминала попытку бассет-хаунда достать из норки ежа. Темноволосый надувшийся еж благоразумно уступал хаунду, оставаясь при этом при своем мнении.

Тем временем Александр Валерьевич вернулся к насущным делам:

– Лина, может быть, хоть у вас есть вопросы?

– Да, – девушка задумалась, ища выражение тому, что было и так понятно, но, тем не менее, сопротивлялось изложению. – Если, скажем, у меня есть проблема со слонами, проходящими сквозь игольное ушко – это к живым неприятностям или не очень?

– Это к коллаборации с Семеном. Вы разбираетесь со слонами, он с иголкой. Если ничего не помогает, приходите ко мне.

Шеф принял кивок Лины, как знак, что информация была услышана. Семен сосредоточенно перебирал нажимную ручку, как двигатель ракеты.

– Значит, по документам – шеф обошел стол и с серьезным видом пошуршал в ящике стола: – вот моя ручка, вот наш бланк, напишите автобиографию. Что-то, что на ваш взгляд нам действительно необходимо о вас знать и...

За дверью что-то скорбно блямкнуло. Или всхлипнуло. Или вздохнуло, вытирая слезы. Или все одновременно.

– Опять, – вздохнул Александр Валерьевич, распахивая дверь:

– Марьяна Григорьевна, почему опять шум?

– Александр Валерьевич, там уронили Альфа Центавру – очень просят разобраться. Весь порог уже истоптали! Да, опять!

– Иду! – Шеф поспешно взял пиджак со спинки стула. – Семен, присмотри за кабинетом.

Прохладная металлическая ручка, которую Лина крутила в руках, казалась довольно тяжелой. «Обычная бизнес-модель, демонстрирующая статус владельца,» – мелькнуло в голове у девушки. Привычный аксессуар для солидных бизнес-владельцев выглядел несколько странно в сочетании с потрепанным минимализмом всего офиса.

– А знаешь, кто уронил Альфу Центавру в первый раз? – драматичным тоном объявил Семен, заглядывая в глаза девушке. Типичный романтический герой, бархатным голосом сообщающий ужасающую тайну очередной юной особе: глаза с хитринкой, копна волос, намекающая на мягкий и покладистый характер, которого и в помине нет и…

Лина уклончиво пожала плечами.

– Вот и я пока не знаю. Вернее, достоверно не знаю, – Семен значительно поднял указательный палец вверх.

– А если и узнаешь, то никому не скажешь, потому что болтать не привык…

– Что? – удивился Семен.

– Я говорю: а почему все эти живые и не очень неприятности – такая проблема?

– Ну… это как баги в системе, которые мы отлаживаем. Помнишь «эффект бабочки»? Если какой-то слон не пролезает в игольное ушко, это может вызвать...

– Бурю в стакане?

– Или икоту у жаворонка. Или обрушение курса кофе в какой-нибудь далекой галактике. Если только у них есть кофе. И есть какие-нибудь курсы... Так вот, сетка эта протянута одновременно и в будущее, и в прошлое, и даже в стороны – своеобразный обоюдоострый меч сферической формы.

– То есть из-за бури в стакане какой-то слон останется по ту сторону игольного ушка совсем один?

– Возможно. Как один из вариантов. Вообще, мы работаем тогда, когда все становится безаппеляционно плохо. Как с этой Альфой Центаврой.

– А что вообще с ней?

– Ой, это проект в ответственности Ала… в смысле Александр Валерьевича, пусть он и рассказывает... – лениво отмахнулся Семен. – Раздалось кваканье жабы, и коллега торопливо взглянул на телефон. – Легок на помине. Кажется, пора его спасать оттуда. Все, больше не отвлекаю, наш бланк ждет только вас – и он с галантным поклоном удалился из

кабинета.

Если маховик великих часов не останавливается ни на минуту, то все-таки есть мгновения, когда кто-то невидимый заботливо придерживает его движение в одной из точек. Это странное почти щекочущее ощущение, когда мир смотрит на тебя, а ты на него, а звезды дышат прямо в лицо холодной зимой. Родной зимой.

Странно, что память раскрыла этот кусочек почти утраченного пазла именно сейчас – в прохладной и как будто притихшем кабинете, где тишину можно топтать как свежевыпавший снег в детстве. Вовнутрь не проникал ни шум с улицы, ни назойливый свет: солнечные лучи причудливо меняли свою траекторию, запутываясь в ветках ближайших деревьев. Внешний мир еще только начинал утопать в зелени, но вот летом, летом, когда зелень настолько густая и сочная, будто только что выдавлена на палитру, приходит в движение от малейшего ветерка, а ты идешь за мороженым в ближайший ларек и можно… можно…

…наконец можно вспомнить: «Миры начинались за огородом».

«Да, миры начинались сразу за огородом и зарослями малины. Кстати, вы знаете, что сверху листья малины темно-зелены, в снизу – серебристые, будто седые? Вот теперь знае-

те. В теплую летнюю ночь им можно было читать стихи, и чувствовать, как темнота трется мягкой кошачьей шкуркой о стены старого дома. Стрекозы любили Вознесенского, облака канонично симпатизировали Гумилеву, а звезды... а звезды заглядывали поболтать. Взрослые и мудрые они никогда не спрашивали о прошлом – они прекрасно его знали. Они интересовались будущим».

Они хотели играть!

Воспоминание прошлого нахлынуло настолько реальным, что ощущение почти искрилось микротоками на кончиках пальцев: мир, как котенок, прижимается к земле, готовится прыгнуть, но он не пугает, не угрожает, а просто хочет играть! Это приглашение!

Но почему сейчас?..

Ой!

Лина оставила не до конца исписанный листок на столе и моментально оказалась перед Марьяной, на ходу надевая пальто, которое все это время было то в руках, то на спинке стула.

– Марьяна Григорьевна, подскажите, пожалуйста, как я могу найти Александра Валерьевича?

– Он сейчас в большой переговорной. Это налево от котельной, мимо парковки, через дорогу и сразу по левую сторону моста...

Почти недослушав, Лина рванула из офиса: ей казалось,

что, по какой-то зыбкой, почти неизъяснимой причине эта информация может оказаться важной: «Они хотят играть!» Кстати, чем хороши пальто – в них очень удобно бегать. Особенно, если у вас есть привычка застегивать только первую пуговицу, а также носить малознакомые папки с кентаврами и…

Когда в переговорную постучали, Александр Валерьевич был на грани нервного взрыва. Да, именно взрыва, потому что, по свидетельствам очевидцев, он был невероятно терпеливым человеком, а, как известно, когда у таких людей заканчивается терпение, то можно услышать негромкое тиканье обратного отсчета.

– Это моя глава отдела живых неприятностей, Лина, – коротко сказал шеф. – Позвольте мне краткий бриф: уважаемые представители Альфа Центавры утверждают – цитата «что все не так и все не то» – конец цитаты. Все предложенные мной варианты решения проблемы были решительно отвергнуты.

По ту сторону огромного уходящего в пол экрана для голлографических коммуникаций согласно задвигалось нечто. Нечто состояло из щупалец... щупальцев… отростков… и чего-то совсем непонятного, но голубенького.

– Позволю себе предположить, – уверено начала Лина, – что быть частью такой громадной звездной системы столько лет – безусловно, восхитительно, но при этом несколь-

ко однообразно. Возможно, уважаемые представители Альфа Центавры хотели бы во что-то сыграть? Например, в салки или в настолки?

Лина внимательно смотрела на экран и зря, потому что упустила редкий момент, когда в глазах Ала мелькнуло настоящее удивление. Объекты неопределенной формы, напоминающие тела, яростно завозились, из чего можно было заключить, что участники переговоров по ту сторону желали прокомментировать это предложение.

– Переводчик объяснил нам концепцию игры, – довольный бульк. – Нам нравится. Мы думали с вами так нельзя. Поправка: у вас так нельзя.

– Конечно можно, – улыбнулась Лина. – Не зря мы лучший офис в этой галактике.

– Я пришлю вам все документы сегодня с вариантами игр, – моментально нашелся Ал. – Пожалуйста, постарайтесь продержаться.

Назад они шли молча: Ал, подобно пришельцам, переваривал концепцию «игры», едва заметно изучая своего потенциального сотрудника, Лина переваривала концепцию «шупалец», присосок и других биологических подробностей, совершенно не думая о присутствии рядом потенциального начальства. Как всем людям, объединенным чувством общей, но чертовски непростой победы, говорить им было не о чем.

– Твою ж...

Нас стуле для посетителей напротив Марьяны сидел насупленный Семен. Увидев новую группу свидетелей его страданий, он уже было обрадовался, но его резко оборвал Ал: – Семен, сворачивай свой лингвистический тотализатор. Вам сейчас с Линой нужно встретить и проводить господина Мэна ко мне. Постарайтесь сделай так, чтобы обошлось без жертв, ладно? Я пока подготовлю его документы.

– Однажды шеф научится внятно формулировать задания, но это будет не в мою смену, очевидно – проворчал Семен, ловким жестом выхватывая куртку из недр стоящего возле Марьяны шкафа.

Первым делом, по словам Семена, нужно было добраться до моста, так как пересечение мостов без провожатых может рассматриваться как нарушение третьего уровня и вести к весьма прискорбным последствиям.

– Слушай, Семен, а что было не так... – начала Лина, но замолчала, потому что Семен уже смотрел куда-то за пределы моста, в его глубину. Из которой в ответ на озадаченных сотрудников с огромной надеждой смотрел господин Мэн, переплетавшийся в причудливый и недоступный человеческому пониманию бант.

«Вопрос! – озарило Лину. – Это же не проблема, это вопрос, завязанный в бант!» Девушка уже повернулась к Семену, но он со всей официальной серьезностью, на которую

только был способен, объяснял гостю правила пребывания по это сторону моста.

Марьяна как опытный секретарь с профессиональным изумлением выслушивала тараторящих у ее стола коллег. Если в этот момент она и жалела о появлении стажера, никто не смог прочесть даже тень этого сомнения на ее безукоризненно внимательном лице:

– У господина Мэна 17 хвостов, и его проблема в том, что они неправильно растут: сначала нечетные, а потом четные. А надо наоборот! И так как хвост попадает под описание неживых объектов, то почему-то проходит по моему отделу!

– Да ладно тебе, весело же было! Особенно с гениальным решением начать подсчет конечностей с нуля…

– И тут же выяснить, что в их картине мира просто нет концепции нулей!

– Да, а потом еще пришлось разруливать с несчастным пэпэ-эсником, который так не кстати решил дежурить именно возле моста!

– Но с ним же все будет в порядке, да?

– Ну... возможно он теперь станет чуточку нетерпимей к пешеходам, бегущим на красный свет.

– Да ладно, лучше бы светофоры отрегулировали.

– Мне вот интересно, в какой момент мы превратились в бюджетный косплей «Людей в черном»?

– Семен! – укоризненно встрял Ал, любовавшийся картиной удивительного профессионального единодушия. – Еще скажи, что ты подобную сущность в первый раз видел.

– Ну, предположим, не в первый. Но у прошлой было всего 15 хвостов, а не целых17!

Все с облегчением рассмеялись, а гипотетические кошки, которые могли успеть пробежать за это время между коллегами, поспешно аннигилировались.

– Удивительно, столько всего может поместиться в один день, – задумчиво проговорила Лина, держа в руках чашку с заваренным Марьяной чаем.

Ал довольно откинулся в кресле и уклончиво пожал плечами:

– Ну... иногда мы действительно немного растягиваем время при помощи одного артефакта. Но только в суматошные дни – такие, как сегодня. Ты сама видела, что творилось.

– Вообще-то порча времени – нарушение третьей категории, – из вредности встрял Семен.

Лина невольно перевела взгляд на висевшие на стене часы: казалось, стрелки намертво приклеились к циферблату сразу после беседы с Альфа Центаврой, а в кармане, где обычно лежала зажигалка, невесть откуда материализовалась подозрительная монетка:

– Интересно, а для растягивания зарплаты у вас тоже артефакт есть?

Семен в кресле одобрительно хмыкнул.

– Вот, об этом я и хотел сказать. Лина, спасибо за помощь сегодня! Вы успешно прошли стажировку и с завтрашнего дня можете официально приступать к работе!

– Что ж, мне тоже нужно вам кое-что сказать, – девушка поставила чашку на стол исключительно ради создания паузы. – Я – журналист «Бэрг-инфо». Пишу статью о народных недовольствах отдельными заведениями нашего города. В частности – вашим.

– Пу-пу-пу, – безрадостно откликнулся валяющийся в кресле Семен. Ал выжидающе молчал.

– Но, судя по всему, – улыбнувшись, продолжила Лина, – мне придется переписать черновик с нуля. И, если вы не против, я действительно могу прийти завтра. Но чур на полставки. По крайней мере пока оклад у вас не станет трехзначным.

– Торжественно клянусь, что однажды мы к этому придем! – Ал с явным облегчением поднял руки вверх. – Только... а как вас называть теперь? Вы же явно не Лина.

– Можно и Лина. В испанском мое имя звучит как Каталина, реже - Катарина. Можно еще Кэт, Кэси и....

– Ал, пожалуйста! – притворно застонал Семен. – Ты еще можешь передумать! Два лингвиста на один офис – это перебор!

– Александр Валерьевич, простите, что перебиваю, – Марьяна неумолимо распахнула дверь кабинета. – Там снова

Альфу Центавру уронили.

– Да они угомонятся там сегодня или нет, – проворчал шеф, оставляя кофе в сторону. –Это уже 845-й раз…

– И только за сегодня!

Семен проводил взглядом бегущего шефа, потом пристально, почти жадно посмотрел на монетку, которую Лина оставила лежать в кармане пальто и лишь потом перевел взгляд на нее саму.

– Что ж, с улыбнулась девушка. – Думаю, мне тоже пора. Приятно было познакомиться. – Только скажите, пожалуйста: а во сколько мне приходить завтра?

Все трое переглянулись.

– Ну, я имею в виду, у вас же есть рабочие часы? – неуверенно спросила Лина.

– Марьяна, у нас есть рабочие часы? – С сомнением в голосе уточнил Ал.

– Конечно. Согласно уставу от 1846 года, наш офис работает с десяти до десяти шесть дней в неделю, при условии, что на территории офиса находится один из нас. И обязательный перерыв на обед: 60 минут.

– То есть у нас есть обед? – удивился Ал.

– То есть у нас есть выходной?! – удивился Семен. – А я могу запросить все свои выходные начиная с 1846 года?

– Лина, пожалуйста, приходите завтра к 10 утра. Мы очень будем ждать.

– Ну, тогда всем до завтра!

– Я согласен на половину выходных, если вторую половину мне компенсируют обедами! – доносилось из кабинета, когда Лина закрыла за собой дверь.

Легкая пауза в музыке в наушниках дала понять, что пришло новое сообщение. На экране высветилось смс с незнакомого номера:

«Учти, что мы не ждали сегодня никакого стажера. Шеф просто воспользовался ситуацией. Подпись: Доброжелатель. p.s. А монетку 2217-го года лучше верни на место. А то мало ли».

Лина убрала телефон обратно в карман пальто и уверенно прошла в двери метро.

Так было даже интереснее.

Глава 2 Мак

В запечатанном мотсуп етревнок лежит анйат.
Станислав Мел

Ты курил мак против всех бед,
Что стоят у дверей.
Princess Angine

В итоге все традиционно пошло не так. Хрупкую шею Лины обвили тяжелые лианы. С каждым вопросом они сжимались все крепче и крепче, кажется, еще немного – и ребра треснут под мощными объятиями, если они еще не... Хотя можно попробовать дотянуться до зажигалки в заднем кармане, если только вывернуть запястье… и не потерять сознание от нехватки воздуха.

А как хорошо все начиналось!

Липкое вещество безобразного цвета с угрожающей скоростью впечаталось в стену прямо перед Линой. Вслед за этим из кабинета Ала спотыкаясь (интересно, как) и несвязно бормоча извинения (интересно, чем) вылетело такое же липкое и скользкое существо, размером с пару Тайсонов и, едва не сбив девушку с ног, кубарем слетело с крыльца.

– И вам всего доброго! – крикнул хлопнувшей двери шеф. И, как ни в чем не бывало, продолжил: – Марьяна, будьте любезны, антисептик.

Марьяна увлеченно составляла отчёт, а рядом с ней по левую руку из чашки в чашку переливался чай.

– Горячий, – сообщила Марьяна немому вопросу в глазах Лины, одновременно с из правого шкафчика стола выпрыгнул антисептик, намекая шефу, чтобы он его взял. При этим девушка не открывала рук от клавиатуры, а глаз от монитора.

Шеф с явным облечением подхватил замерший в воздухе антисептик и несколько раз протер ладони, наводнив помещение запахом спирта. Затем так же сосредоточено кивнул:

– Спасибо, Марьяна! – и с видимым облегчением повернулся к вошедшей девушке:

– Здравствуйте, Лина! Идёмте, я введу вас в курс текущего проекта.

Марьяна долго посмотрела девушке вслед, но тут же переключилась на работу.

– А…

– А это практическая реализация местного суеверия, или самосбывающегося пророчества, если вам будет угодно: если мне хамят, значит сегодня четверг.

– Ну, хоть убить не пытаются, – заметила Лина.

– Да, эту шутку тоже уже успел дошутить Семен. По его мнению, цитата «многое теряют».

Лина проглотила смешок, еще не зная точно, присутству-

ет ли у начальства чувство юмора и какого качества. Тем временем Ал достал из верхнего ящика стола три папки и с шумом хлопнул ими об стол. В каждой навскидку было листов по триста. Лина прищурилась:

– И на изучение этого у нас полчаса?

Ал поднял глаза на девушку и абсолютно серьезно добавил:

– Пятнадцать минут. А так как Семен опаздывает, – шеф мельком взглянул на часы, – у него будет три минуты.

– Ничего подобного, – в распахнувшейся двери согнувшись пополам пытался отдышаться Семен. – Я почти успел.

– Раздевайся, – коротко бросил Ал.

Лина сделала самое мудрое в такой ситуации – взяла первую папку и стала пробегать глазами текст. Когда опыт подготовки к семинарам по зарубежки пригодился на все 100%... Она не могла сдержать улыбки: «Надо же, контора другая, а принципы работы те же».

Улыбка не ускользнула от Ала, который одновременно с этим пытался читать текст и смотреть на возящегося с курткой Семена, который расстегивал застрявшую собачку, параллельно читая раскрытую на столе папку и жуя отобранный у Марьяны кусок булки. Ал молча проводил взглядом крошки, с пугающей скоростью разлетающиеся по кабинету, и тут же закрыл рот, понимая, что если он сделает замечание, то препирательства потребуют времени, которого у них не было.

Вообще, кабинет Ала был уникальным местом, потому что едва ли в мире существовал более номинальный кабинет. Его дверь была почти всегда на распашку, если только Марьяне не нужно было сосредоточено поработать или у Ала не было клиентов, для которых нужно было создать вид солидной конторы хотя бы на первое время. По такому случаю Семен и Лина изгонялись либо к Марьяне, либо в архив на целых пять минут. Во все остальное время рабочий стол Ала и приставленный к нему перпендикулярно стол для совещаний были оккупированы сотрудниками, которых, правда, чаще манила компания печенек возле кулера. И это даже несмотря на то, что стол для совещаний был возвращен из изгнания в архив по случаю появления нового сотрудника – до этого Семен с Алом периодически сражались за право восседать за письменным столом.

Еще в самом начале работы Ал уяснил простую человеческую истину - хочешь спокойно поработать, поставь вкусняшки возле кулера, и коллег в кабинет будет не заманить благодаря негласному правилу №56 «в кабинете не жрать». Ал еще раз поднял глаза на фонтанирующего крошками Семена, и напомнил себе, что он вообще-то здесь руководитель, а любое руководство начинается с управления гневом. Imperare sibi maximum imperium est, и все такое.

– Я надеюсь, ты сейчас будешь фонтанировать идеями так же, как крошками.

– Агм? Ом! – Глаза Семена округлились и большой кусок

предательски отвалился на пол под строгим взглядом Ала. Семен торопливо сглотнул: – Я все уберу! И да, у меня уже есть идея. Семнадцать. Нет, восемнадцать! Хотя скорее пятнадцать с половиной…

– Лина? – так же строго спрашивает Ал. И Лина неожиданно теряется: – Я просмотрела только первые двадцать страниц…

– Это более, чем достаточно, – кивает Ал. – Тем более, что все три наши дела объединены одной проблемой…

Входная дверь с треском упала на пол, стекла с мелодичным звоном разлетелись по полу. Марьяну спокойно повернула голову: вкатившиеся зеленые ростки, казалось, разрывали само пространство. В присутствии этого было больно дышать и непонятно, как обходиться без дыхания: каждый миллилитр свободного объема воздуха взрывался тысячей острых игр, через мгновение распахивающихся в широкие зеленые листья. Секретарю понадобилось доля секунды, чтобы покинуть свою место и замереть в том, что Ал мгновенно распознал как боевую стойку:

– Марьяна! Чаю гостям, – и чуть мягче: – Пожалуйста.

– Да нуууу, у нас опять будет проблема живого и неживого? – разочарованно тянет Семен, выбирая игнорировать реакцию Марьяны. – Так неинтересно.

– В этот раз все куда интереснее, это я тебе гарантирую, – отмахнулся Ал, по-прежнему сосредоточенный на Марьяне.

– Лина?

– Я займусь! – ответственно вызвалась журналист и пафосно поприветствовала гостя. Тот в ответ осторожно потянулся веткой к протянутой ладони. Марьяна успела заметить, как побелели костяшки пальцев, которыми Лина взялась за край ее стола, и что Ал подался вперед, готовый отреагировать в любую секунду.

– Вашим вопросом будет заниматься мой отдел, – галантно добавила Лина. – Я рада с вами познакомиться. Предлагаю пройти в кабинет и все обсудить.

Удивительно, но от неприятностей не застрахован никто: ни в ближних мирах, ни в дальних, ни звездные системы, ни суровые хранители тайн, ни тараканы… Кстати, надо бы уточнить у Ала, приходили ли когда-нибудь гости в форме тараканов? А то неловко будет начать сотрудничество с угрозы тапком. Хотя Ал такое не допустит, у него потрясающее чутье на любые отклонения от нормы, которые можно засчитать как неприятности. Тринадцатая несчастливая вилка в подаренном на новоселье наборе, вечно непроходящая простуда или аллергия на четверги, – из любой, даже самой сложной и запутанной ситуации может и должен быть найден элегантный (усилиями Ала), единственно верный (усилиями Семена) или просто оригинальный и неожиданный (усилиями Лины) выход.

Ал тем временем невозмутимо ассистировал секретарю:

– Марьяна, подскажите, пожалуйста, в какой из чашек нет яда? Ага, вот в этой и в этой. Спасибо, – он серьезно смотрит в полные ненависти и холода глаза девушки, вынужденной беспрекословно подчиниться. С этим нужно будет разобраться, но потом, потому что нужно подстраховать Лину. Человек меньше месяца работает, надо же хоть немного иметь совесть и игнорировать хоть иногда ее великолепные таланты. И заодно спасти Семена от него самого. Но это больше на всякий случай.

В кабинете жизнерадостно шуршат бумагами. Лина жизнерадостно болтает с гостем, Семен делает вид, что его живые гости не интересуют, но при этом не пропускает ни слова, а солнечные лучи как никогда миролюбиво укладываются на подоконники.

– Чай, – произносит Ал на малознакомом в наших мирах наречии, ставя чашки Лине и гостю. Семен тут же хищно щурится: подать растительной твари бульон из ее мелкопорезанных родственников – ооо, эту логическую ошибку и дипломатический просчет он будет припоминать Алу до скончания веков.

– А мне чай?! – безмолвно возмущается эксперт по борьбе с неживыми неприятностями.

– Сам нальешь, – одними губами произносит Ал.

Семен, который утверждал, что он принципиально не

умеет читать по губам, снова надувается и фыркает в ответ. Лина и гость что-то внимательно чертят на листике, разговаривая уже вполголоса, гость то и дело соглашается, кивает, заставляя зеленую поверхность вздрагивает, проводит робкой веточкой по листу бумаги в ответ и … растет. Как оказалось потом, он рос с беспрецедентной наглостью. С каждой секундой эта дрянь едва заметно становилась больше и больше, и больше, но в приличном обществе на такое обычно не принято обращать внимания.

– Повторите, пожалуйста, последнюю фразу – мило улыбнулась Лина, указывая взглядом на черную округлую коробку в центре стола. – Звук переводчика был несколько нечеток…

– Твою ж… – успевает отреагировать Семен, отскочив от стола.

Одеревневшая лиана легко выхватив девушку из-за стола, будто тряпичную куклу, прочно сжала ее в объятиях зеленых ростков, который с каждой секундой становились все крепче и крепче.

Ал внимательно наблюдал за ситуацией.

– Спокойно, – попыталась выдавить Алина, но нельзя было разобрать ни слова – тяжелая лиана слишком туго сомкнулась на горле.

– Ей конец, – пискнул переводчик, пытаясь передать рычание твари. – Если не дадите ключи от семимостья. У вас же есть ключи?

– Нет, – твердо произнес Ал. Они есть только у транспортной службы и безопасников. – Но я могу достать. Если отпустишь.

Тварь сжала лианы сильнее.

– Сейчас. Доставай сейчас. Ей – недолго.

Что-то неприятно хрустнуло. Ал медленно встал.

– Уйди. Не подходи, – лианы зашевелилась сильнее, зеленые листья замелькали будто пиксели в последнем уровне игры. Ал примирительно поднял руки:

– Ну, я же должен как-то достать ключи. Тебе ведь нужны ключи, да? Сейчас. Мне нужно поправить переводчик, чтобы не было взаимоне…

Неожиданно раздался легкий щелчок зажигалки, тварь заревела от боли, расслабляя. Ал, перескочив через стол, треснул ее переводчиком несколько раз, заставляя окончательно разжать стебли, а Семен ткнул ручкой от швабры в самое сердце вопящего комка. В итоге тварь ломанулась в окно, от ужаса снеся собой стеклопакеты и даже железную решетку, привычную для первых этажей.

Мгновение спустя Марьяна и Ал уже поднимали Лину с пола.

– Хана переводчику, – резюмировал Семен.

– Да нормально с ней все, сейчас придет окончательно в чувство… – Семен обмахивал Лину подобием веера из документов. – Только Ал, ты все равно нажалуйся на них по

полной, ладно? Это что вообще за…

– Конечно, – согласился Ал, который с решительным видом отправлял жалобы на нарушение протокола дипломатического сотрудничества, сидя на месте секретаря.

Чайник в руках Марьяны появлялся по особому случаю: для заваривания чая ее далекой родины.

– Умный ход – сжечь эту тварь. Я бы тоже так поступила, – вслух рассуждала секретарь. – А еще можно было бы отрезать каждую лиану. Выдернуть каждый листочек, каждую почку, каждый побег… Или запереть эту тварь в парилке. Или облить химией по борьбе с… с сорными растениями.

– Марьяна? – тихонько позвал Ал. Девушка поморщилась.

– Эти твари… эти либры. Знаешь, у них такая привычка была – просачиваться во дворы на окраине деревни, проникать в дома, а потом… Говорили, что в человеческом деле достаточно питательных веществ для недели жизни либры средних размеров…ребенка же пяти лет едва хватает на два дня.

Ал ничего не говорит, но провожает Марьяну взглядом и, только когда чашка с горячим, но не обжигающим чаем оказывается в руках у Лины, возвращается к документации.

– Гадость какая, – выдыхает Лина, имея в виду то ли чай, то ли всю ситуацию. – Вот с детства не доверяю лианам. Хотя прикиньте, я как-то хотела вырастить клематисы вокруг двора, потому что прочитала, что с греческого они значат «сломай нос», и в их ветках легко запутаться, упасть и сло-

мать нос, поэтому я ходила насадить их по периметру двора, чтобы точно никакой вор не сунулся, и еще вырастить злых растений-охранников которые кусали бы всех посторонних за…

Семен тут же влезает:

– Слушай, а может их модифицировать? Вот чтобы они не кусали, а щекотали. Представляешь, вор лезет, а его щекочут... Как засадим вокруг офиса все…

– Ну уж нет, – наконец подключается к разговору Ал. – Вариант Лины куда гуманнее!

– А, я и забыл, что ты…

– Ал, это было нарушение конвенции по безопасности, – вдруг безапелляционно прерывает Марьяна. Семен знает этот тон: спорить с секретарем сейчас все равно что совать голову под асфальтирующий каток.

Ал чуть закусывает губу, но тут же решительно признает:

– Да. Можешь подать официальную жалобу на мою безлаберность. Более того, вы с Семеном имеете полное право сообщить о нарушении старшим последних дополнений к Базовому руководству, а также протоколов 17, 18, 121 и…

– Брось, – оборвала Марьяна. – Ты знаешь, нас с Семеном волнует не *это*.

Шеф устало потер переносицу, и Семен тут же переключился на Лину, делая вид, что ничего не видел.

– Ребят вы такие умные, просто жуть… Но такие странные вещи говорите. Нарушения, протоколы… А можно без

всякой вот этого страшного всего? В смысле, никто же не пострадал, все обошлось. Было даже любопытно, – хихикнула Лина.

– Да Ал, везет тебе на таких же как ты, – тут же съехидничал Семен. – Марьяна, сочувствую.

– А на каких таких, можно подробнее пожалуйста?..

– Марьяна напомни пожалуйста почему мне в голову не приходила мысль разогнать всех сотрудников офиса и набрать нормальных?

– Ну ты же следуешь принципу «быть первым кто исполняет свои же приказы». А где ты себе замену отыщешь?

– Туше, – кивает шеф.

– О, а можно мне еще вот этого очень странного очень вкусного чая…

– Марьяна, это опять тот самый ромашковый чай? А если бы у нее была индивидуальная непереносимость компонентов?!

Марьяна примирительно пожала печами:

– Вообще-то в этот раз мятный…

– С такими темпами мы скоро успешно угробим Лину и снова будем работать втроем!

– Семен!!! – синхронно воскликнули Ал и Марьяна.

«А я что, я ничего,» – Семен невинно пожимает плечами, Лина улыбается в чашку, и рабочий день близится к завершению, как будто волшебная монетка, растягивающая время, наконец решилась вернуть вечности взятое у нее в долг.

Глава 3 Колесничий

Меня пугает, к чему лукавить,
Тропинки спуск в непроглядный мрак.
И как же трудно себя заставить
Опять решиться и сделать шаг.
Скади и Локи «Колесничий»

– Да уйдет она, я тебе говорю.

– А я считаю, что нет, – упрямо заметила Марьяна.

– Уйдет-уйдет, у нас стажеры не приживаются, говорят, у начальства характер дурной, – ехидно заметил Семен.

– Ты что опять его ненавидишь?...

– Я…

Лина решила мужественно оборвать мелодраматическую беседу и открыла дверь: меньше всего ее сейчас интересовало, что Ал с Семеном не поделили. Наверняка это было что-то интеллектуально сентиментальное.

Голоса внутри мгновенно и ни разу не подозрительно стихли. Марьяна внимательно сортировала отчеты, а Семен не менее увлеченно рассматривал незаполненный бланк. Лину это не остановило:

– Так, коллеги, колитесь, что у вас тут происходит.

– Ничего, – абсолютно искренне сказала Марьяна, вски-

нув на Алину огромные непроницаемо холодные серые глаза.

– Так, не надо обижать коллег недоверием, ну…

Семен презрительно поморщился:

– Русская народная игра. Тотализатор называется.

– Отлично! И на что ставим?

Девушка смотрела на них прямо и открыто, Семен и Марьяна на всякий случай переглянулись.

– Останешься ты или нет. Мы с Марьяной ставим, что нет. Ал почему-то считает, что да.

– А на себя можно ставить?

– Обойдешься. Жульничество не приемлем.

– А если я предложу новое пари?

Семен моментально клюнул, что было понятно по загоревшимся глазам, Марьяна предостерегающе нахмурилась.

– Ну... я, например, считаю, что у нашего шефа – гуманитарное образование, – абсолютно серьезно сказала Лина. Причем, какое-то явно бесполезное, так как на него особо не повлияло. Филолог он, что ли?

– Да нет конечно, куда ему, – фыркнул Семен, делая невозможным понять, в ком он больше разочарован, в начальстве или в филологии. – Я ставлю на какую-то спецподготовку. Всякое, где преподают что-то про холодные руки, психологическую устойчивость и вредный характер…

– Вот тебе лишь бы кощунствовать… Итак, Марьяна, кто же из нас выиграл?

– А это неизвестно.

– В смысле?

– Никто не знает настолько личную информацию про нашего шефа. А он, естественно, не скажет.

– Зануда он потому что… – обиженно буркнул Семен, выпытывавший эти данные под самыми благовидными предлогами уже несколько лет.

– Минуту, но у нас же в архиве лежат личные дела на каждого из нас, да?

– Дела руководителей хранятся в центральном офисе, – заметила Марьяна, причем идея залезть в чужое личное дело ее ничуть не смущала – если это не личное дело Ала, конечно.

– Да что это такое, почему я не могу нормально поработать! Семен, ты опять издеваешься?!

– Я что??

– Сюда! – Ал требовательно протянул раскрытую ладонь. – Немедленно!

– Да я только на пять минут одолжил…

– Немедленно, я сказал!

– Ой да подумаешь, – подчеркнуто расстроился Семен, доставая из кармана коробок спичек. Ал внимательно окинул всех взглядом и вернулся в кабинет.

– Думаешь, он все слышал? – спросила Лина

– Аааа, – отмахнулся Семен. – Он просто скотина по-

следняя иногда. Непременно надо было отобрать. Защитник блин. А я их, между прочим, полночи ловил, по кустам лазил, вон колени до сих пор болят.

– А вот я не понимаю, откуда у тебя такие приступы живодерства. – Строго заметила Марьяна. – Ты за столько лет так и не понял, что чувствительность Ала к источникам света запредельная?

– Да я бы сам бы ему отдал бы! Просто потом. Почти как сюрприз.

– Светлячки что ли? Разве у нас они водятся?

Семен раздосадованно уткнулся в свою легкую куртку.

– Нету у нас ваших южных приколов. Не бывает-с. Это первые летние звезды. Были-с.

– Семен. – Сказала Марьяна. – Ты бы еще астероид притащил. – И нет, это не рекомендация!

– Ясно. Понятно. – Лина взглянула на очередное сообщение. – Значит я сейчас в редакцию, буквально на полчаса. Если ко мне будут вопросы – датите знать?

– Иди уже, – проворчал Семен. – На связи.

Марьяна молча кивнула.

– Я ничего не понимаю, что происходит, но надеюсь эти свежие булочки помогут разобраться!

Марьяна невольно поднимает вопросительный взгляд.

– Ну, у меня так-то со вчерашнего дня все не было времени нормально поесть…С этот статьей… Кажется, в ней

несколько сотен правок на пару тысяч знаков…

Семен тут же выпархивает как джинн из кабинета на запах булочек и радостно заявляет:

– Я не знаю, что ты есть такое, но я тебя обожаю

Ал с любопытством выныривает в приемную. Марьяна отрывается от

монитора ровно настолько, чтобы оценить ассортимент. Семен жует уже вторую.

– Ты гений. Ты – лучшее великолепие, что случалось с этим офисом за последние...

Он замолкает, потому что Ал иронично кашляет.

– За последние булочки, – заканчивает Семен.

– Спасибо! – Ал хватает булку, пока она еще есть, идет в кабинет, забирает папку с бумагами, выходит обратно и только потом откусывает, потому что негласное правило №56. Параллельно с поеданием булки и чтением он умудряется расхаживать по коридору. Марьяна смотрит на это безобразие:

– Ну, судя по скорости передвижения у нас есть три новости: хорошая – у нас новое дело, плохая – Ала что-то в нем настораживает, и третья – … Марьяну перебивает поспешно дожевавший и дочитавший Ал:

– Кстати, это очень хорошо, что ты пришла сегодня. У меня три новости: хорошая – у нас новое дело, плохая – меня настораживают кое-какие детали… И третья… Да Семен! Ты опять издеваешься?

Лина прыснула от смеха, Марьяна сдержанно приподняла бровь, а Семен хихикнул с риском для здоровья, потому что пытался прожевать три булки одновременно, равномерно откусывая от каждой.

Первое дело решилось само, а пока Ал уточнял детали второго, Марьяна была вынуждена пожертвовать угол своего стола.

– Нет, это не то!

– Нет, так! Переписывай!

Марьяна зашла в кабинет к Алу, который пытался сосредоточиться и выяснить, кто кого попытался сожрать, сколько присосок было у жертвы, а сколько у нападающего и можно ли безнаказанно передать эту проблему более компетентным в погоне и обезвреживании сотрудникам…

– Все. Офису конец, – серьезно сказала она и подождала, пока Ал наконец внимательно посмотрел на нее:

– Семен все-таки решил посидеть спокойно пять минут и лопнул от переизбытка чувств?

– Хуже, – неожиданно мягко сказала секретарь.

– Неужели к Лине вернулась способность мыслить здраво, и она все-таки настучала на нас куда следует?

– Тем более нет, – легкая улыбка озарила лицо Марьяна. – Ты описываешь обычные катастрофы, а я говорю про настоящий апокалипсис. Хочешь – вон, сам посмотри, только тихонько.

В неизменно приоткрытую дверь кабинета уставились две пары любопытных глаз:

– Мы разоримся, Ал, – выразительно шепнула Марьяна. – Они извели уже 18 листов.

Лина и Семен синхронно подняли головы в сторону двери, Лина приветливо улыбнулась, Семен выбрал игнорировать происходящее, считая написанное на бумаге более достойным его внимания. Ал подошел к ним поближе и наклонился над листами:

– А, так вы нашли мой сборник лингвистических задач!

– Твой сборник? – удивилась Лина.

– Он сам пропал! – поспешил оправдаться Семен. – А нечего свои вещи по всему архиву разбрасывать!

– Я могу присоединиться?

– Нет, не можешь!! – из вредности взъелся Семен. Лина кивнула, коллега посмотрел на нее как на предательницу. – Ты уже решал, это нечестно!

– Вообще-то ты тоже, –заметил Ал.

– Вот, смотри, – Лина повернула к Алу исчерканный лист, – у нас уже 16 вариантов, и ни один не совпадает с ответом в конце.

«16 вариантов? А листов извели 18!!» – подумала Марьяна, неодобрительно нахмурившись.

– Тут все очень просто: в этой книге… – Ал сделал драматичную паузу, как заправский актер, – ошибка в ответе. Я перепроверял несколько раз. Лично.

– Да ладно…

– Хорош заливать!

– И, если вы сейчас составите мне лингвистическую систему для коммуникации с катубами – я даже скажу вам, где еще ошибки в ответах.

– Я все понял. Ща все будет. Ал, тащи образцы!

Семен замер посреди комнаты, казалось, он читал все листы одновременно. Ал что-то шепнул Лине.

– Ал, пожалуйста, помолчи хоть минуту!

Шеф только невинно пожал плечами в ответ. Семен что-то чертил, что-то рисовал, а Ал с Линой наблюдали за священнодействием.

Семен – это ходячий театр одного актера. «А вернее, цирк,» – как заметил бы Ал в разгар дурного настроения. От него действительно было невозможно отвести взгляд: волосы, которые начали отрастать и предательски виться, выглядели еще более всклокоченными, чем обычно, взгляд смотрел то на листки, то куда-то в пустоту на видимые ему одному скрижали, а тело пружинило с каждым шагом, как у тигра перед прыжком.

– Все! Система готова!

Семен разве только не лопался от собственной важности. Ал мельком взглянул на чертеж:

– Отличная работа. Только ты знаки перепутал… здесь и … вот здесь.

На лице Семена отразилась вселенская боль.

– Но ты справился быстрее, чем обычно, – мягко утешил Ал, и повернулся к Лине: – Ты хоть что-то поняла?

– Неа, – честно сказала Лина. – Выглядит как магия.

– В исполнении Семена – да. В моем, как ты убедишься, обычная занудность. Что-то среднее между лингвистикой, квантовой теорией опасений, криптографией и поэзией имажистов…

– А почему…

– Семен быстрее, чем компьютер. И с меньшим числом ошибок.

«Бешеная контора,» – не в первый раз мелькнуло у Лины в голове.

– Слушай, Семен, – девушка оторвалась от рассматривания чертежей и таблиц. – А сколько языков ты вообще знаешь?

Семен замер, задумался, начал загибать пальцы, сбился, начал заново. Ал, не поднимая глаз от бумаг, спокойно сказал:

– Цензурных – восемь. Нецензурных – тридцать четыре.

Семен обиженно надулся:

– Вообще-то уже двенадцать… Я просто испанские глаголы одолеть не могу. Бред там какой-то.

– Ты про отклоняющиеся? Я могу посоветовать хороший учебник…

– Учебники для слабаков! Я стараюсь вывести систему языка прямо сходу, в процессе взаимодействия – иначе грош

цена моим знаниям… Минуточку, а ты откуда знаешь про отклоняющиеся глаголы?

– Испанский был третьим иностранным на моем факультете.

– Странный у тебя факультет, конечно, – недовольно пробормотал Семен, возвращаясь к работе, пока Ал с любопытством наблюдал за Линой.

– Ребята, там… – Марьяне было совсем чуточку, но все-таки жаль прерывать безобразную трату листов для полезной работы.

– Уронили, – уверенно сказала Лина.

– Ага.

– Уже иду.

– Давай я схожу с тобой. Заодно покажу работы системы на практике. Рядом с Семеном сейчас все равно сидеть опасно, он полыхнет как спичка из-за малейшего звука.

– УГУ! – добавил Семен, который вычитывал программу на предмет перепутанных знаков. Детали. Как же он их ненавидел.

Когда Семен, наконец, вынырнул из своих чертежей, Лина и Ал уже полчаса как сидели в переговорной. В это раз игру предлагает Ал: он загадывает загадки, а остальным нужно их разгадать и пояснить принцип, на котором строится загадка… но уже через пять минут все с огромным любопытством рассматривали недавную схему «изменения восприя-

тия лиственных деревьев в Оренбургской области».

– Вот смотрите, – Ал водит пальцем по схеме. – Вот здесь точка сборки. Если ошибешься, результатом будут огромные разрушение. Или колоссальная запутанность. Но если сделать правильно – дальше система выравнивается сама, и неприятность… нивелируется. Если, конечно, ее не подпитывает что-то извне. Чей-то злой умысел, например.

– То есть наша задача – помочь системе выровняться?

– Это очень хорошая формулировка нашей задачи.

– А как мы понимаем, что есть система?

– Лина, вам, как журналисту, наверняка знакомо определение «мир есть текст». А что есть текст как не система знаков и смыслов? И системой, равно как и текстом, может быть что угодно… Для вас же, господа, будет понятнее, если я скажу «мир есть щупальце»? Потому что оно оплетает субъекта, взаимодействует в определенных центрах контактах-присосках и разворачивается в строгой логической последовательности сжатия и расслабления мышц… – пояснил Ал уже для Лины.

Альфа Центавра издала одобрительный бульк.

– А почему именно здесь – точка сборки? – Девушка показывает на узел. – Что тут такого?

– Хороший вопрос. Это место стыка, суперпозиция, выбор здесь предопределит, что будет дальше. В таких местах часто встречаются от двух полей притяжения, или энергий, если будет угодно, или семантических полей, если упрощать.

И появление неприятности на сломе чревато...

Он не заканчивает, но все понимают. Экран Альфы Центавры загорается ярче. Бегущая строка перевода: «Мы поняли. Это как в игре, когда нужно выбрать правильный путь и открыть нужную линию событий».

– Да… можно и так сказать.

«Матфак или компьютерная лингвистика?» – задумывается Лина.

– Ал, мы хотели бы спросить пожалуйста, – Альфа Центавра издает смущенное шипение. Мы тут кое-что узнали о землянах, и не знаем, верить ли этому…

– Конечно. Что такое? – серьезно спрашивает Ал.

– Нам тут Лина загадала… нам было стыдно спросить... Что такое: «Висит груша, нельзя скушать?»

Ал старательно держит лицо, но в глазах уже мелькают смешинки:

– Лина… не могли бы вы объяснить нашим гостям, что является ответом на эту загадку?

– Ал, боюсь, я вынуждена попросить вашего руководства в этом вопросе… – отвечает Лина с легким поклоном.

– Хорош стебаться! Какой ответ?!

Шеф удивленно приподнял бровь, мол, это что еще за безобразие.

– А, это с ними как-то работал Семен. Ему было скучно и захотелось разнообразия.

– Давайте так, – мягко говорит Ал, опустив комментарий

насчет инициативы любимого сотрудника. – Мне потребуются ваши варианты ответов на эту загадку. Суммарно: три тысячи. Как только вы достигнете нужного числа, я дам вам подробный ответ со всеми необходимыми пояснениями. Вполне возможно, что вы сами успешно его обнаружите к этому моменту.

– Мы умные, – азартно забулькала Альфа Центавра. – Мы сможем.

– Ты надеешься не дожить до этого момента? – со смешком спросила Лина, когда экран переговоров погас.

– Хотел бы не дожить, запросил бы пять тысяч вариантов. А так я собираюсь посмотреть, как ты будешь отдуваться, – лукаво парировал Ал.

В офисе было тихо. Марьяна ушла домой, коварно воспользовавшись официальным окончанием рабочего дня. Семен дремал в кресле, в тщетной попытке свернуться калачиком.

– Система коммуникации для катубов готова, – мягко шепнул Ал, просматривая разложенные по всему своему рабочему столу листы. – Ребята будут счастливы. Крохотный народ, почти на грани вымирания… а Семен их почти наверняка спас.

– У них была «неприятность»?

– Думаю, в вымирании из-за слияния с другими народа-

ми, приятности мало. Формально – отсутствие алфавита для передачи их звуков. В действительности – скотина-секретарь первого министра, который считал грамотность – уделом группы высших чинов.

Семен завозился на кресле, пытаясь что-то пробормотать. Ал покачал головой, и, в недрах шкафа, откопал плед, легко накинув его на Семена. Тот снова что-то сказал во сне. Ал тихонько собирал листы в стопку:

– Отправлю нашу схему народу, пусть порадуются. Кстати, у нас еще остался великолепный чай, заверенный Марьяной, а я в шкафу могу отыскать еще один плед.

– И сколько их всего?

– Девять. После той истории с… – Ал только покачал головой, намекая на как всегда на невероятную историю, которую слишком долго рассказывать и которая сейчас наверняка просто пылится в архиве.

Наливая чай, Лина невольно наблюдала за шефом: сейчас, в тишине, он выглядел особенно уместно. Сосредоточенный, внимательный, он был почти красив в своем профессионализме. Но что-то ей не давало покоя. Задумавшись, она взяла сборник задач, который они терроризировали на пару со «спящей красавицей»: вот их с Семеном спор, вот псих Семена на два листа, вот ее попытка в словообразовательную матрицу, вот краткие ответы, пикировка с Семеном, сбивчивый почерк Ала… И на одной из страниц – аккуратная ка-

рандашная «Б» со знаком вопроса.

Глава 4 Плаха

Его шаги или шаги за его спиной –
То ли эхо, то ли судьба, то ли конвой,

То ли гора, то ли голова с плеч,
Он не собирался жить вечно.
Немного Нервно «Плаха»

Последним, что увидела Лина, была Марьяна, заслонившая собой Ала. В правой руке секретарь держала шпильку для волос, светившуюся нехорошим синим пламенем. Лина, недоумевая, сделала шаг вперед и, после тяжелого удара по голове, погрузилась в темноту.

– Ну я же уже извинился! – бубнил Семен. – Я просто не успел сообразить, что это Лина! Она вообще сегодня на выходном!

Семен стоял позади полулежавшей в кресле Лины, прикладывая к ее голове замороженные котлеты.

Лина упрямо приподнялась: Марьяна сидела на месте Ала и что-то быстро печатала, шпилька, еще мгновение назад полыхавшая пламенем, аккуратно покоилась, как и всегда, в светлых и безукоризненно собранных волосах. Ал внима-

тельно смотрел на экран, тут же правя. На его рукаве бордовой хризантемой растекалось темное пятно.

– Ал… – тихонько позвала Лина. Почему-то ей казалось важным сообщить о пятне. Шеф на мгновение отвлекся от экрана и оценил ситуацию:

– Семен, тебе не пришло в голову приложить бутылку с водой?

– Черт! – Семен хлопнул себя котлетами по лбу. – Точно! Я и не сообразил…

– Будь добр, верни котлеты в холодильник и приложи воду.

Ал встретился с Линой взглядом на одно долгое мгновение и снова повернулся к экрану. Нутром Лина почувствовала, какого вопроса сейчас очень не хотел бы Ал, и задала другой, не менее важный:

– А мне кто-нибудь объяснит, что вообще происходит?

– Конечно, – не глядя сказал Ал. – Сейчас мы с Марьяной закончим с официальной жалобой на насильственное вторжение. – И тут же с демонстративной легкостью добавил Марьяне: – Я, между прочим, только что спас твои котлеты.

Марьяна только сдержанно покосилась на шефа и снова переключилась на экран. Лина раздраженно отобрала бутылку у Семена и приложила к затылку, на мгновение закрыв глаза.

– Если ты не перестанешь дергаться, я сдам тебя врачам!

А еще страшнее – Лине. Будешь запугивать несчастных молодых сотрудников своим ужасающим видом! – Семен уверенно перетягивал руку бинтом, Ал периодически морщился.

– Семен, пожалуйста. Это была досадная оплошность. Разумеется, я должен был предусмотреть… – В поисках поддержки Ал обернулся к Марьяне, но та весомо заметила:

– Я редко соглашаюсь с Семеном, но сегодня как раз такой случай.

Лина зашевелилась, пытаясь выбраться из дремы, и поняла, что она полулежит в кресле под уютной курткой в тесной компании с растаявшей бутылкой воды. Ал, заметив движение, махнул ей здоровой рукой под испепеляющие взгляды Семена и Марьяны.

– Вот так бывает, когда несколько неприятностей сходятся вместе… –начал было Ал, но то, что он просто пытается заболтать Лину, было очевидно для всех.

– Минуточку, – отмахнулась та. – Я сейчас найду кулер, и мы вернемся к обсуждению…

– Думаю, это невозможно, – пожал плечами Ал, мешая Семену надежно зафиксировать бинт под едкое «да ты сядешь уже спокойно».

– Это все, что от него осталось, – Марьяна показала на оплавленный кусок пластика, в котором можно было распознать что угодно, кроме кулера.

«Интересно, а на пластике можно гадать, как на воске…»

– мелькнула мысль Лины, но вслух она твердо произнесла:

– Да что, черт возьми, здесь произошло?!

– Поздравляю, Ал, ты привел собственную копию, – негромко и без улыбки заметил Семен.

– Ну правда, я ж серьезно, – неожиданно смягчилась Лина. – Что с вами стряслось?

Оказалось, на офис была подана жалоба, и пришли официальные представители разбираться. «Официальные» Алу сразу не понравились, а после того, как они попытались нагрубить Марьяне и ударить Семена, он лично вышел проводить гостей к двери суровой начальственной рукой. Случилась потасовка, один неловко ткнул Ала чем-то вроде самодельного кинжала, после чего господа псевдопроверяющие поспешно ретировались. А с кулером… Это у Марьяны закончилось терпение и кулер... ну… немного пострадал от напора ее эмоций.

– Мы не знали, вернуться ли они, – виновато добавил Семен. – Но тебя сегодня никто не ждал. Кому может прийти в голову явиться на работу в свой выходной!

«Тому, у кого сердце не на месте,» – подумала Лина, а вслух сказала: – А мне было любопытно, как вы работаете без меня. А то, как не приду, вечно авралы да приключения… Вот как сегодня.

Семен поспешно прикусил «а может и не стоило тогда приходить», потому что такую шутку Ал ему точно не про-

стит, и просто закатил глаза. Ал одобрительно хмыкнул, Марьяна же вежливо промолчала.

А потом пришли настоящие проверяющие.

Это было понятно сразу по тому, как нагло они вошли и как по-хозяйски стали распоряжаться. Ал незамедлительно поднялся к ним навстречу, но в ответ его грубо взяли под руки с одним лишь комментарием: «Пройдемте с нами». Ал едва заметно поморщился от боли: «Благодарю за внимание к нашей скромной конторе. Я буду готов предоставить любые документы по первому требованию». Марьяна сжала челюсть, а Лина скрипнула зубами.

– Это какая-то ошибка! – тут же говорит Лина.

– Разберутся.

– Но… – готовится протестовать Семен.

– Не закроешься, пойдешь с ним.

Лино мягко коснулась ладони Семена: если они натворят дел, то вряд ли смогут помочь Алу.

– Что вообще происходит? – строго спросила Марьяна. – Ваши документы? Отвечайте по форме 45А.

Один из проверяющих хмыкнул и протянул удостоверение. Марьяна тщательно выписывала всю информацию:

– Рядовая проверка на предмет злоупотребления полномочиями. Временное снятие с должности для предотвращения возможных злоупотреблений.

– Это арест? – спросил Ал.

– Нет. Только допрос. Но у вас нет права приближаться к этим людям с какой бы то ни было целью – это будет рассмотрено как давление на свидетелей и препятствие разбирательству.

– Запротоколировано, – сказала Марьяна. – Ваши подписи здесь и здесь.

– Контоооооорка, с уважением протянул второй проверяющий. – А вы – ждите. – он неодобрительно взглянул на Лину и Семена. – С вами тоже придут поговорить.

***

Сдав статью редактору, Лина сразу пошла в переговорную, чтобы не терять ни минуты. Потому Альфа Центавру… ну, вы сами знаете что. И еще господин Мэн настойчиво просил о помощи….

В слабо освещенной переговорной замигали экраны: на первом довольная Альфа Центавра, на втором господин Мэн: они играли между собой и ооооочень просили Лину присоединиться к ним.

«Дзынь!»

«Срочно в офис. Настоящие». М.

– Я бы очень хотела провести это время с вами, – честно сказала Алина, – но мне нужно идти. У Ала неприятности, и нужно помочь.

Экран Альфа Центарвы зарябил причудливыми знаками, неизвестными землянам.

– Если нужно кого-то уронить, мы с радостью присоединимся, – сказала бегущая строка перевода ниже.

Господин Мэн был более краток и молча скрутил из своих хвостов эшафотный узел:

– Их 17. Если что.

– Спасибо. Это бесценно, - Лина с легкой улыбкой чуть церемонно по-аловски склонила голову в знак благодарности, и выбежала из переговорной, на ходу накидывая пальто.

В офисе уже вовсю хозяйничала комиссия по надзору за трудностями. «Что за чушь,» успела подумать Алина прежде, чем удостоверение захлопнулось. Какой-то белобрысый товарищ внимательно перетряхивал папки с отчетами – Марьяна сидела неподвижно, будто минуту назад встретилась взглядом с Медузой Горгоной. Семен нервно постукивал пяткой по стене, к которой прислонился спиной.

– Лина, да? – к ней подошел самый солидный из присутствующих «гостей». Как вы думаете, Александр Валерьевич мог пойти на должностное преступление?

– Кто? Ал…лександр Валерьевич? Извините, но это даже звучит абсурдно.

– Как вы его охарактеризуете?

Семен внимательно посмотрел на Лину. Его тут же увели в кабинет.

– Ответственный. Пунктуальный. Внимательный. Иногда дотошный и въедливый.

Собеседник взглянул на Лину с явной насмешкой. Девушка упрямо добавила:

– Безукоризненный.

К нему подошел человек, уводивший Семена. Собеседник Лины пожал плечами:

– Такое чувство, что у них один словарь на всех. Думаешь, можно будет припаять предварительный сговор? Или запугивание сотрудников?

Третий, перебиравший бумаги Марьяны, откликнулся:

– Эти продолжают настаивать, что у них все добровольно-гуманитарно. Их послушать – не начальник, а…шедевр блин.

Постукивание из-за стены стало более ритмичным.

– Он азбуку Морзе выстукивает, что ли? – прищурился собеседник.

Лина замерла. Пятка замолкла.

– Нет, – сказала она ровно. – Просто устал ждать. Мы все устали.

Марьяна подняла глаза от стола и встретилась взглядом с Линой.

– Если вы отпустите сотрудников, я смогу спокойно провести вас по документам, к которым есть вопросы.

– Смотри-ка, какие стажеры наглые пошли. Вы все у него такие? С прибабахом, да?

– Мы просто делаем свою работу. А мне, как стажеру, пришлось потрудиться, осваивая все критерии и нормы, так что

я…

– Пошли отсюда – собеседник Лины отвернулся от нее со скукой на лице. – Он слишком хорошо их выдрессировал. Пусть старшие разбираются.

Последняя фраза прозвучала как угроза. Сотрудник возле Марьяны уронил папку из рук. Листы разлетелись по полу стаей белых чаек.

– Ой, как нехорошо получилось. – издевательски прошипел он, шагая спортивными кроссовками по документам.

Дверь захлопнулась, Лина тут же повернулась к Марьяне:

– Последишь? – быстро кинула она, отправляясь за Семеном.

Тот сидел в архиве и пялился на паука не отводя взгляда. Его ногти методично расцарапывали трещину в столе.

– Они ушли, – сказала Лина. – Что будем делать?

Семен мрачно и устало посмотрел на девушку:

– Думаю, ты давно хочешь узнать, кто уронил Альфу Центавру в первый раз?

– Да ладно, – улыбнулась Лина. – Ал же сам и уронил? Довольно предсказуемо, не находишь?

Семен неожиданно мягко улыбнулся:

– Ну, Ал у нас, конечно, гений, но не насколько же. Альфу Центавру уронил Борис – тогдашний лучший друг Ала, их вместе перевели в наш офис. Ала сразу назначили руково-

дителем – и можно понять почему, в начале работы в нашем офисе Ал был еще зануднее, чем сейчас. И не смотри на меня так, я сейчас тоже не верю, что такое возможно в принципе, но факт остается фактом. И почти сразу после блестящего начала нагрянула проверка – причина «неполадки в выстраивании работы с Альфа Центаврой». Все могло бы обойтись, у меня нет сомнений, что Ал уладил бы это как-то, но вот только кто-то уведомил начальство.

– И по закону жанра это конечно же был…

– Я.

Лина открыла рот, чтобы что-то сказать, закрыла его и снова открыла:

– Ты уверен?

Семен выразительно взглянул на нее и жестко добавил:

– Да, я хотел «поближе к солнцу» – я так был уверен в этом. А тут явился какой-то… В итоге Борис драматично уволился, отказавшись от карьеры.

– Ясно, – шокировано и спокойно говорит Лина, и по привычке нащупывает в кармане зажигалку с фонариком. – Значит сначала ставим чай. Пойдем, нам еще нужно собрать документы Марьяны. Эти твари еще и потоптались по ним.

Лина идет к двери. Семен бросает вдогонку, торопясь сказать, не понимая ее реакции:

– Ал знает – он несколько лет держал папку с тем делом в верхнем ящике стола, пока я не запрятал ее в архив, с глаз долой…

Лина оборачивается и смотрит на пыльную папку под хищным пауком.

– Чай, – твердо говорит она. – Сначала всем чай.

И уходит собирать бумаги, оставляя Семена недоумевать.

Марьяна ползает по полу, тихо бормоча про себя такие выражения, которые еще век назад сочли бы за смертельно опасные проклятия. Лина смотрит на разгромленную приемную, бардак в кабинете: да, нужно прибраться и еще полы помять… после этих… и наклоняется чтобы помочь.

– А вы знаете, – говорит подошедший Семен. – Я сейчас помру со всех голодов, которые только есть.

– Добудешь еды? – говорит Лина. – Мы пока тут сложим бумаги.

– Yes, ma'am! Марьяна, ты по-прежнему не переносишь яблочное?

Марьяна задумалась:

– Сегодня я бы добавила еще и грушевое.

– Заметано. Буду прям щас.

Вернувшись, Семен видит, как две девушки истерично хихикая почти валяются на пол среди остатков бумаг. Запаха спирта в воздухе не наблюдается, и это странно.

– Мы тут такое придумали, – сообщает Лина.

– Да! – потверждает Марьяна. – Если эти твари еще раз к нам сунутся – то им…!

Марьяна громко произносит непечатное слово. Семен укоризненно смотрит на Лину, мол, ты чего человека плохому учишь, но потом решает, что раз это сработало и раскрасневшаяся Марьяна не перечисляет список средневековых казней с холодным взглядом профессионального убийцы – пусть будет.

– Вот самая съедобная еда, – провозглашает он. – Еще горячее.

Лина быстро хватает первую попавшийся треугольник, откусывает и понимает, что он с луком.

– Блин! – искренне произносит она заглядывая в пакет. – Тут все такие, да?

– А это проблема? Я тут пробегал мимо пекарни, у них самая свежая самса, вот я и подумал…

– Черт, я должна была предупредить тебя.

– Аллергия на лук?

– Просто не ем. Вообще. Никак. При попытке сожрать даже безвкусную крошку лука, организм... ну, в общем, принимает меры по очистке от страшного яда, – Лина поймала себя на том, что практически извиняется. На деле ей просто было жаль усилий Семена, жаль их общих усилий, а еще хотелось на воздух и подумать. – Ниче, ниче страшного! Вы пока ешьте, я сейчас себе быстренько что-то найду…

По дороге к супермаркету Лина оказывается в ловушке на островке между двух светофоров: и какой гений их отрегу-

лировал обратно? Рядом с ней возникает сомнительная темная фигура, как только так удачно загорается красный. Лина, скосив глаза, понимает: это молодой мужчина в хорошем костюме и все его движения полны аловской элегантности, которая здесь, в спальном районе, кажется почти кощунственной.

– Ну зачем вам этот тонущий корабль. Вы вполне можете быть руководителем. В нашем *новом* офисе. С *нормальной* командой.

– А он тонет, значит?

– А вы хваткая.

– Журналистская школа.

– Я буду лично лоббировать ваше назначение.

– Я подумаю.

Загорается зеленый.

Бродя мимо полок в супермаркете, Лина чувствовала, как сильно устала. Хотелось просто сесть и ничего не делать. Или выпить чего-нибудь, чтобы расслабиться и не думать. Она постояла перед рядами с алкоголем, крутя в кармане то зажигалку, то монетку, потом покачала головой: уже поздно, утром нужна будет свежая голова. Поэтому набрать побольше еды – чтобы на всех с запасом и еще хватило на завтрак, и вернуться в офис.

– У меня есть новость! – не раздеваясь с порога заявила она. – Нам надо сделать особый бланк для отчета за текущее время. Не как обычный отчет, а честный – чтобы Ал вернулся и сразу оценил наш героизм.

– И премию выдал, – мечтательно закончил Семен. – Лично готов разрисовать виньетку ради такого!

– А у меня и подходящий бланк есть, – Как будто не веря себе самой добавляет Марьяна.

Семен почему-то долго и внимательно всматривается в Лину, но та делает вид, что не замечает цепкого взгляда, и просто очень, ну очень сильно занята рассматриванием бланков с Марьяной.

Они уже почти закончили с уборкой и даже бланком, в котором Семен несколько приукрасил свою борьбу со шваброй: «Чего только не сделаешь ради премии». Марьяна устало смотрит на его проделки, Семен выдыхает, потому что «бежать, спасать и думать» – это все чуть позже, не прямо сейчас, потому что потом они обязательно разберутся, и вернут Ала, и вернут офис в нормальное состояние, а Лина на секунду думает «пожалуйста, пусть всё будет хорошо»

Телефон в кармане вибрирует. На экране всплывает сообщение:

«Ты дура.

Подпись: Доброжелатель»

Глава 5 Воздушный змей

Связанный то ли судьбой, то ли сетями.
Немного Нервно «Маленькая смерть»

Притихший Семен раздобыл в недрах ящиков стола Ала мячик-попрыгунчик, крохотный, с небольшой трещиной, и не выпускал его из рук, пока то ковырял ручкой трещину в столе, то задумчиво перекладывал листы с правого угла стола в левый и обратно, то грохотал в нижнем ящике «морскими булыжниками» – и на время в кабинете пахло озоном, тоской и штормовыми волнами. Марьяна молча смотрела на непросыхающую лужу у стола, но ничего не говорила и отправлялась за свой стол приводит дела в порядок, ведь это самое оптимистичное, что может быть: когда Ал вернется, все должно быть в безукоризненном порядке. Не «если». Когда.

Мелкие неприятности тоже случались: утрата, даже временная, имеет свойство менять масштаб остальных проблем в меньшую сторону. Альфа Центавра падала всего 17 раз, дорогие инопланетные товарищи постепенно притихли и на последнем обсуждении даже отказались отгадывать загадки, хотя Лина и Семен изо всех сил старались выглядеть бодро и жизнерадостно. «Как все просто! Оказывается, всего-то и

нужно было для решения всех проблем – выгнать Ала,» – прокомментировал ситуацию Семен. – «Даже господин Мэн в отпуск сбежал!»

Лина резко повернулась, чтобы что-то ответить, и смахнула с полки чашку Ала: тонкий белый фарфор с едва заметным узором разлетелся на мелкие осколки.

– Это же ничего страшного…?

Марьяна промолчала, а Семен тут же натянуто улыбнулся:

– О, неживая неприятность – как раз мой профиль. Интересно, кстати, что Ал завел себе настолько неблагонадежную чашку. Или это она его выбрала? В любом случае, я считаю, в случившемся виноват Ал.

Чуть покосившись на философствующего Семена, Лина принялась собирать крупные осколки, и, даже не пытаясь объяснить себе свои же действия, выбрала самый красивый, задумчиво провела по нему подушечкой большого пальца и положила к себе в карман пиджака. Легкий узор казался выпуклым и четким, будто нить, ведущая из лабиринта.

– Твари!

Дверь распахнулась, как бумажная. Немолодой мужчина… даже скорее мужичок в присыпанном пылью дырявом свитере несколько раз развел руками. На лице его виднелись розовые пятна, а на голове отсутствовал клок волос.

– Прошу прощения?... – осторожно начала Лина. – Чем мы можем вам помочь?

– Заберите тварей, их не должно быть. У меня. На огороде.

– Пожалуйста, присаживайтесь и расскажите, что именно за твари и что они делали.

– Нет, не буду садиться, некогда мне, – резко замахал руками мужчина. – Пожрут они, весь мой урожай пожрут, пока я с вами тут рассиживаться буду.

– Хорошо, – кивнула Лина, чуть подумав. – Давайте отправимся к вам на огород, и как раз по дороге вы нам все расскажете. Семен, ты не возражаешь?

– Отпустить тебя без специалиста по неживым? А если это корнеплоды взбесились? Как сказал бы Ал: я настаиваю.

– Какие еще корнеплоды? – заворчал гость. – Нормальные у меня что свекла, что редиска, что морковка, что картошка. Я их еще позапрошлой весной на рынке сторговал…

– Идемте, идемте, – мягко подтолкнула его к выходу Лина. – Не будем терять ни минуты.

Дверь офиса захлопнулась с отвратительным звуком, так что все, вздрогнув, обернулись: на пороге стояла Марьяна, запиравшая офис на крохотный почти прозрачный ключ, который через мгновение растаял у нее в руке под вопросительными взглядами коллег.

– Я полагаю, мне лучше пойти с вами, – коротко сообщила Марьяна. – На тот случай, если твари действительно представляют какую-либо опасность.

«Прекрасно, – подумала Лина. – Вот это действительно

правильно. Если нас и убьют – то сразу всех».

Небольшой участок пгт порос каким-то особенно противным бурьяном: спорыш путал ноги, одуванчики росли очень уж размашистые, чертополох впивался в рукава, оставляя дыры. Неестественно упругие стебли цикория хлестали по ногам, оставляя розовые полосы даже под одеждой, а полынь пахла тошнотворной горечью. Семен изредка оглядывался на Марьяну и что-то вполголоса ей говорил, безошибочно угадывая желание девушки сжечь здесь все. Мужичок легко бежал впереди, что намекало, что участок ему знаком.

– Пришли! – выдохнул он почти радостно, как только из-под небрежной поросли виноградника показалась яблоня с небольшим столиком под ней.

За которым сидела тварь.

Лина инстинктивно сжала зажигалку в кармане, Марьяна аккуратным движением распустила волосы. Семен на всякий случай оглянулся, не окружили ли их часом эти прелестные существа.

– Надо же… – лениво протянул живоглот, запрыгивая на стол и расползаясь по нему, как бесформенная субстанция. – Зайчатки без своего папо... художественного руководителя! – Живоглот хищно улыбнулся, соорудив из кривых отростков подобие оскала. – А как так вышло? Неужели он наконец-то научился использовать младших сотрудников? О!

Неужели что-то стряслось, раз уж вы здесь полным составом…

– Лина, у меня предложение, – неожиданно громко начал Семен. – Давай ты его быстренько убьешь, и он сразу же перейдет в работу моего отдела, договорились?

Живоглот нетерпеливо завозился на месте.

Лина чуть повернулась к Семену, будто обдумывая его предложение, а потом оценивающе осмотрела тварь:

– Да будет тебе, Семен. О такого *крошку* руки марать.

Краем глаза она заметила, как позади нее все ярче разгоралось синее пламя, и обратилась к мужичку:

– Судя по всему с тварями вы проблем не имеете. На этом наша миссия завершена, я так полагаю?

– Съеееееем! – завопила тварь, подтягивая щупальце к Лине. Девушка уверенно наступила каблуком на мутно-зеленое щупальце, вытянув вперед зажженную зажигалку. Тварь скривилась.

– Что ж… полагаю, если мы здесь все зачистим, центральный офис нам выпишет премии и выдаст отпускные.

– Жжжживое… не горит…

– Да вы просто жечь не умеете, – твердо заметила Марьяна. Лина отпустила щупальце, покосившись на мужичка – он сидел в кустах тигровых лилий и с равнодушным любопытством наблюдал за происходящим. Что-то не естественное было в его движениях с самых первых минут как он появился в офисе. Выпотрошенный?

Изумленного взгляда Лины на Семена было достаточно, чтобы тварь почуяла, что вот оно – время ринутся в бой со своим обедом из трех блюд.

– Семён! Ты чего! По канону сюжета ты должен уравновешивать Ала!

Случайный прохожий был бы по меньшей мере заинтригован отрывшейся картиной: три взрослых человека валялись на пыльной грунтовке и нервно хихикали, при этом одна из девушек была босиком: ее туфли остались в раздувшихся боках твари.

– То есть быть нормальным, умным и очаровательным? Фигушки, пусть сам отдувается.

– Семен, – укоризненно заметила Марьяна, намекая на «эмоционально окрашенную лексическую единицу».

– Я Алу передам, – хихикнула Лина

– Да сколько угодно, – отмахнулся Семён. – Он все равно не поверит. В лучшем случае решит, что это очередная шутка с тройным дном.

– А в худшем?

– Полгода будет обижаться на слово «нормальный».

Понять шутит ли Семён было решительно невозможно. До щемящей печали это кого-то напоминало. Кого-то, кто отчитал бы сейчас товарищей по несчастью за нарушение всех возможных принципов безопасности, кроме, пожалуй,

последнего: стратегическое отступление бегством не считается. Тем более, что и позориться не перед кем – весь поселок был подозрительно тих, как будто зеленые стены отрезали его от внешнего мира и сожрали все способное издавать звуки.

– Ничего не знаю, – решительно сказал Семен. – Я жалуюсь безопасникам, нам тут делать нечего.

– Напомни, а почему мы их квалифицируем как неприятности? – задумчиво поинтересовалась Лина, отряхивая землю. Марьяна молча ходила по едва различимой границе, отделявшей зеленый мир от вытоптанной дороги, еще не успевшей сдаться.

– Готово! – Рука Семена с телефоном опустилась на колено. – Больше эти твари не побеспокоят никого. А неприятности они, потому что… – мужчина настороженно оглянулся вокруг. – Выбираться нам надо отсюда, вот что.

– Поддерживаю, – согласилась Марьяна. – Лучший путь – прямо по этой дороге. Быстро.

Кусты маняще качали ветками, деревья шуршали листвой и было невозможно различить, ветер ли это или чье-то легкое тело скользит между бликов в тени.

– А нет, не сработало. Не срослось! – Семен досадно поморщился. – Безопасники «неприятности не занимаются».

– Да почему это неприятности? Нас же чуть не съели?

– Вот если живоглот выберется за пределы пгт и начнет

угрожать мирному населению, тогда им займутся безопасники, – строго заметила Марьяна. – А сейчас мы имеем только сбой в системе пгт, где одна случайная неприятность привлекла живоглота. Вашему миру они не свойственны.

– Я все равно не…

– Смотри, на событийном уровне это могла быть мелочь: хамоватая продавщица в хлебном ларьке, ребенок, порезавший локоть об осколки бутылки в траве, дура–соседка, пускающая мерзкие сплетни…

– Да, но таких поселков тысячи, если не сотни тысяч.

– Неа, – Семен внезапно остановился, взмахнул руками и снова решительно двинулся вперед. – Для кого-то эта неприятность стала бедой. Поворотной, болючей, меняющей судьбу, и это было ни раз и ни два. Вот на это отчаянье и явился живоглот, которому плевать чем питаться, лишь бы живое было и дергалось. А тот, кто стал человеческим носителем этих неприятностей – вы его видели. Вернее, то, что от него осталось. Потому что вот так и работают неприятности: привязываются к человеку, пока не выпотрошат его полностью.

– Предлагаю их сжечь, – вынесла вердикт Марьяна. – А что еще делать?

– Погоди, погоди, ещё успеем, – Лина задумчиво оглянулась вокруг, будто ища подсказки. Пгт сменилось прелестным спальным районом с тенистыми улочками, редко проезжающими машинами и автобусными остановками. Убаюкивающее спокойствие было смертоносным, как бесконеч-

ная анестезия. «Что делал бы Ал на нашем месте, что бы делал...»

– Черт! – Лина наступила на какой-то неровный камень и не на шутку разозлилась. – Марьяна, Семен, а мы можем связаться с погодниками? У меня, кажется, есть безумная идея…

«Аномальные перепады температуры на севере нашего региона привели к значительной гибели зеленых насаждений. Особенно пострадали пгт…»

– Семён, будь любезен, избавь стол от своего богатырского веса.

Лина, сидя в кресле, отчаянно боролась с тканевым лейкопластырем, который демонстрировал все признаки неживой неприятности и отказывался разматываться.

– Это не я столько вешу, это мое уныние, – мрачно заметил Семен, и не думая слезать.

– Уныние тоже со стола забери, – наконец Лине удалось отрезать приличный кусок липкой ткани.

– И ты тоже?! Я же говорю, что он ужасный человек. Месяц его нет – а мы уже копируем его интонации. Вредитель. Вирус. Шантажист!!

– Семён, – выдохнула Лина. – Вот мне почему-то кажется, что ты больше всех соскучился.

– Естественно. Мне же надо кого-то ненавидеть. Вас я ненавидеть не могу, вы хорошие и красивые. А Ал зловред-

ный и плохой – идеально же!

– Мы скоро рехнемся, и Ал нас всех разгонит, – тихо рассмеялась Лина.

– Возможно сначала убьет, а потом разгонит, – спокойно добавила Марьяна. – Вот, полюбуйтесь, – она положила листок на край стола, заставляя Семена развернуться из любопытства. Тот сразу же нахмурился:

– Что значит «с докладом»? Какого… амбассадора завтра?!

– Значит отчёт о проделанной работе. "За текущий отчётный период никто не сдох, не свихнулся и не сломал руку, показали в норме, все свободны", – пояснила Марьяна Лине, оставляя риторические вопросы коллеги без внимания.

Лина подошла к столу, взяла листок в руки и взглянула на Марьяну:

– Я думаю, никто же лучше тебя не справится…

– Нет, – неожиданно отрезал Семен. – На эту увеселительную прогулку приглашаются только люди, – Хмуро провел ладонью по своему затылку, сцепив зубы, потом решительно выдохнул: – Пойду я, потому что я старше и опытнее. Можешь составить мне компанию, чтобы я мог в следующий спихнуть на тебя эту священную обязанность.

– Минуту, а если доклад не понравится, то...?

– То возможно Ал вернётся в пустой офис, торжественно разогнанный из-за нашей профнепригодности. Так что я бы очень не возражал бы, чтобы меня подстраховали. Не хоте-

лось бы оказаться единственный виноватым в закрытии нашего офиса.

– Ага, – задумчиво кивнула Лина. – Мне нужно будет что-то делать?

– Кормить меня едой и рассказывать анекдоты, чтобы я не сдох от счастья, пока буду составлять этот отчет и особенно завтра, когда буду лицезреть блаженные лица моих любимых коллег.

– Там что, все такие же зануды, как Ал? – невинно изумилась Лина.

– Ты что! – испуганно отмахнулся Семен. – В этом случае ноги моей там бы не было даже под угрозой исчезновения вишневых булочек с лица планеты Земля. Ал на их фоне еще нормальный.

Семен поздоровался со всеми за руку, явно встретив пару знакомых. Лина вошла чуть позже, сказала «здравствуйте» и коротко кивнула в знак приветствия. Девушка не стала присоединяться к Семену, а аккуратно осталась в стороне, рассматривая выставку на стенах и украдкой поглядывая на собравшихся. Картина была предсказуемой: в основном мужчины, в солидных костюмах с серьезными выражениями лиц. Сотрудники постарше явно знали друг друга – в их общении было легкое панибратство людей, которые имеют немалый совместный опыт. Те, кто помладше, казались не то отстраненными интеллектуалами, не то просто равнодуш-

ными к жизни людьми. Казалось бы, Ал в такой среде должен чувствовать себя как рыба в воде, – девушка на минуту постаралась представить Ала среди стоящей толпы, деятельного, подвижного, не в меру живого, и поняла: да, он был бы как рыба в воде, вот только это была бы северная белуха в тропическом рифе. Или акула в аквариуме.

Семен же в строгом костюме чувствовал себя почти неуютно, потому что был явно больше костюма. Масштабнее, как сказал бы Ал. Фундаментальнее даже. Одевать Семена в костюм – все равно что пытаться собрать скульптуры Церетели для показа в крохотном зале Третьяковки. Та же стальная решимость, несколько суровая сдержанность, но при этом ни малейшего желания играть, которое бывает у его начальственного коллеги. О, он кого-то даже рад видеть.

Лина на секунду повернулась к старинной водонапорной башне на фото, наблюдая в отражение как Семен с внезапным интересом выслушивал последние новости. Светский диалог за мгновение сменился возней, сдержанное «простите» – Семен поспешно пошел в сторону туалета, оставляя за собой недоумевающих коллег. Двинувшись наперерез, она нагнала его почти у двери:

– Семён? Что-то случилось?

Семен повернулся и стало видно: из носа тонкой струйкой сочилась кровь. Девушка проворно запихнула коллегу в туалет, на всякий случай бросив беглый взгляд на толпу за спиной.

– Шикарно, – резюмировал Семен, взглянул в зеркало: носовое кровотечение усугубляла кровь во рту и саднящий язык. Говорить было все сложнее.

– Я вызываю «скорую»? – Семен тут же отмахнулся:

– Это неприятность… Архив, папка 3гк/б.

Лина нахмурилась, пытаясь сообразить:

– А как она к тебе прицепилась? Ты что-то необычное трогал?

Семён пожал плечами, и широко улыбнулся окровавленным ртом:

– Коллеги–с.

– А доклад? – Лина испуганно взглянула на Семена, понимая, к чему идет дело. – Давай сюда, я его зачитаю. А ты давай бегом в больницу…

Семен покачал головой, прикладывая к лицу смоченные в воде носовой платок:

– Потерплю. Срок действия гк/б три часа. Опасность: усугубление анемии, ну и обморок от страха крови.

– Вы в порядке? – молодой мужчина подошел к Семену. – Может вам помочь?

– Мелочи, – подчеркнуто галантно ответил Семен. – Высокое давление не щадит никого, увы.

– Вас исключить из сегодняшнего заседания?

– Не нужно. Мы готовили отчет с коллегой, она его зачитает, я отвечу на вопросы, – он шумно сглотнул кровь вопреки всем правилам, – если потребуется.

Молодой человек кивнул и вышел.

– Ладно, но только ты маячь если буду нести совсем ерунду, хорошо? – выдохнула Лина.

Семен угукнул: больше всего на свете ему сейчас хотелось оказаться в офисе, в кресле, с литровой чашкой мятного чая, булочками и тихим шуршанием бумаг. Но бросить сейчас младшего сотрудника на растерзание «коллегам», один из которых не погнушался притащить иномирную дрянь, временно разрушающую сосуды… при том, что она не сработала бы, скажем, на Лине – этот кто-то должен быть в курсе привычки Семена откусывать заусенцы, когда он нервничает перед публичными выступлениями.

Зачитывая доклад, Лина думала: кто? Кто из этих внимательных равнодушных лиц может быть настолько «доброжелательным»?

В конференц-зале было тихо, но без какого-то особого напряжения. Напоминало защиту дипломов на шестом курсе: все, конечно же, нервничают очень сильно, но нет напряжения решающей битвы, потому что… к этому моменту каждый успел зарекомендовать себя определенным образом. И, судя по тому, как некоторые солидные дядечки оторвались от своих шушуканий на словах про «офис Александра Валерьевича», у офиса явно была некоторая репутация. И когда уже Лина приготовилась, что сейчас будут громить вопросами, один из дядечек мягко улыбнулся:

– Передавайте Алу мои поздравления с таким прекрасным пополнением. У меня только один вопрос: вы уверены, что живоглот больше никого не побеспокоит?

– Как живоглот, выбравший растительную базу, он был, как минимум, серьезно ограничен в росте и передвижении. Более того, мы отправили все необходимые документы в центральный офис, безопасникам и коллегам, так как мы как младшие сотрудники не имеем права решать вопрос о такой крупной неприятности.

– И тем не менее, вы влезли со своей помощью, – спокойно заметил другой мужчина.

– Да, – уверенно сказала Лина. – Мы полагали, что есть еще жертвы, о которых нам неизвестно, и потому стоило бы осмотреться на местности.

– Однако, спасать было некого. Типичная стратегия живоглотов, кстати, а совсем не ваша вина. Только скажите, а когда бы поняли, что это именно живоглот?

– Можно я отвечу? – тут же дернулся Семен, вставая. – Аналитикой занимался я на правах более опытного сотрудника. Предположение о живоглоте возникло сразу же, как только выпотрошенный вошел в офис, но, повторюсь, мы не знали, насколько его выпотрошенность полная или процедурная, есть ли другие жертвы и на каком этапе. Наиболее вероятной была версия пустого ходуна, так что я рассчитывал, что мы найдем новые жертвы, но не самого живоглота.

«Ах, он рассчитывал значит,» – подумала Лина, мыслен-

но ставя напоминание дать люлей коллеге за сокрытие информации. Семен говорил бегло, то и дело сглатывая кровь. «Хорошо. Дать люлей, как только придет в себя».

– Марьяна, нас не уволили! – с порога радостно заявила Лина.

– Возможно, зря, – спокойно отметила Марьяна с едва уловимым облегчением.

– Я думала, будет страшнее… А мне показалось, или… наш офис там скорее любят?

– Ага, любят, – вздохнул Семен, который был бледным и уставшим, но уже обходился без дюжины бумажных платочков и теперь с явным удовольствием влезал в свою громадную толстовку. – Как непутевого младшего сына, который женился на разведенке с прицепом на 10 лет его старше, завел себе двух таких же непутевых детей, а разбогатеть до жизни над чертой бедности так и не сумел.

– А, то есть мы – неблагонадежные?

– Угу, до тех пор, пока им не нужен раздолбай, которого ничему жизнь не учит.

Все подумали об одном и том же, однако высказать это вслух было бы просто неприлично.

– Марьяна, у тебя пока отчеты, да? Я здесь тебя подожду, – Семен наконец-то оккупировал кресло. Секретарь подала ему чашку сладкого мятного чая.

Пользуясь тем, что ничто не предвещало возвращения Ала, а коллеги были заняты рутинными делами, Лина решила пошуршать в архиве с подчеркнутым «вот щас еще одна проверка, а у нас там чистенько и никакой пыли». И пока Семен пил чай и листал доклады коллег по неживым неприятностям, а живые и люди, и неприятности так удачно сторонились офиса, девушка старательно протирала пыль в архиве… особенно папку с инициалами А. В. Лина бегло перебирала листки: это не личное дело, казульное, вот официальный протокол, составленный Марьяной… ага, текст уведомления о нарушении – какой изящный термин для доноса… подпись Семена. А вот и показания сторон… исписанный бисерным почерком лист Бориса, где он называет Ала нарциссичным мудаком и трусом, – к горлу подкатывает тошнотворно непрофессиональное «вот же мразь!», затем идут показания Семена, в которых он обвиняет Ала, и еще одни, в которых он подробно расписывает, что пошло не так, потом показания Ала, в которых он говорит что с Альфа Центаврой произошла техническая ошибка, а сгущающая краски докладная была написана под эмоциональным всплеском от новизны руководства. Все выглядит так, как рассказал Семен, но все равно, что-то не так. Что-то неправильно в этой папке. Что-то…

Лина незаметно для себя начала поглаживать паука, хрустевшего чьей-то костью, когда до нее дошло: лист с показаниями Бориса – свежий, хрустящий, даже ни разу не по-

желтел, ни крохи пыли. И главное – дата на нем! «Не может быть» – негромко пробормотала Лина, не веря себе самой. – «Но это никак не может быть апрель... этого года!»

В приемной раздался шум, голоса, и Лина с выражением лица «наших бьют» поспешила на шум. В конце концов, отсутствие Ала – совсем не повод позволять всяким проходимцам…

Ал стоял на пороге с тонкой кожаной папкой в руках, как будто никуда и не пропадал:

– Друзья! Должен сказать, что мы официально прошли проверку и теперь офис может продолжать работать!

Первой вспыхнула Марьяна:

– То есть это была просто проверка? То есть тебя не по-настоящему отстранили?..

Начальник офиса пожал плечами, избегая бесполезных пояснений. Она демонстративно проверила температуру чая и выплеснула его в лицо шефу, и решительно вышла из офиса. «И снова чай,» – едва заметно усмехнулся Ал, вытираясь заранее подготовленными салфетками. Семён, хмурясь, молча подошел, как будто что-то хотел сказать, но потом просто вышел вслед за коллегой.

Глава офиса выглядел спокойным и усталым. В конце концов, катастрофой было бы, отреагируй его коллеги абсолютно спокойно. «А так все абсолютно в духе агентства с ограниченной, но упорной безответственностью», – подумал Ал, неспешно садясь за свой стол. Лина молча наблюдала.

– Ну, что, Лина? – Ал закинул папку в ящик стола. – Тоже попробуете чем-нибудь в меня запустить?

– А вы не думали – закипая произносит девушка, – что о вас тут могут беспокоиться?

– Думал. Поэтому и вернулся при первой же возможности.

– А, то есть это – при первой возможности?! Интересно, чем вы занимались все это время.

– Развлекался. – Ал пожимает плечами с тем самым невинным видом, который всех так бесит. – Помогал коллегам ловить живоглота. Чуть крупнее, чем тот, которого разделали вы.

Лина внимательно посмотрела в глаза Алу и с ужасом осознала, что он не врет. Он вообще никогда не врет. И под усталостью она вдруг начинает видеть наглое самодовольство сытого кота, развлекавшегося, пока он наблюдал за страданиями мышей, которые он сам, кстати говоря, и подстроил.

– Понятно. – Лина уверенно открыла верхний ящик стола и достала тонкий листок, разрисованный виньетками и описанием их подвигов. «Калевала», нибелунги и песнь о Гильгамеше в одном флаконе. – Вот дела, которые мы решили за время вашего отсутствия. – Отчет невесомо лег на стол. – Я тоже ухожу.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы оказаться у дверей, когда Ал негромко заметил:

– Они бы тогда не засчитали.

– Что? Не засчитали?

– Если бы вы знали, что я вернусь, мое руководство не приняло бы зачисление нового сотрудника на должность моего заместителя. Вот. Взгляните.

Положив папку на стол Марьяны, шеф достал из кармана пиджака толстую тяжелую корочку и протянул девушке:

– Вы теперь официально наш сотрудник. И для этого вы должны были действовать в условиях полной неизвестности. Без меня.

Раскрыв удостоверение, Лина с недоумением взглянула на собственное фото со вздернутым носом и первыми веснушками в этом году.

– Минуточку, а если бы я не прошла проверку?

Ал с подчеркнутым равнодушием пожал плечами:

– Меня бы отстранили по статье «злоупотребление служебным положением» и «привлечение рядового гражданина к исполнению должностных обязанностей».

– То есть ты хочешь сказать, что Марьяна и Семён… Просто знали молчали? – Лина сама не заметила, как от возмущения опять перешла на ты.

– Были бы уволены по статье «пособничество», если бы хоть на минуту подозревали, что опасность ситуации не является полномасштабной. Их принимали совсем другим образом, кстати, еще по старым протоколам, так что это чистейшая правда. Никто из них не смог бы тебе помочь, даже если хотел бы. Вот Марьяна сейчас, я полагаю, искренне считает, что я хам, грубиян и невоспитаннейший тип, пото-

му что все равно мог бы хотя бы намекнуть, да? – Ал повысил голос, будто был уверен, что коллеги его слышат. – Нет, не мог! Я не мог рисковать еще и вашим увольнением! И, я уже устал тянуть время, Семен, ты там где? Я все равно не поверю, что вы обиделись всерьез.

В дверь вошел огромный пушистый букет цветов, напоминавших звездочки. На букете болталась тонкая открытка с надписью «per aspera ad astra» без подписи.

– Поздравляю! – негромко сказала Марьяна и так пожала руку Лине, что та поняла: Ал ходил по очень тонкому льду, и это не только касалось начальства. Очевидно, мнения о путях прохождения проверок в офисе разошлись уже давно, оставляя на крайних полюсах принципиального секретаря и импровизирующего шефа.

Оставшись в стороне от общей суеты, Ал украдкой взглянул на телефон и задумчиво проговорил:

– А знаете, теперь, когда у меня есть официальный заместитель, я хотел бы отправиться в отпуск. Ненадолго. Хотя бы на пару месяцев. Пальмы, безделье, … тем более, что, судя по этому прекрасному списку, вы прекрасно справляетесь и без меня. Поэтому, пожалуйста, Лина, кабинет ваш, а я пошел.

Он вышел быстро, не прощаясь, как будто опасался, что его могут остановить или задержать ненужными разговорами. Входная дверь хлопнула, и все трое инстинктивно по-

смотрели в сторону окна:

– Ну что, засекаем? – говорит Лина. – Ставлю, что он успеет дойти до остановки.

– Ага, щас. Три минуты, не больше.

– Две минуты 45 секунд, – авторитетно заявляет Марьяна.

Через две минуты 52 секунды входная дверь легко открылась:

– Ладно, я тут успел дойти до остановки, подумать и соскучиться, – небрежно заметил Ал. – В отпуск как-нибудь в следующий раз, наверное.

– Надо написать статью о вреде мультитаскинга, – серьезно заключила Марьяна. – Особенно когда кто-то пытается одновременно отдыхать и решать чужие проблемы.

– Зато никто не сможет упрекнуть, что я не уходил в отпуск, – примирительно улыбнулся Ал.

Марьяна покачала головой.

– Минуту… до остановки? – охнули одновременно Семен и Лина. Как так-то? Кто бы потом не пытался повторить этот же маневр, ни у кого больше не выходило. Потому что это физически невозможно. Даже если лететь! Да, так тоже проверяли.

– Ну что, Лина, – Ал улыбнулся как человек, который уже давно все решил и со всем смирился, – берете меня обратно на работу? Я имею некоторый опыт ведения дел, иногда завариваю сносный чай, а еще – Ал заговорщицки подмигнул,

– могу договориться с пауком в архиве.

Лина улыбнулась в ответ. Главное оружие переговоров – зеркалить улыбку собеседника:

– Как единственному и неповторимому эксперту по отчетам – Ал тут же досадливо поморщился – вам, конечно же, предоставляется письменной стол в полноправное владение.

– Я поставлю в воду, – вклинивается Марьяна, отбирая у Лины букет. – А то завянут.

– Кстати, а это что? – Ал показывает на доску, стоящую на столе. Короли, увидев, что на них обратили внимание, церемонно склонились, сняв корону, а ферзи торжественно салютовали, а кони и слоны присели в приветственном реверансе.

– А, это вещица Марьяны, – поспешил оправдаться Семен. – Я одолжил. Надо же мне было хоть как-то развлекаться.

– Это я понял, – заметил Ал. – А как она называется?

– Ты сейчас смеешься, да ведь? – осторожно уточнил Семен. – Ты хочешь сказать, ты не умеешь играть в шахматы?

– Я их раньше даже в глаза не видел, а что?

Семен и Лина растеряно переглянулись, но тут же в кабинет вошла Марьяна, демонстративно держа в руке мигающий морзянкой датчик.

– Не хочу вас огорчать, но там опять Альфу Центавру уронили. Сказали как обычно, то есть срочно.

Ал вздохнул с некоторой досадой и нетерпеливо встал:

– Ну что, идем?

Лина на секунду задумалась.

– Семен, а можешь мне создать подробную карту языковых моделей Альфы Центавры? У меня тут одна идея есть – тебе точно понравится.

– О нет, – притворно заныл Семен. – Ал, вернись в начальство, а то меня заставляют работать!

Весеннее тепло и занавески, запутавшиеся в солнечных зайчиках переговорной. Ал задумчиво крутил монетку между пальцами под столом, пока на экране вовсю стену что-то вещала Альфа Центавра. Монетка была чуть теплой и мягко пульсировала. Хотя, возможно. пульсировала вовсе не монетка, а кровь от напряжения.

Экран телефона Алины, который она перестала выпускать из рук после первого обыска, неожиданно загорелся: «новое сообщение»

«поздравляю. мышеловка захлопнулась»

подпись: недоброжелатель

Алина быстро набрала ответ: «Ты кто?», нажала кнопку отправить и… краем глаза заметила, как рука сидящего чуть в стороне Ала, потянулась к карману, а потом как будто передумала.

Экран телефона загорелся снова:

«Сообщение не доставлено».

Обернувшись, Лина взглянула на Ала, и тот тут же улыбнулся ей в ответ.

– Ал, а можно ручку? – тут же нашлась девушка. – Пожалуйста.

– Конечно, – кивнул Ал, доставая ручку из внутреннего кармана. Взгляд зацепился за крайне помятую бумажку с характерным размашистым ведомственным гербом. На секунду она машинально нахмурилась, пытаясь вспомнить, где она уже видела такой герб, параллельно черкая очередной интеллектуальный вызов для Альфа Центавры. Ал явно слушал вполуха, сосредоточенно думая о чем-то своем.

«Так, – решила Лина. – С таким выражением лица Ал обычно сидит, когда у нас неприятности. Судя по бумажке с гербом – неприятности у нас большие. Герб, герб, герб… Черт!»

От неожиданности Лина глубоко вдохнула и только усилием воли заставила себя не впиться взглядом в Ала. Такой же герб стоит на ее удостоверении из центрального офиса и печати, заверяющей подписи «очень сильно вышестоящих».

«Пакость. Опять что-то требуют? Вот наверняка очередная мерзопакостная проверка, просто теперь с самого верха. Или офис все–таки закрывают? Мы тки прое…прошляпили что-то, пока Ала не было. Не зря же нам так пытались «удружить» во время доклада». Точно-точно. Вот поэтому Ал и сначала психанул, и выбросил бумажку, а потом был вынужден выровнять и положить в карман. Еще и нам не сказал ни

слова – значит, ответа «что будем делать», у него тоже пока нет».

Ал почувствовал взгляд Лины, едва заметно кивнул своим мыслям и тут же встал, без каких-либо пояснений включаясь в работу:

– Давайте я взгляну на вашу схему.

Профессиональная наблюдательность Лину не подвела: у Ала действительно были новости. Но не плохие, как ей показалось, а отличные. Замечательные новости, можно даже сказать: в нагрудном кармане главы офиса лежала благодарность за отличные успехи в работе и рядом неловко торчал подписанный главным приказ о переводе Александра Валерьевича в центральный офис.

Часть 2. Глава 6 Нефелим

- У тебя профессиональное выгорание.

- Я профессиональный феникс.

Из интернета

Кажется, ты уже на дне,
Но откуда это чувство, что ты продолжаешь падать?..
Обними Кита «Феникс»

Шестая серия. Нефилим

Враг навсегда остается врагом.
Кошка Сашка «Враг»
Недоразвитые крылья нефилима
Не поднимут меня в воздух, хоть ты тресни, хоть убей.
Канцлер Ги «Нефилим»

В свой будущий офис Ал, как свежеиспеченный начальник, вошел первым: в ту секунду он был, на свой скромный взгляд, самым счастливым человеком в мире: он заполучил в свой офис лучшего специалиста по живым неприятностям, плюс у него в команде сильнейший аналитик и эксперт по неживым неприятностям и секретарь, о которой отзываются не иначе как «безукоризненная» и «ненормальная».

– Сомнительная затея, Ал. Этот офис никогда не вылезал с последних строчек.

– Значит, самое время поместить его на вершины рейтинга, – просто заметил Ал.

То, что офис не из лучших, бросается – в глаза сразу же: помещение пустое, неуютное, почти необжитое, как будто кто-то наспех перед приходом Ала закинул в комнату стол секретаря, шкаф с бумагами за ее спиной и пару стульев напротив для гостей. Возле этих стульев, прислонившись плечом к стене, стоял взъерошенный и хмурый сотрудник, ко-

торому сразу не понравились ни почти мальчишеская легкость движений Ала, ни его пытливые птичьи глаза. Борис, отставший ровно на шаг, выглядел солиднее: тяжелее, тверже, опаснее.

– Добрый день коллеги, рад знакомству! – подчеркнуто открыто улыбнулся Ал, охватывая в свою сферу внимания весь офис сразу. Строгая блондинка с монашески сосредоточенным лицом и безупречной осанкой чуть склонила голову в знак приветствия. «Выучка,» - довольно отметил Ал.

– Марьяна...? – уточил он то, что знал и так.

– Степановна. Можно просто Марьяна. – без улыбки отчеканила девушка. Более практичный Борис сразу насторожился, переводя взгляд то на женщину, то на друга: секретарша явно стерва, но такую хорошо бы иметь на своей стороне.

– Принято, – коротко кивнул Ал, и тут же обратил свое внимание на мужчину у стены, который все это время не сводил с чужаков глаз:

– Семен…? – Ал приглашающе делает паузу. Как и Марьяне, Семену Ал оставил выбор того, как к нему будут обращаться.

- Сергеевич. Можно просто Семен, - скрещенные руки на груди, тяжелый взгляд, небрежно растрепанные волосы. Немногим выше самого Ала, сантиметра на два. – Как говорится, novus hic nescio quis est, sed stultus videtur.

Ал выдержал паузу и только затем протянул руку – ров-

но настолько, чтобы Семену пришлось отлипнуть от стены и наклониться вперед. «О, расстановка сил значит,» – отметил Борис.

– Я вас услышал, – коротко заметил Ал таким тоном, будто ему сообщили о рутинной проблеме. В глазах на долю секунды мелькнули игривые бесики, но тут же погасли. – Но сначала к делу.

Семен вернулся в изначальную позу, не говоря ни слова.

– Позвольте вам представить, Марьяна Степановна, Семен Сергеевич – это Борис Анатольевич, специалист по живым неприятностям. А меня зовут Александр Валерьевич, я руководитель нашего офиса и очень надеюсь на плодотворное сотрудничество. Можно просто Ал.

Ал взглянул на стоящего по левую руку Бориса, передавая ему слово:

– Всем привет! Аналогично можно просто Борис. – Он протянул руку Семену, но тот не стал отрываться от стены в этот раз, а просто наклонился вперед, чтобы дотянуться. Борис окинул его взглядом, но тут же переключился на Ала: тот был в своей стихии, с формальностями явно было покончено и начиналось все самое интересное.

– Чаю? – идеально обезличенным голосом спросила секретарь.

– Спасибо, Марьяна. Чуть позже. Я очень хотел бы, чтобы вы нам с Борисом все показали. Семен, я буду признателен, если вы проведете нам экскурсию по всем текущим делам.

Картина была проста:

Несмотря на всю сдержанность Ала, Борис понимал, что «новоиспеченный начальник» подчеркнуто изображал радость от знакомства, и, казалось, что от этой энергии можно без проблем запитать атомный ледокол и несколько небольших АЭС. «Стоит ли так стараться, если нам тут явно не рады? – думал он. – И, если дешевле и быстрее сразу дать понять «кто есть кто?».

Марьяна, коротко обрисовав нахождение основных комнат, принесла стопку папок и водрузила на стол, за которым сидел руководитель.

– Спасибо, – коротко кивнул Ал и тут же потянулся открыть первую папку. Аккуратные почти элегантные запястья – на ее родине такие были почти приговором. Для воина по крайней мере. Секретарь задержалась на мгновение, еще раз окинув взглядом Ала: телосложение выдавало того, кто в хорошей драке и двух минут не протянет. «Хлюпик,» – сделала вывод Марьяна. Ал на мгновение поднял взгляд на выходящего из кабинета секретаря и тут же сосредоточился на содержимом папки.

Борис вошел в кабинет, прикрыв дверь:

– Да уж, не очень радушный прием, – заметил Борис, садясь в гостевое кресло напротив своего друга.

– Это естественно, – резюмировал Ал, осматривавший стол в тщетных поисках ручки или хотя бы карандаша. – Ду-

маю, они очень ценили прежнего руководителя, а тут на его место приперся какой-то молодой чужак, еще и с компанией. Помнишь, сколько я ныл, когда на место Леонидыча прислали практикантку – и заметь, это было на два месяца только…

– Да ладно, не прикидывайся, ты же первый взялся ей помогать с дисциплиной. Самый примерный студент…

– Отстань. Лучше просмотри эти папки на предмет соответствия критериям архивации, – положил половину на край стола поближе к Борису и бегло добавил: – просто на ее месте мог быть любой из нас.

– Ну да, ну да, – усмехнулся Борис. – А прелестные формы практикантки просто бонусом шли, конечно.

Ал укоризненно взглянул на друга, усмехнулся в ответ и полез в стол в тщетной попытке обнаружить что-то пишущее в его недрах. В итоге обнаружилось все: горсть миндальных орехов, жеваный колпачок, высохший клей, обглоданная терка, в смысле ластик, захлопнутая мышеловка, чей-то бывший хвост – одним словом, обнаружилось все кроме мало-мальски пишущей ручки.

«Понятно,» – подумал Ал, достал из кармана собственную и приготовился выписывать погрешности.

Но погрешностей не было. Ал покосился на Бориса, чтобы убедиться: на лице друга написано такое же удивление, смешанное с подозрением. Почти синхронно они отложили папки и взяли следующие. Результат такой же. Ал бегло про-

листал еще несколько папок: при большом желании он мог бы придраться к некоторым деталям, которые в целом можно списать на разные подходы к классификации неприятностей, но в остальном дела были идеальны, хоть сейчас сдавай в архив. Получается, либо кто-то старательно зачищал следы…

– … либо они готовились к закрытию офиса, – вслух закончил мысль друга Борис. – А тут ты. Уперся, говорят, именно этот офис ему подавай, – Борис внимательно посмотрел на друга, но тот лишь отмахнулся:

– Здесь было открыто две вакансии – это раз. И два: нет большой чести прийти в нормально работающий офис очередным «экспертом». Мы хотели построить что-то свое? Отличный шанс, я считаю.

– Только не говори мне, будто ты веришь, что секретарша и спец по неживым могли вот так закрыть дела.

Ал открыл было рот, чтобы ответить, как в приемной раздался звук, от которого до боли сводит челюсть, и Ал быстро и решительно выхошел из кабинета.

– К вам посетитель, – равнодушно сообщила Марьяна, на которую звук не оказал никакого влияния. Через мгновение Семен оказался рядом с ней, глава офиса покосился, оценив обстановку, и тут же взглянул на гостя:

– Господин Мэн, – пробулькало существо.

– Александр Валерьевич, глава офиса. – Кивнул Ал. – Чем мы можем помочь?

Бульканье перекатывается из одного щупальца в другое. Пожалуйста, только не рукопожатие, бьется в голове Ала, только не…

Ал уверенно ставит правую ногу вперед, чуть разворачивает корпус и пожимает протянутое в приветствии слизкое щупальце.

– Беда, – коротко сообщает господин Мэн.

– Пройдемте в кабинет, – Ал рукой указывает, куда пройти. Борис делает шаг в сторону, пропуская гостя. – Семен, я хотел бы, чтобы вы присутствовали.

– Вы не справитесь с живым? – с напускным равнодушием уточнил тот.

– Я не хотел бы упустить ничего из не-живого, – подчеркнул Ал, тоном не терпящим препирательств. Семен нехотя вошел в кабинет и неодобрительно покосился на уверенно сидящего на гостевом стуле Бориса. «*Мы* можем помочь? – хмыкнул он про себя. – Интересно, кто *мы*? Чинуша несчастный».

Ал тем временем оперся о край стола:

– Пожалуйста, расскажите, что у вас случилось.

Бульканье сначала замерло, потом стало мягче, и наконец…

Первым дернулся Ал.

– Если сдадите без сопротивления, обещаю, мы разберемся с вашей бедой.

– Я сам хочу ее вернуть, – господин Мэн поежился всем телом. – Она мне мешает. Горит. Больно.

Борис недоверчиво покосился на Ала. Семен наблюдал исподлобья.

– Это не проблема, – мягко улыбнулся Ал. – Протяните вашу руку… аналог руки, я имею в виду. Вот так, можно не касаться.

В звенящей тишине на ладони Ала появилась монетка. Господин Мэн выдохнул и растекся на пол. Ал внимательно рассматривал монетку.

– А это…?

– Она самая, 2217-го, – Ал триумфально взглянул на Бориса и бросил быстрый взгляд на Семена. – С одной стороны модифицирует время по модулю – минус пять часов при применении превратятся в пять часов, и таким образом выйдет десять часов, то есть в два раза больше.

Семен скосил глаза в сторону, потому что… вот для кого было это пояснение? Он думает, здесь тупые работают, да? Да у одного Семена больше опыта, чем у этих двоих вместе взятых. Ал же выбрал проигнорировать реакции аудитории, и прост продолжил:

– Но у нее есть и второе свойство, да? – эта информация предназначалась уже гостю. – Монетка притягивается к неприятностям, к тем, которые покрупнее и помощнее будут. Ну, либо к людям, которых такие неприятности ждут.

– Она сама прилипла. Не хочу. Не хотел.

– Конечно. Полагаю, жить в бесконечно длящемся дне довольно неприятно. Учитывая, что она еще и нагревается весьма ощутимо… Может, вам…

– На два градуса.

– Простите, что?

– Монетка нагревается на два градуса.

– Да, Семен. Спасибо за информацию. Возможно, вам нужно что-то противоожоговое? – поинтересовался Ал у господина Мэна.

– Не нужно, – хлипкая лужица собиралась в некую форму. – Спасибо, что поняли.

– Вот, держите, – Ал протянул бумажку. – Подтверждение, что вы пересекли мост в силу крайней необходимости. Если друг будут вопросы.

Господин Мэн несколько раз запутался в конечностях, на радостях обнял куртку Семена, висевшую на стуле и, булькая громогласные благодарности, заторопился прочь из офиса.

– Семен, – Ал обернулся. – Я благодарен вам за информацию по неживому объекту.

Семен в глазах Ала считал явное «но если еще раз влезешь поперек слова – берегись».

– На вас экспертиза по неживым случаям и первичная оценка рисков. Даже если дело однозначно относится к категории живого, как сегодня, я хотел бы знать ваше мнение незамедлительно после начала дела. Как только вы ознакомитесь

– Хорошо, – безрадостно откликнулся Семен.

– Спасибо, – коротко кивнул Ал. – Теперь Борис. Все живые неприятности относятся в твоей зоне ответственности. Но, кроме этого, мне понадобится сводка по каждому «живому» в момент открытия и закрытия: что было, что мы сделали, какие результаты получили. Если есть подозрение на участие неживых неприятностей, пожалуйста, сразу Семену на экспертизу, параллельно, не после. Финальное решение остается за мной, если будет нужно, но спорить с оценкой без веской причины я не буду. – Он перевёл взгляд на Марьяну, стоявшую в дверях с неизменным выражением монашеской сосредоточенности. – Марьяна Степановна, на вас, прежде всего, регистрация обращений и контроль сроков. Пожалуйста, если какое-то дело выпадает из графика, передавайте его сразу мне, на личный контроль. И через месяц мы соберемся и обсудим, что работает, а что нет, и как наши рабочие взаимоотношения должны развиваться дальше.

Семен, не моргая, смотрел на Ала с видом обреченного, перебирая, как можно обозвать такого начальника. Ни в одном из языков, которые он знал, не было такой лексической единицы, которая описывала бы всю боль от сосуществования с таким занудой. Как он еще про KPI не начал рассказывать! Неужели он думает, что пришел в обычный нормальный офис?

– Хорошо, Ал. Я тебя понял, – дисциплинированно кивнул Борис.

– Я тоже понял, – поспешил добавить Семен. Марьяна ответила полным достоинства кивком.

– Рад, что мы достигли взаимопонимания в этом вопросе, – чуть склонил голову в знак благодарности Ал, еще раз окидывая коллег взглядом. Не исключено, что автор идеальных отчетов мог поведать им восхитительную историю. Как вариант. Иначе откуда такое почти стоическое сопротивление? Что ж, посмотрим.

– Семен, возьмите, пожалуйста, дело кривотолка, я хотел бы получить вашу аналитику по нему до конца следующего часа. Борис, на тебе пижмы. Коллеги трижды жаловались на неадекватное поведение деревьев в центральном ботсаде. А я тем временем займусь документацией по монете: для этого, Марьяна, мне будет нужен полный пакет бланков для консервации артефактов и как можно скорее

Когда коллеги вышли, закрыв за собой дверь, попробовал вернуться к бумагам, но что-то не давало ему покоя, зудело, как старая ноющая рана. Он решительно встал, открыв дверь

– Марьяна, я оставлю дверь открытой. Если это вызовет неудобство, дайте знать.

Марьяна равнодушно пожала плечами. Ал кивнул сам себе: вот и хорошо и вернулся к работе.

Кривотолка кусалась. Буквально. Она намеревалась отгрызть пальцы любому, кто оказывался в пределах досягаемости ее утонченной шеи, на которой болтались челюсти. Каменная кладка лежала на начальственном столе, разма-

хивая пятью шеями сразу во все стороны. Шеи заканчивались зубами, напоминавшими пираний. Кажется, Семен притащил ее исключительно ради того, чтобы увидеть лицо Ала, которое сначала было удивленным, потом заинтересованным, потом практически радостным.

– Отличное решение, Семен! Кажется, нам удалось раз и навсегда разрешить спор о том, являются ли живыми кривотолки. Это еще как живая, – Ал чуть наклонился, рассматривая неприятность как зверушку, и неожиданно для всех погладил по челюсти. Кривотолка радостно хрюкнула и головы наперебой начали лезть под руку, чтобы их погладили. Ал улыбнулся своим мыслям, но тут же взглянул на Семена.

– У вас кровь, – и тут же крикнул в дверь. – Марьяна, будьте добры, аптечку.

То, что принесла Марьяна, считалось аптечкой, вероятнее всего при основании офиса. В последний раз пыльный кожаный прямоугольник открывался примерно тогда же.

– Это все, что имеется в распоряжении.

Ал решительно пренебрег пугающим видом сокровищницы и полез вовнутрь: высохшая перекись. Два лейкопластыря. Усохшая моль. «Надо покормить паука в архиве, – на автомате решил глава офиса. – Только сначала выяснить, что он вообще любит».

– Да, похоже она была вам не сильно нужна. Это хорошо. Но на всякий случай: пополните, пожалуйста, аптечку всем необходимым в ближайшее время. Срок: два-три дня.

Марьяна кивнула. Семен пытался отодрать лейкопластырь, но для его исцарапанных рук это было как капля в море. Или как еще одна челюсть для бешеной кривотолки. Ал молча наблюдал какое-то время:

– Семен… могу предложить спиртовые салфетки…?

– Не нужно, – твердо ответил сотрудник, содрав кривой пластырь и скатав его в шарик. – Я лучше помою руки, это будет надежнее.

Пока Семен мыл руки, вошел Борис и сразу принялся обозначать масштабы бедствий:

– А вы знаете, что пижмы не то, чем кажутся? А ой, Ал, а это что у тебя?!

– Кривотолка.

– Но они же неживые.

– Были. До настоящего времени.

– Семен Сергеевич, простите, но вы уверены, что вот это – кривотолка?

– Конечно, – азартно встрял Ал и тут же мысленно дал себе подзатыльник – не хватало еще начать моноложить на тему «злобные растения нашей родины» – и тут же нетерпеливо переключился на Бориса. – Хочешь погладить? Кстати, это теперь твоя задача, так как она полностью и абсолютно живая. – Ал погладил кривотолку, и головы милашки снова припали к теплой руке. – А теперь серьезно: Семен, пожалуйста, подайте максимально подробный отчет о ваших дей-

ствиях. Вы не только первый обнаружили признаки живого у кривотолки, но еще и предоставили несомненные доказательства. Только я вынужден просить вас в следующий раз быть осторожнее. Борис, у нас по пижмам… что?

– Они отказались подписывать мирный договор, – громче повторил Борис. – Завтра схожу к ним с секатором. В конце концов, какие наглые деревья нынче пошли! – Борис потянулся к кривотолке, но та лязгнула зубами в миллиметре от кожи, вынуждая его одернуть руку. Ал склонил голову с интересом:

– Значит так. Семен, Борис, я подумаю, что будем делать с пижмами. Но мне очень хотелось бы услышать ваши идеи, конечно, – Борису – помимо секатора. А эту прелесть я передам в наш живой уголок… простите, в отдел заботы о неприятностях. – Ал взглянул на истерзанные пальцы Семена. – Лично. Кстати, мне кажется, у нее вполне развито обоняние.

Кривотолка потянулась вслед за Алом, который вышел в кладовку в поисках чего-то, чем можно обернуть нежное существо, которое радостно раскачивалось и жизнерадостно щелкало челюстями.

– Природа удивительна, не так ли? – Борис попытался разрядить обстановку.

– Ага, – мрачно откликнулся Семен. – И с вашим появлением становится все удивительнее.

– Да брось, – отмахнулся Борис. – Ал всегда занудничает, это правда. Но вот сколько кривотолок мы находили за всю

историю? пять-шесть?

– Три, – сказал Семен. – Это четвертая. И до этого все были неживые.

Из минусов ситуации: Ал еще неделю дополнял отчет тем, что бывает с пальцами, укушенными испуганной при перемещении в приют кривотолкой. Например, они жутко чешутся, ноют на потепление температуры и болят от воды. Прямо лезть к Семену с расспросами Ал не стал, но украдкой поглядывал, и укомплектованная Марьяной аптечка пополнилась антигистаминными средствами и стандартным офисным набором противоядий при укусах различной этиологии.

В конце дня Ал устало тер переносицу, закрыв глаза на целую долгую секунду.

– Что-то не так? – поинтересовался Борис, садясь в кресло напротив. Блаженная минута тишины закончилась сразу же после начала.

– А когда оно было так? – чуть улыбнулся Ал, не срывая усталости, но не желая давать пространство унынию. – Я тут кое-что придумал, я сейчас.

В приоткрытую дверь было слышно как Ал что-то негромко сказал Марьяне, секретарь посмотрела внимательно и, через паузу, кивнула. Наконец-то что-то похожее на интригу. Хотя… Ал и люди – это отдельный очень интересный во-

прос, который их курс решил однозначно: вот с неприятностями ему самое оно работать. Не с людьми. Вон один друг рядом продержался столько времени – и то, какой ценой. Борис, протянув руку, взял лист со стола Ала, чтобы бегло его просмотреть.

– Марьяна, простите, что отвлекаю. У меня к вам есть личная просьба.

– Да? – Марьяна выразила заинтересованность чуть приподнятой интонацией.

– Как я уже понял, ваша наблюдательность многократно превосходит среднюю по офису – это же вам мы обязаны идеальными отчетами, да?

– Да.

– Не могли бы вы в таком случае уделить ваше внимание вот такому вопросу: я все-таки новичок в офисе, и, подозреваю, что где-то нарушаю негласный регламент, где-то иду в разрез традиции или модифицирую протоколы. Не могли бы сообщать мне обо всех замеченных вами отклонениях с моей стороны?

Марьяна внимательно взглянула на Ала, как будто рассматривала его заново.

– Конечно. В какой форме нужен отчет?

– Так как это вопрос деликатный и требующий того внимания, который я не всегда могу дать ему в моменте – пусть это будет тетрадь, хорошо? Что-то вроде бортового журнала.

– Хорошо, – кивнула Марьяна.

– Благодарю, – в тон ей откликнулся Ал, и вошел в рабочий кабинет со словами: – Борис, я в жизни не поверю, что ты вот это все еще не прочитал… Давай выкладывай свои соображения, потому что у меня тоже кое-что есть…

Марьяна открыла чистую толстую тетрадь, которая могла бы быть потолще, конечно и сделала первую запись: «дата. часы минуты секунды. обращение к подчиненному с личной просьбой». И тут же следом вторую: «дата. часы минуты секунды. использование неуместной в офисном пространстве лексической единицы «выкладывай».

Глава 7 Ваар

Ты слышишь, будь на моей стороне.

Не надо приказа – я просто прошу.
Кошка Сашка «Будь на моей сторона»

Серой пахнут ожоги земли
Ночные снайперы «Нецке»

С потолка офиса свисали ножницы.

«А когда они прилетят? Через сто миллионов лет…». Странно, что сто миллионов лет решили закончиться именно сегодня. И надо же – как раз именно в кабинете офиса, стоило Алу в этом офисе появиться. Прелесть.

– Тебя хотят убить, – лаконично заметил Борис, осматривая подрагивающую массу из нескольких сотен ножниц, подобно наледи свисающей с потолка. В тишине можно было слышать негромкое позвякивание их тонких лезвий.

– Зато посплю наконец, – в тон другу откликнулся Ал.

– И когда ты успел стать таким оптимистом?

– Я долго и упорно над собой работал, – Ал произнес это с таким серьезным лицом, что Борис рассмеялся, а Ал, покосившись, довольно улыбнулся и снова задумчиво взглянул на

ножницы: – Может, продадим их в канцелярский магазин?

Борис внимательно посмотрел на друга: тот, конечно, отличался оригинальностью мышления, но поверьте, это не то, к чему можно привыкнуть за без малого двадцать лет:

– Нормальные офисы закупают канцтовары, а мы, значит, наоборот?

– Именно! Вот, ты уже формулируешь уникальное торговое предложение. Предлагаю упаковать…

– Да погоди, может они еще вообще не острые…

Ал махнул рукой в зоне поражения и одна пара ножниц, раскрывшись, упала вниз, глубоко прошив обшивку кресла и застряв там.

– Да уж, – резюмировал Ал. – Вообще не острые.

– Доброе утро, коллеги. А что у нас за… ух ты ё.

– Семен, пожалуйста, – Ал решительно напомнил правила выбора лексических единиц, одновременно с этим очерчивая рукой границы опасности. – И пройдите сюда, прошу, подальше от этого цветника. Тут один из плодов этого чуда насквозь пробил дубленную кожу кресла.

– Впечатляет, – честно заметил Семен. – А на кого из нас это покушение?

– Все-таки покушение? – делается серьезным Ал и невозможно сказать, он правда серьезен или просто утонченно стебется.

«Ну тупица, по-твоему эта красота сама тут наросла»

– *Полагаю*, – уклончиво сказал Семен. – Не более того.

Ал окинул их с Борисом взглядом, взглянул в дверной проем на Марьяну, будто прикидывал, кому из них предназначался этот «подарок». Опять поднял глаза к потолку:

– Вот в чем вопрос: живое или неживое, как вы думаете, господа?

Борис пожал плечами:

– Похоже на улей.

– Улей, но механический, – нетерпеливо встрял Семен. – Очевидно, нужно всего лишь найти магнитную ось, на которой и держится весь выводок.

– Александр Валерьевич, у меня уже три заявки на буйных ккря! – строго заметила Марьяна тоном, который не терпит препирательств. Так говорят, когда у вас конец света, вы обязаны спасать мир, а в место этого прохлаждаетесь за чашечкой уютного кофе и разговоров о погоде. «Награда за отлично сделанную работу – если больше работы». Красивая фраза, которую Ал так любил за ее точность, начинала отдавать неприятной тошнотой.

– Спасибо, Марьяна! Значит так: Семен, я знаю, что вас ккря не напугать, вы с ними отлично справляетесь – пожалуйста, угомоните их и в этот раз. Борис, вы остаетесь разбирать с-

Ал широко развел руками и очередные ножницы просвистели в пугающей близости от ладони, оставив крохотную царапину. Семен закатил глаза: чудовищность происходяще-

го выходила за любые рамки о мыслимом и немыслимом. И нет, хищные ножницы – это как раз нормально в сравнении с их новым начальством.

– Но я считаю, что это неживой улей. И терять время…

– Спасибо, Семен. Ваше мнение зафиксировано. – И тут же добавил, уже мягче, – Если они все-таки неживые, то я с радостью передам их вам. Хотя, думаю, после ккря, вы не особо обрадуетесь этой перспективе.

«Тиран и самодур,» – одними губами сказал Семен Марьяне, выйдя из кабинета.

Наконец, все 3647 ножниц были упакованы в специальные пакеты для транспортировки в отдел заботы и контроля – нет, не в компанию к кривотолке. В этом отделе контроля было куда больше, чем заботы, да и слово «забота» имело такое же отношение к происходящему в отделе как мтнская династия к происходящему в Минске. Семен, конечно же, был прав: улей был неживым, но при этом его элементы с особым усердием находили возможность примагнититься друг к другу. Борис отделался мелкими царапинами, сдал отчет и ушел домой. Всегда аккуратный Ал бегло вносил в свой отчет подробности, лейкопластырь на пальце левой руки уже пропитался кровью, но лезть в офисную аптечку ему не хотелось.

– Ваш чай, – сказала Марьяна, поставив чашку на край стола так. Ал, еще не вполне вернувшийся из своих мыс-

лей, неловким движением тут же ее опрокинул. На его глазах по столу расползалось мутное коричневое пятно, подобно небытию пожиравшее работу за вторую половину суток.

– Спасибо, Марьяна, – упавшим голосом сказал он, стремясь взять себя в руки за единый долгий вдох. – Подскажите, каким полотенцем я могу воспользоваться, чтобы это убрать?

Марьяна наблюдала за главой офиса, аккуратными движениями промакивавшим воду. Природная ли медлительность была причиной этой сосредоточенной, почти высокомерной неспешности? Мол, плевать я на все хотел, и никто мне не указ? Или просто внимательность цапли, высматривающей лягушек на болоте? Убрав стол, Ал вернул полотенце на место, сначала промыв его в воде с мылом. Зачем-то пошипел на воду. Минуту, с мылом? Жаль нет Семена, тот бы уже вопил про невыносимую степень занудства, и был бы абсолютно прав.

Когда Марьяна выходила из офиса, ее начальник все еще восстанавливал утраченные документамы. Все, что ей удалось рассмотреть в окно с улицы – чуть склоненный профиль в оконной раме, залитый теплым светом настольной лампы.

На следующее утро Борис бесцеремонно хлопнул друга по плечу, мол, сомнительно выглядишь.

– И я тебя рад видеть, – спокойно сказал Ал, который с одной стороны повиновался закону сохранения энергии всех

невыспавшихся людей, а с другой просто наблюдал за всем вокруг, считая это самым мудрым действием в сложившейся ситуации. Но, когда в кабинет зашла Марьяна с очередной чашкой Ал невольно напрягся, но решил посмотреть, а что будет дальше: это ведь довольно необычно, когда безукоризненный секретарь вдруг ставит вам чашку прямо под руку, да?

– Я возьму, – сказал Ал, инстинктивно отодвигаясь от стола и не давая девушке поставить чашку. Секретарь пожала плечами и уронила чашку ему на колени с абсолютно невозмутимым видом. Глава офиса был вынужден вскочить, отряхивая кипяток.

– Прошу прощения, – сказала Марьяна, глядя начальнику прямо в глаза и откровенно изучая его реакцию.

– Вам стоит быть осторожнее, – жестко заметил Ал. – Вы можете травмировать себя. – Он взглянул на брызги на полу и достал из кармана пачку сухих салфеток: – Пожалуйста, уберите эту нелепую влагу с пола.

– А где начальство? – Семен заглянул в кабинет, но никого не увидел.

– Тряпку ищет, – недовольно ответила Марьяна. Семен удивился, но пожал плечами и решил не лезть, чтобы не нарваться.

Когда Ал вышел из туалета, его штаны были элегантно затерты почти до равномерного цвета. Марьяна украдкой сле-

дила за движениями главы офиса: на его лице читалась досада сознания, еще не успевшего смириться с болью – все-таки чай кипел минуту назад. Но тут в приемную шумно и жизнерадостно ввалился Борис, отвлекая Ала от мелких жизненных неурядиц, и Ал тут же приветливо махнул ему рукой, мол, входи, рассказывай.

– Вы прекрасны, как и всегда. – галантно сказал Борис Марьяне, за что был удостоен ее фирменного взгляда «тупица тугоухий».

– Ну ты даешь, – в одно утро Борис радостно хлопнул по плечу главу офиса. – Ты спал вообще?

– Я сплю, когда моргаю, – мягко проворчал Ал, который пытался нагнать все дела за один вечер, который плавно перешел в ночь, а затем в утро, прекрасно зная, что вот конкретно ему так делать категорически нельзя, но приходится, если это единственный способ найти лишние пару часов в сутках.

– И сколько уже наморгал? Минут двадцать?

– Целых сорок!

– Может хоть умоешься? Должно помочь.

– Да, ты прав.

Когда Ал вышел из туалета, волосы были чуть влажными, а сквозь мертвенную бледность силился прорваться едва заметный румянец.

– Да, утро не мое время, – он почти улыбнулся появив-

шейся в дверях Марьяне. Произнести кощунственный оксюморон «доброе утро» он не смог бы даже под дулом пистолета.

– Может чаю? – равнодушно-невинно спросила Марьяна?

Ал представил крепко заваренный горячий чай в пустом желудке и его замутило сильнее:

– Нет, я, пожалуй, пока откажусь. Спасибо.

– Ал, там…

– Что? – Ал решительно повернулся к стоящему на входе Семену. Специалист по живым неприятностям выглядел взъерошенным. – Там тебя зовут… лично… в переговорную.

Опять что-то стряслось. Ал коротко кивнул:

– Понял, идем разбираться.

– Там говорят… большая погрешность.

Большая погрешность была в блок-схеме чувашских наречий для дальнейшей адаптации слингов – приятные малые, очень по-человечески страдают от неприятностей, а именно: на них постоянно кто-то наступает и переступает, а нет большего оскорбления слингу и его семье, чем переступить через него, они делят человеческое убеждение «переступи обратно, а то не вырасту», а угрозу «чтоб ты не вырос» низкорослые слинги на дух не выносят… и если ваш знакомый все еще переживает, когда вы через него переступаете, задумайтесь: а достаточно ли хорошо он вам знаком, чтобы не оказаться слингом? Так вот, Семен, полночи провозившийся с ней и получивший утром скандал вместо благодарности,

был милосердно отправлен спать. Борис пару минут назад сдал последний бланк и тоже поспешил уйти, и Ал не мог его осуждать: количество одновременных дел за последнюю неделю превысило все рамки адекватной рабочей нагрузки. Понятно, что так будет не всегда, что это просто период такой, но все же...

В офисе остались только те, кто отвечал за подшивание дел на проверку в центральный офис, чтобы потом эти же дела вернулись в их архив – по крайней мере те из них, которые допустимо хранить в локальном архиве, а не в спецхране. Опоздание по срокам считалось не преступлением, но серьезной провинностью, поэтому глава офиса и секретарь торопились покончить с этим. В четыре руки дело спорилось живее: молчаливые и лаконичные, к этому моменту уже не столько от неприязни, сколько от банальной человеческой усталости. Ал, насколько мог, старался присматривать за Марьяной, понимая, что внешний вид не всегда соответствует внутреннему состоянию. Так-то усталость девушки выдавал только взгляд, смягчившийся до равнодушия.

«Разогнать, – клятвенно пообещал себе Ал. – Разогнать всех в отгулы по очереди. И впредь постараться не допускать подобных недель. Хотелось бы только узнать, как это сделать. Мол, уважаемые неприятности, не моги бы вы недельку послучаться где-то еще, пока мы не выспимся. Марьяна не глядя протянула ему папку и, в этот раз уже абсолютно нечаянно, задела краем чашку, которую Ал, забывшись, по-

ставил на стол буквально мгновение назад.

– Марьяна, черт возьми! – с досадой воскликнул Ал, но уже в следующую секунду бумаги из рук секретаря разлетелись по кабинету, а к горлу начальника была приставлена шпилька, горящая нехорошим синим светом.

Ал замер и спокойно, но твердо заметил:

– Да, я признаю, что допустил использование чрезмерно эмоциональной разговорной единицы.

«В отпуск, – билось в его голове. – Нам всем просто нужно в отпуск».

Ira furor brevis est.

Марьяна вдохнула и на секунду взглянула на Ала с растерянностью человека, чье тело отреагировало прежде разума. Она аккуратно опустила шпильку, тут же собрала волосы и вернулся шпильку на ее обычное место. Ал протянул руку к шее, но тут же заставил себя взяться за угол стола и отвлечься от жжения, потому что перед ним, опустив глаза в пол, стояла по стойке смирно секретарь и что-то твердила о написании отчета о происшествии.

– Стоп-стоп-стоп, – Ал примирительно поднял ладонь. – Тогда тебе придется указать что я спровоцировал тебя некорректной лексической единицей, и в итоге мы оба потеряем свои места работы. Поэтому предлагаю: оставим случившееся между нами, хорошо?

Марьяна недоверчиво подняла взгляд и посмотрела в упор с такой тяжестью, с какой встречает солнце единствен-

ный выживший воин, и только потом осторожно кивнула:

– Хорошо.

– Вот и славно. А теперь давай посмотрим, сильно ли досталось бумагам Я уверен, что-то еще мы успеем переделать.

Чуть горьковатый запах, витавший в воздухе, беспокоил Ала, напоминая ему что-то смутное из детства, что-то полузабытое... Ах да. Ощипывали кур, а потом опаливали их волоски... их пух? Были большие синие таблетки сухого спирта. И коробка там была такая, что… Вот да, лучше сейчас думать о деле, и о папках, и о коробке с языками пламени, лишь бы только не думать о шее, не расчесывать, не…

– Я на минуту, – мягко заметил Ал, взял в аптечке банальное противоожоговое и нанес его перед зеркалом, предварительно рассмотрев рану. Мелочь какая-то, чего ж так горит.

Марьяна взглянула на Ала, но ничего не сказала, лишь потупив взгляд.

Ал сидел с закрытыми глазами, потому что это прекрасный мир предательски кружился и пульсировал. Глава офиса, конечно, пытался торговаться: ему буквально еще пару минут активной работы и потом он переходит в режим наблюдения, и потом переходит в режим сна. Даже без дороги домой, просто все уйдут, а он уляжется в офисе на диване и…

Кажется, он сначала заметил изменение плотности воздуха, а потом уже понял, что происходит и с усилием открыл

глаза:

– Марьяна, если вы за отчетом, я окончу его через 15 минут. Если он нужен вам прямо сейчас, то боюсь, вам придется убить меня на месте.

Марьяна нахмурилась.

– Я чай принесла.

Ал осторожно поднялся из-за стола и, с опаской покосившись на девушку, поспешно сгреб частично заполненные бумаги. Марьяна подождала и только потом поставила чашку. Ал проводил чашку взглядом, будто ожидая от нее подвоха и неожиданно вздохнул, представляя тошнотворный вкус опостылевшего за последние сутки бергамота.

– Травяной, – сурово бросила Марьяна. Ал осторожно кивнул:

– Спасибо?..

Ненависть Марьяны только росла. Понабирают же таких. Даже официальную жалобу не подал на нее, трус. А наверняка нажаловался куда следует по своим личным каналам, ныл, небось, что тут над ним издеваются, всячески выживают, еще и жизни угрожают. Но даже ради личной безопасности не так-то просто пойти против принципов, решительно вколоченных в твои кости с самого рождения. Каждый должен получить то, что он заслужил. Не больше и не меньше. Но когда рана на шее взялась твердой темной коркой, стало понятно, что нужно просто подождать, пока все покинут офис. Ал, как всегда, задержится.

Под покровом тьмы секретарь пришла с аптечкой неумолимо как тень и только с одной фразой:

– Нужно обработать.

Глава офиса поднял глаза, в которых уже читается нехороший лихорадочный блеск и как всегда жизнерадостно заметил:

– Да легче убить…В смысле, мне нужно закончить с этими бумагами, прошу прощения.

– Сейчас, – повторила Марьяна тоном, который не предполагает возражений. Ал еще раз посмотрел на нее, рассчитывая дипломатические последствия своего отказа: кажется, это был тот случай, когда для всех проще согласиться, и едва заметно кивнул:

– Хорошо.

Девушка коснулась плеча, чуть разворачивая Ала к свету, через рубашку чувствовался жар тела, глава офиса чуть запрокинул голову, доверчиво открывая шею. «Это не то, что стоит делать перед напавшим на тебя», мелькнуло в голове у Марьяны, и она резко сорвала корку, из раны тут же вышла черная дурная кровь. Пациент невольно дернулся и тут же поморщился от странно пахнущей мази. Пластырь ему наклеили розовый, с мультяшными рыбками. Рука предательски погладила место раны.

– Спасибо, – сказал Ал. Марьяна окинула его взглядом, как дровосек оценивает образовавшийся пень, и молча вышла. Нет, если оружие было применено против него, значит,

он это заслужил.

Рана затянулась, не оставив даже шрама. Ладно, шрам на самом деле был, но настолько крохотный, что вы не различили бы даже стоя в шаге от главы офиса. Чай на какое-то время перестал проливаться на документы, и Ал подозревал, что, вероятно, готовится что-то более масштабное, ну, как обычно это бывает: вы думаете, все так просто? да, все просто, но совсем не так.

Это уже потом Ал пояснит, что входивших было слишком много, и они выглядели слишком решительными, поэтому ему хватило буквально одного поворота головы, чтобы тут же отложить бумаги и решительно шагнуть вперед, закрывая собой девушку.

– Добрый вечер, – твердо сказал Ал, вполоборота становясь между гостями и Марьяной. – Чем мы можем вам помочь?

– Мы пришли забрать предателя, сошедшего с тропы ваара. По закону!

Трое мужчин были одеты в обычную одежду, маскировались, значит. Один явно старше и очевидно отвечает за легитимность миссии перед их религиозным органом.

– Это *ваш* закон, – чеканит Ал. – А здесь – *мой*. И это *мой* сотрудник.

– Она должна ответить, – горячится тот, кто выглядел мо-

ложе всех. – Она предала свою касту, свою семью, свою родину. Такие не должны жить!

– Нет, вы не подумайте, мы не варвары какие-нибудь, мы не собираемся убивать ее. На родине ее будут судить честным и справедливым судом, и она понесет заслуженного наказание за измену.

– И чем у вас карают за измену? – Ал осторожно скашивает глаза на едва заметное движение Марьяны за спиной.

– Смертью, естественно!

– О, ну это, конечно же, абсолютно меняет дело!

В его руках оказывается древко от швабры – и как раз вовремя чтобы задержать удар меча. Мечи гостей горят таким же нехорошим светом, как и булавка Марьяны, в желудке Ала противно ноет предчувствие боли – он получает несколько серьезных ударов по плечу и по ребрам, мечи легко рассекают ткань и опаляют кожу.

Деревяшка против меча не дает преимуществ, но ей, как минимум, можно очень неприятно ткнуть. Одному из нападавших Ал исхитряется попасть в глаз, второго треснуть по затылку, и еще раз первого – по коленной чашечке.

– Довольно! – мерзко хрипит оставшийся в стороне от потасовки старший, который хранил молчание до этого момента. – Чужак не собирается сотрудничать, а мы не убиваем невиновных. Но мы придем через время, и будем в своем праве, и ты ничего, *ничего* не сможешь сделать.

Молодежь неодобрительно покосилась на главу офиса и

отступила. Ал проводил их взглядом, решив не тратить драгоценные секунды на обмен пустыми репликами: как только закончится адреналин, полученные раны дадут о себе знать. Он решительно шагнул к столу секретаря, но тут же понял, что перестарался, и сел рядом на стул:

– Бланк жалобы по форме а37, немедленно.

Марьяна бегло заполняла бланк, Ал тут же его правил, меняя формулировки на более точные, экран монитора неприятно резал глаза, что говорило о начинающемся жаре, а все-таки хорошо, когда у вас с секретарем такое редкое взаимопонимание, что вам сейчас успеть бы закончить…

Когда глава офиса, наконец, попробовал встать, то едва сдержал стон: все-таки ушибами не обошлось. Признавать не хочется, но придется. Марьяна молча оценила масштаб бедствий, Ал тут же отреагировал:

– Я нормально. Уровень везения 10 непроткнутых органов из десяти. Кстати, хорошее древко, надо будет его попозже во что-нибудь приличное превратить…

– Раздевайся, – решительно говорит секретарь. – Это все нужно обработать.

– Да я сам, я тут нормально достаю, – Ал попытался дотянуться до разодранного пиджака на спине, но очевидно провалил этот тест на гибкость.

– Я не спрашиваю, Ал. Я констатирую. Обработать нужно специальным средством. Ты же уже понял, чем является оружие моей родины?

«Ты сам на это подписался, – мельком подумал Ал, глядя на неприятно белую вату в руках секретаря. – Как сказал бы Борис, надо было становиться тираном».

Обычно первые дни проходят терпимо, даже бодро. В этом и заключается главная ловушка операций, травм, разрушений: после безумной боли наступает онемение: после операции еще длится наркоз, потом ты возвращаешься домой и первые дни тебе почти хорошо. После травмы, напичканный лекарствами, ты валяешься на кровати и бодро успокаиваешь всех, что ты не очень целый, но очень живой, и ждите меня все, я скоро назад к вам, вот еще только немного. Онемевшая от досады душа греется в робких лучах предстоящей радости.

Настоящее плохо приходит потом, подкарауливает ночью и вгрызается в свежеразодранное мясо едким спазмом, выкручивающим тебя наизнанку. Так работает и любой глубокий порез, делящий твою жизнь на бесконечно долгую секунду после нанесения раны, в которой еще нет боли, только осознание ее неотвратимости, и все последующие мгновения.

Так работает и оружие вааров.

Первая рана – это прикрытие. Да, больно, да, неприятно, но потом становится легче, рана берется коркой – и как только она темнеет и затвердевает, не раньше и не позже, начинается отсчет на часы и даже на минуты. Гнилостное пла-

мя продолжает разъедать живые ткани под образовавшейся коркой, и если ее не содрать и не нанести специальную мазь, которая есть только у «знающих», то есть у самих ваарров, то тело легко «прогорает» до костей. А иногда даже костей не остается. Это и привело к зарождению легенды о ваарах как непобедимых воинах, потому что никто не выживает после сражения с ними.

– Спасибо, – сказал Ал, невольно потирая шрам на шее, и тут же поясняет: – Что не стала ждать слишком долго.

Борис и Семен о чем-то жизнерадостно спорили, Ал невольно залюбовался: два азартных игрока пытаются превзойти друг друга в категоризации живого/неживого. В ход идут только самые сложные случаи, за которые не каждый эксперт из центрального офиса возьмется. Ему не обязательно смотреть, чтобы знать, что Борис будет пытаться передавить Семена набором аргументов и блестящей способностью цитировать тексты, Семен же наверняка уйдет в апелляцию к логическим построениям и прецедентам. Да, смотреть не обязательно, но кто себе откажет в маленьком удовольствии: Семен взъерошен из-за привычки приподнимать и без того непослушные волосы, когда активно над чем-то думает, переход от шутовства к экспертизе доля секунды, чуть широкие черты лица и такие же жесты. В Борисе меньше порывистости, он тверже, монолитнее, как прекрасное мифическое существо из полузабытых легенд – интересно, когда он успел

вырасти в этого непримиримого эксперта в элегантном костюме? Кажется, еще пять минут назад был просто вредным мальчишкой, готовым на спор ввязаться в любую драку и победить в ней.

Когда Ала дернули в переговорную, Борис между делом положил перед Семеном бланк жалобы:

– Кстати, я тут обсудить хотел. Вот три дела, где Ал принял решения по неживым объектам без твоей экспертизы. Формально – это просто нарушение протокола, но ты можешь подать жалобу на некорректную процедуру, а я подтвержу – если потребуется – что ты говорил мне о своих сомнениях. Сам понимаешь, я не могу.

– С чего бы?

– Некрасиво. Как будто я борюсь за власть, но дело ведь не в ней. Просто не люблю несправедливость.

Семен с вызовом откидывается на стуле назад:

– Настолько не любишь, что плетешь интриги за спиной друга?

– Именно как друг я лучше всех знаю, что Ал не подходит для этой должности. Это опасно и для него и для нас. Но говорить с ним, как ты понимаешь, просто бесполезно, если он уже вбил себе что-то в голову, то все, слушать он никого не станет.

– А ты что с этого получишь?

– Начальника, который не будет мешать мне работать своей мягкотелостью. Ты – должность, равную твоим талантам.

Наше начальство – офис, который наконец-то просто работает, а не выживает в авральном режиме. А сам Ал наконец-то выспится.

– Семен, я прошу тебя.

– Не понимаю: с какой стати я должен ему помогать?

– С такой, что он спас честь ваара. Для нас это важнее жизни, ты знаешь.

– Марьяна, у него просто лихорадка, дай ему какое-то жаропонижающее… – он снова взглянул на Ала, прикидывая примерный вес.

– Я думаю, подойдет…

– Это не просто жар, – настаивает Марьяна. – Это оружие моей родины. За мной все-таки пришли, Семен.

Марьяна редко бывает настолько решительной в каком-то вопросе. Значит, это жизненно важно. Значит, пришло время вернуть ей долг.

– Если он помог тебе и может еще помочь… так и быть, я гляну на него.

Глава офиса просто прилег «на пять минут» на диван и сейчас лежал, обернутый в раскаленных воздух, противно липнущий к коже. Так странно, когда вокруг тебя столько свободного воздуха, а дышать все равно нечем, потому что кто-то раскочегарил плиту докрасна… или включил электропечку? Сейчас нужно встать и выключить, и документы убрать, чтобы не обуглились, и…

– Так, спокойнее, – что-то помешало ему встать. – Ты куда намылился, ложись обратно, пожалуйста, – голос Семена звучал убаюкивающе профессионально. Ал пытался сопротивляться, но мир продолжал плавиться, и наконец полностью растворился в жаре.

Придя в себя, Ал первым делом увидел сидящего рядом в кресле Семена с бумагами и непроизвольно дернулся, готовясь защищаться. Семен отреагировал на движение:

– Живой, – тыльная сторона ладони бесцеремонно коснулась лба. Жара не было.

– Скорее да, но не факт, – осторожно заметил Ал.

– Что-то болит?

Ал прислушался к ощущениям в организме, но не успел ответить, как тут же заглянула Марьяна и улыбнулась:

– Живой!

– Я тоже рад тебя видеть, – Ал поспешил застегнуть лишние расстегнутые пуговицы на рубашке, потому что в любом случае неприлично быть при женщине в таком виде. Мир казался мягким и не до конца осязаемым.

Его деликатно оставили одного приводить себя в порядок, и первым делом он проверил бумаги и телефон: ничего особенного не случилось, провалялся он пару суток, была пара неприятностей, которые Марьяна и Семен успешно закрыли, даже отчеты уже были на столе, Борис писал, что в его командировке его отлично кормят, он уже получил пять приглашений на рыбалку, неприятности разбираются строго в

установленном порядке.

Ал достал запасной комплект одежды из шкафа, дошел до умывальника, закрыл дверь и тяжело осел на пол. Чертова слабость. Какая подлость организма по отношению к своему хозяину. Когда он, наконец, переоделся и вышел почти приличным человеком, то понял, что ему оставили еды.

– Спасибо большое, – Ал старался вложить всю искренность в свои слова, – но, к сожалению, я это не ем, но за чай прям большое спасибо, – он забрал кусочек хлеба и чай, и поспешил вернуться в кабинет.

На лице семена отразилось «я тебя вылечил, я тебя к травматологу и отправлю». Какая скотина неблагодарная, вы на него поглядите.

– Семен, – мягко позвала Марьяна тоном, которым обычно говорят «не психуй» и тем самым злят еще больше. – Люди имеют полное право не любить овсянку.

– Это не человек, – весомо заключил Семен. – Это наказание.

«Ну да, такую конкуренцию ты не потерпишь,» – подумала Марьяна, потому что Семен больше из мстительной вредности, чем из человеколюбия пошел доставать Ала:

– Важный момент: с такими ранами нужен курс антибиотиков, потому что народной медицине со всякими мазями я, естественно, не доверяю, но так тебе невероятно повезло, у меня рука легкая, я шикарно ставлю уколы…

Ал на мгновение окаменел, и тут же ощетинился:

– Предлагаю обойтись таблетками.

– А я считаю, что это будет менее эффективно в твоем случае.

– Семен, – Ал заметно начинал злиться. Что-то новенькое. Семен решил дожать:

– Вообще-то я имею полное право потребовать медицинское освидетельствование. И – более того – я могу провести его сам.

– У тебя медицинское образование? – переспросил Ал больше из вредности, чем ради информации, которую и так знал.

– Вообще-то да. Неоконченное хирургическое плюс опыт работы на скорой. – Семен попытался смягчить крутой поворот диалога с человеком, который еще пригодится живым. – Так что с уколами я отлично справляюсь.

– Нет, – сказал Ал таким тоном, которым люди говорят «только через мой труп» – когда действительно именно это и имеют в виду.

– Ну как хочешь, – не на шутку разозлился Семен, и решительно вышел, закрыв за собой дверь.

Полчаса Марьяна наблюдала за взбешенным Семеном, который фыркал, хмурился, делал чай, ругал чайник и ходил туда-сюда как заведенный. Наконец, она решила мягко заметить:

– Напоминаю: любой человек имеет право не любить ов-

сянку.

– Что? Какую еще…? А, овсянку. Да не в ней дело. Я отказываюсь ему помогать, я не могу работать с такими… пациентами. Вот какого черта он никак не увольняется, а? Карьерист? Вот что он тут забыл?

Марьяна всерьез задумалась:

– Знаешь, есть такой негласный закон вселенной, что подобное притягивается к подобному. Например, справиться с настоящими чудесами могут только настоящие чудеса.

– Угу, – буркнул Семен, – а с настоящими неприятностями только настоящие дегенер… неприятности. Вот скажи, я что такой плохой медик? Я что, уколы поставить даже не могу, да? Мол, я настолько заангажирован, что базовые вещи выполнить не могу?!

– Во-первых да, ты заангажирован. А во-вторых, ты ему предложил уколы, да? – осторожно поинтересовалась Марьяна.

–Да, потому что площадь и глубина травм, а также то, что ваши мечи явно хранятся не в стерильной обстановке… что?

Марьяна печально покачала головой, не зная, имеет ли право выдать чужую тайну:

– Странно, что ты ничего не заметил.

– Что я не заметил? Что он распсиховался как нюня последняя и… Что «вот именно»?

– Он до смерти боится врачей. Ну, и больниц с уколами тоже.

– Глупости. Он просто манипулятор и водит нас за нос.

– Я лично видела. Ты же не сомневаешься в способности ваара видеть подлинный страх? – Семен невольно поежился от взятого девушкой тона. – Еще в самом начале…Я умудрилась оступиться и подвернуть ногу, ничего страшного, но… ваар не справился с каблуками, смешно ведь. Ал отвез меня в травматологию, и лично сопровождал, и выглядел как человек, чья голова уже лежит на плахе. Я надеюсь, ты не сомневаешься в моей насмотренности? В конце он чуть по стене не сползал, но уточнил у врача ограничения и доставил меня домой.

– Но ты мне никогда не…

– Да.

– И Ал никогда не…

– И не скажет. Более того, ставлю на то, что, если ты поинтересуешься об этой истории, он посоветует тебе интересоваться целостностью ног у их владельцев.

– А какого *ты* не…?

– Семен. Есть вещи, которые неприлично упоминать даже друзьям. Например, чужие тайны и собственные травмы.

Семен обиженно нахмурился и проворчал, что он-то был обязан заметить, и вообще ему можно что угодно доверить, тем более…

– О, еда, – Ал выглянул из кабинета одновременно с прибытием доставщика. – Предлагаю нам всем подкрепиться, и

затем будем готовить полномасштабную оборону с последующим наступлением.

Семен поморщился при виде еды, которую Ал выбрал для себя. «Отличный будет повод поиздеваться над начальством на тему того, что он ничего нормального не ест». И, пользуясь суетой, молча сунул в ящик стола таблетки, на коробках было написано большими печатными буквами: 1 табл / день. после еды!! которая еда!!!

– Итак, самое важное сейчас – это личное дело, Семен – твоя задача найти малейшие огрехи, более того – найди все, что может быть принято за огрехи либо трактовано двояко. Марьяна – на тебе несоответствие в датах и малейшие логические расхождения. Если они запросят твое дело официально – я ручаюсь, они получат досье лучшего сотрудника, которые когда-либо работал в офисе – таких так просто не увольняют. И… Марьяна, а в чем вообще дело? Почему эти товарищи так желают вернуть вас обратно? Я просто не очень силен в истории…

– Потому что я ренегат. Изменница. В касте вааров дети, рожденные достаточно сильными и ловкими, чтобы стать ваарами – то есть священными воинами, лучшими, сильными, охраняющими самых высокопоставленных людей и самые богатые храмы – обязательно им становится. Других вариантов нет. Вернее есть, мой, но как вы сами понимаете мало кто решается. Тем более, что это одна из самых почитаемых каст, выше нас только жрецы и сам император.

– Марьяна, ты можешь не отвечать на вопрос, если не хочешь, но мне все-таки любопытно: почему?

– Потому что я не хочу провести всю свою жизнь на службе, – с неожиданным жаром ответила девушка. – Я хочу увидеть, попробовать, пожить, посмотреть на весь мир, попробовать весь чай! Слонов тех самых из книжки погладить, наконец.

И тут до Ала дошла цена ее сдержанности. Семен не выдержал:

– Но почему тогда офис… с бешеным графиком…

– Ал прав. Офис так просто не отдает. Это раз. И два: в офисе я работаю в два раза меньше, чем на должности ваара. У меня даже есть мое личное время, которое я могу потратить на себя! Каждый день!

На лице главы офиса мелькнуло непозволительное чувство, которое он тут же отогнал, переключившись на работу:

– Так. Семен, я когда-то слышал, что ваара можно выкупить. Я не помню, где это могло упоминаться, поэтому, пожалуйста, добудь это информацию, хорошо? А мы пока закончим с личным делом.

– Ты не подскажешь? – уточнил Семен у девушки.

Марьяна пожала плечами: за такие кощунственные вопросы у них запросто вырвали бы язык.

Запасы чая и сил подходили к концу, когда в кабинет безрадостно ввалился Семен:

–Действительно, есть целый ритуал, который проводят жрецы, и смысл ритуала – заменить ваара перед небом, поэтому жертва должна добровольно проглотить горящие угли… Не удивительно, что никто о нем не знает – вряд ли этим ритуалом кто-то пользовался. По крайней мере добровольно. Странно, что ты вообще мог о нем где-то слышать…

– Ясно, план не сработал, ищем другой, – поспешно отмахнулся Ал.

– Минуту, а у нас был план? – тут же насторожился Семен.

– Ну… чисто теоретически я мог бы стать жертвой для Марьяны, будучи необремененным… скажем, конфликтующими с этим обязательствами… но в вышеописанном формате я это вряд ли переживу, поэтому давайте, пожалуйста, поищем что-то другое.

– Нет, погоди, то есть если бы там было что-то вроде «отрежьте ваш мизинец и по рукам» – ты бы согласился?

– Семен, – обреченно сказал Ал. – Не надо задавать вопросы, на которые ты не хочешь знать ответы. И я, кстати, тоже не хочу знать. И, Марьяна, тебе сильно нужна возможность ездить на родину по выходным? Что если мы оборвем все дипломатические связи с твоей родиной?

– Будет ли это значить, что такие как я больше не смогут убегать к вам?

– Нет, конечно, нет. Я собираюсь разорвать дипсвязи только нашего ведомства. Насколько я знаю, вы у нас – единственный ваар.

Ал настоял, чтобы девушку провожали домой по очереди и из дома на работу тоже.

– Семен, ты обещал зайти ко мне в гости? Не хочешь пожить какое-то время?

– Да с радостью, – легко согласился Семен. – У тебя лучшая кофеварка в истории человечества.

– Полагаю, это снимает ваши опасения за мою жизнь, Ал?

Ал чуть улыбнулся и кивнул.

Приехавший Борис бегло набросал историю своих приключений, отдал пухлую папку с отчетами и удрал показывать город новым коллегам, с которыми познакомился неделю назад. Ал неторопливо подшивал папку к отправке на проверку, как ворвался Семен, выдал хаос несусветный про странные объекты и унесся в архив искать их родственников. Вернулся спустя минуту хмурый и злой:

– Александр Валерьевич, а вы давно Гольджи увлекаетесь?

– Чем? – Ал от внезапности претензии искренне поперхнулся. – Это просто голубика.

– А ты получается их не отличаешь, да? – осторожно спросил Семен то, что явно не нуждалось в подтверждении. Ал поспешно выплюнул ягоду на салфетку и протер язык как будто это могло помочь. – Странно что тебя в детстве не научили их различать

– Я в своем детстве жрал исключительно клубнику, малину и паслен, так что простите великодушно, – едко парировал Ал.

– Какой еще паслен, он же ядовит…

– Не весь и это смотря сколько… так, не важно. У меня минут 20-30?

– А ты вот эту всю коробочку сожрал, да? – в двухсотграммовой пластиковой таре болталось несколько ягод. Ал скорбно вздохнул.

– Это вторая. Даже если там действительно была голубика… Домой точно не успеть. Борис раньше пары суток не вернется…

А жаль. Очень жаль. До стиснутых до крови кулаков жаль, что единственный человек, на которого ты действительно можешь положиться, оказался не рядом в такой момент. Хотя, с другой стороны, может оно и к лучшему. Зачем мучить человека тем, что он все равно не в силах исправить.

– Семен… можешь сообщить, пожалуйста, Марьяне, что я очень ее прошу поработать на выезде по делу о кижорской свале? Там нужен ее.. ее глаз к деталям, она безусловно справится лучше, чем кто-либо из нас.

– А почему ты сам не…? А, ну да. Точно

Офисные протоколы безопасности были достаточно строги для происшествий такого рода. Независимо от обвинения Алу сейчас грозила или преступная халатность, или покушение на жизнь главы офиса, и чертовски позорное разбира-

тельство, потому что уже сам факт нахождения ягод Гольджи на территории офиса рассматривается как опасность, и Марьяна, как секретарь, не может пренебречь этим протоколом под угрозой большего наказания, чем понесет виновник создания опасности.

– Полагаю на сегодня ты также можешь быть свободен. Можешь как раз помочь Марьяне.

– Ага щас. По-медицински это называется «оставление в опасности» и тоже чем-то там карается, а оставлять офис в опасности я тем более не собираюсь.

Семен подчеркнул слово «офис», обвел красной ручкой в кружок дважды и подчеркнул еще раз. Ал пренебрег этим фактом, потому что изо всех сил пытался просчитать что ему делать дальше. «Куда бежать перед пожаром?»

– Семен. Я должен предупредить что я не имею предварительного опыта с этими ягодами, и я понятия не имею как я на них реагирую.

– Не поверишь я уже догадался. Рекомендую снять пиджак, кстати. Будет жалко испортить.

Ал поморщился, но покорно снял пиджак повесив на стул. Подумав, на всякий случай расстегнул верхнюю пуговицу и закатил рукава рубашки.

– Слушай, а может у меня иммунитет? и ничего не будет?

Семен, расположившийся в гостевом кресле, поднял голову и взглянул на Ала, да, видел бы ты сейчас себя, но вслух заметил:

– Ал, а как ты думаешь на каком языке ты сейчас говоришь?

– На родном? – засомневался глава офиса.

Семен позволил себе рассмеяться.

– А каких пор у тебя родной язык это латынь?

– С древних, – нахмурился Ал которому было здорово не по себе. – А вот так?

– Китайский… уже неплохо.

– А так? Может так лучше?

– Африкаанс… Ал, а попробуй ответить на том же языке, на котором я с тобой говорю?

– Я попытаюсь… – мужчина пробормотал что-то с усилием, но слова непокорно разбегались.

– Нет-нет, так дело не пойдет, я не собираюсь с тобой на болгарском разговаривать. Давай назад в… приличную Европу

Ал тяжело стиснул голову руками:

– А так?.. Так лучше?

– Немецкий! – возликовал Семен, – прекрасно, пусть будет немецкий.

Ал дежурно поднял уголки губ, все больше понимая неизбежность происходящего.

– Я думаю тебе стоит лечь.

– Да? Наверное… – Ал пожал плечами, как будто его спросили, как именно хотите устроиться перед гильотиной и улегся на диван скрестив руки. Семен молча покачал голо-

вой, ну да, помогать себе Ал не собирался.

– Чем дольше ты сопротивляешься действию ягод, тем позже оно закончится и тем менее приятным будет.

Раздраженным вздохом Ал дал понять, что информацию он услышал, но с ней решительно не согласен, и вообще, с какой стати он должен подчиняться какой-то там биохимии. Семен взял со стула его пиджак и аккуратно набросил сверху:

– Устраивайся как ты спишь – вполне возможно, для тебя это обойдется парой ярких картинок и…

Укладывающийся удобнее Ал внезапно резко дернулся и уставился на что-то видимое ему одному, и тут же попытался вытереть выступившие слезы, но это не помогало.

– Ложись, ложись... закрывай глаза... – Мягко проконтролировал Семен. Ал зажмурился что было сил, сжавшись что было сил, но слезы предательски хлынули ручьями. Семен подвинул кресло поближе и остался возиться с бумагами.

Как только эта дрянь вошла в моду, Семен сразу провел лекцию со своим младшим: смотри, мол, что эти ягоды делают с твоим мозгом, вот настолько ты тупеешь даже после одной ягоды, вот столько ты нейронов теряешь, вот я их никогда не ел, поэтому и стал гениальным. Самый юный студент меда. Самый одаренный выпускник. Будущее светило хирургии.

В моду ягоды вошли из-за глупой городской легенды, которую подхватили ушлые рекламщики: если дать человеку

сожрать горсть ягод, ты увидишь его настоящим. Тайные желания и грязные мыслишки попрут наружу, как насекомые из-под перевернутого камня. Так, тихони начинали буянить, проявляя затолканную в глубь агрессию, вторые прыгали из окон, третьи приставали ко всему, что движется. Страшно представить, сколько подростков покалечилось не столько из-за очередной проверки, сколько из-за травли, которая была после.

Спустя время Ал неожиданно дернулся и вздохнул. Несколько секунд он заново привыкал дышать и неожиданно ровно сказал:

– Я надеюсь, это все? – будто речь шла о досадном затянувшемся докладе.

«Пижон», – мысленно проворчал Семен.

Глава офиса неловко попытался сесть, поэтому Семен тут же оказался рядом и, осторожно придержав голову, внимательно посмотрел в глаза: типичный сиреневый блеск вовсю разливалась по радужке глаз.

– Увы, рекомендую снова лечь. Воды? – Ал кивнул и взял стакан в руки, но ложиться не стал. На его лице внезапно отразилась усталая печаль. Семен был готов покляться что именно вот в эту секунду Ал был абсолютно искренним – взъерошенный, с раскрасневшимися глазами, он был открыт, как только может быть открытой вспоротый живот. В рекламе ягод, кстати, говорилось, – в те бешеные годы их даже рекламировали по ТВ, – что Гольджи раскроют то, чего

вам хочется больше всего. Ваше самое потаенное желание. Примечательно, что для Ала его самое большое желание было почти невыносимым, почти как и для …

Семен тут же дернулся, не желая вслушиваться в манящий шепот ягод:

– Ты сожрал слишком много, чтобы легко отделаться. Странно что ты вообще решил прийти в себя… Погоди, то есть ты вот настолько контроллер?

Ал бессильно попробовал улыбнуться:

– А ты думал.

– Укладывайся. Быстрее закончится. Давай-давай.

Ал осторожно сделал глоток, как будто опасаясь, что мир вокруг рухнет, но это было неизбежно, он уже крошился и отваливался огромными кусками, как старые обои, старая краска, побелка, кирпичи, бетонные плиты и, наконец, сама арматура. Из принципа глава офиса заставил себя встать, вернул стакан на стол и улегся обратно. Крохотный акт мужества, который Семен постарался наблюдать не слишком пристально: второй раз прыгнуть с парашютом куда страшнее, чем в первый.

Вообще он должен был ненавидеть Ала прямо сейчас. Хоть бы раз на местный язык для разнообразия переключился, гаденыш. Нет, он, конечно, тварь последняя и странно вообще, что он до своих лет дожил, но… можно же просто морду набить, если так достал, тем более что этот стучать точно не пойдет. Тот, кто подсунул ягоды, либо вообще не

знал Ала, либо, напротив, знал его слишком хорошо.

– Полагаю мне нужно вернуться к работе.

– Укладывайся обратно, сейчас же. Как медик я баню тебя сегодня от работы ради безопасности всего офиса. Хватит того, что ты вообще не слушаешь мои рекомендации. Семь раз в себя приходить? Под ягодами? Я тебе сейчас вообще официальное освидетельствование устрою за эту выходку.

Ал пожал плечами, не имея сил спорить: а что я мог поделать, и улегся обратно, полагая, что вот сейчас Семен куда-то уйдет и можно будет вернуться к работе, но отключился сразу же, едва его голова коснулась дивана.

Борис вернулся жизнерадостным и отдохнувшим.

– Ты как себя чувствуешь? – поинтересовался у измотанного Ала, который с огромными усилиями вернулся из пограничья между явью и сном всего полчаса назад. Глава офиса покосился на Семена:

– Просто прекрасно, – сказал он таким тоном, каким обычно говорят «ты мне нужен». Чуткий в личных делах Семен поспешно ретировался, давая им время перебросится парой слов без свидетелей, но тут же заметил, что Марьяна неодобрительно покосилась на происходящее и обернулся.

Борис что-то рассказывал, комментировал, сыпал шутками, но было очевидно, что Ал слишком истощен, чтобы вникать в детали и парировать. Странно притихший, он напо-

минал кота, который просто слушает и смотрит, и уже этого ему достаточно для счастья. Да, кто-то его пытался его дискредитировать, но это был не яд, он жив, сотрудники его офиса живы и целы, а со всем остальным можно будет разобраться…

– Я тут спросить хотел… – пользуясь совместным заданием, решил уточнить Семен. – А сколько языков вообще знает Ал?

Борис пожал плечами:

– Пять, наверное.

– А какие? – живо спросил Семен, стремясь утешить задетое лингвистическое самолюбие.

– Ну… родной, английский, немецкий, испанский…наверное какой-то еще экзотический типа китайского или японского… А что?

– Явно меньше меня, – хмыкнул Семен, с крайней степенью довольства.

– Естественно, – охотно поддакнул Борис.

Глава 8 Ангел

О чем ты думал в эти доли секунд?
Канцлер Ги «Мой ангел»

Коль однажды врагом назвался –
Будь хотя бы врагом-героем.
Кошка Сашка «Враг»

– Зря ты ему помог, Семен.

– А что, надо было, чтобы он умер? – подчеркнуто-невинно спросил Семен.

– Да нет, что ты. Просто вышел бы в отставку, и всем сразу стало бы легче, включая его самого. Имей в виду, с такими как он, иначе нельзя. Если вовремя не позаботиться, все закончится плачевно – он же даже просить о помощи не умеет, ты ведь уже заметил, да? – Борис внимательно взглянул на Семена, заставляя того согласно кивнуть, и добавил: – Вечно влипает куда-то, чтобы почувствовать себя нужным. Не говоря уже о том, что совершенно не ценит тех, кто вынужден его терпеть.

– Странно, что именно его назначили руководителем, – задумчиво уточнил Семен.

– Ничего странного, – с притворным равнодушием заме-

тил Борис. – Он обошел меня в финальном испытании на полбалла. Вечно ему везет.

Секретарь решительно вошла с бумагами:

– Ваши подписи нужны здесь и здесь.

– Марьян, а что ты думаешь про… нашего руководителя?

Марьяна покосилась на Бориса и уклончиво заметила:

– На моей родине такой жрец считался бы необычным.

– Ой, да бросьте. – Тут же отреагировал Борис. – Его всю школу считали странным, так что он давно уже перестал воспринимать это слово как оскорбление. – Добившись всеобщего внимания, лучший друг главы офиса продолжил: – Умненький мальчик с острой потребностью быть любимым и весьма раздутым эго, но при этом боящийся разговаривать с людьми и не умеющий отказывать – вы же понимаете, с такими данными сложно вырасти во что-то нормальное, особенно без внешней поддержки.

Марьяна тут же нахмурилась:

– У него что-то с семьей?

– Ну, знаете ли, – Борис с неожиданной гордостью выпрямился, – чтобы ребенок вырос нормальным нужна нормальная полноценная семья, а не…

– Борис! Семен, Марьяна! – Ал старался быть исполненным оптимизма на весь запас сил человека, которому в последнее время везет как утопленнику. Так, не пророчь, тут же мелькнуло в голове, в отличие от спортивного Бориса, ты

плаваешь как топор, зато тонешь почти феноменально. Нет, те два метра, которые ты проплыл до кораблика, не в счет.

– На сегодняшнее утро нас уже успели озадачить коллеги следующими событиями: появились странные кусты желтой малины, есть подозрение, что это не совсем кусты, не совсем малины, и, скорее всего, не совсем желтой. Марьяна, Семен, я прошу вас заняться этим делом – ближе к полудню к нам придет гость, разберитесь, пожалуйста. И также на окраине района было обнаружено что-то, что по описанию напоминает гнездилище тварей. Нужно проверить, но это я беру на себя, и со мной идет Борис.

Семен подчеркнуто пожал плечами: как же плевать.

– А вот ты значит какой, непотизмом занимаешься? – заметил Борис, выходя из офиса.

– То есть ты мне младших на гнездилище предлагаешь тащить? Ты серьезно?

– А я не считаюсь?

– Ой, Борис, ты такой же младший, как и я, – легко рассмеялся Ал.

– Резонно, - согласился Борис.

– Мррррази, – шепнула тварь. Ал аккуратно втиснулся перед другом и противником, галантно придерживая друга плечом. Тварь была невысокой, но толстой и неуклюжей, с гнилыми зубами и бельмом на правом глазу. Двигалась она

как плохо прорисованный персонаж в компьютерной игре, кривые ножки едва держали увесистое брюхо.

Как давно она сожрала человека, к которому присосалась? Десять, пятнадцать лет назад? Все двадцать?

Эта тварь сожрала ребенка.

Что с тобой случилось, малыш? В какую передрягу ты попал, почему никого не оказалось рядом, как эта тварь умудрилась сломать твою волю, твое желание жить, саму жизнь в тебе?

Ал глубоко вдохнул, но его рукава тут же коснулся Борис:

– Не психуй. Мы ее просто размажем.

– Конечно, – выдохнул Ал, разжимая кулак с побелевшими костяшками. – Ты прав.

Тем временем тварь с любопытством рассматривала противников: один, темноволосый, выглядел высокомерным, наглым и ленивым, тот, что посветлее был деловитым с уродливой улыбкой, не затрагивавшей глаз. Мерзкие, унылые людишки. ЖРАТЬ!!!

Резким рывком тварь кинулась вперед. Ал успел оттолкнуть Бориса в сторону и сделать шаг назад – его друг, конечно же, все правильно понял и навалился на тварь сзади, прижимая ее к земле. По инерции, падая, тварь успела ухватиться за ногу Ала, поэтому тот тоже рухнул наземь, неплохо приложившись спиной, но тут же вскочил и навалился на тварь сверху, прижимая ее коленями.

– Живой? – поинтересовался глава офиса.

– Частично, – Борис зашевелился, упираясь локтями в тварь, которая резко заклекотала в знак протеста с таким грубым обращением.

– Вызовешь безопасников? – попросил Ал, пытаясь рассмотреть состояние конечностей Бориса.

– Сделано. Нападение третьей степени, верно?

– Ага. А ты в каких местах не очень живой? – догадался спросить Ал.

Борис внезапно рассмеялся в ответ.

– Я понял. Как обычно, голова, – рассмеялся и себе Ал, на что Борис легонько толкнул его плечом. Неприятность притихла – ей не нравились острые локти и колени – и цитировала какие-то занудные юридические документы о правах неприятностей линеарной классификации, которые, конечно, не имели никакого отношения в территории, вверенной в защиту офису.

Друзья ждали безопасников, хихикали как мальчишки и пытались отдышаться, еще не вполне осознавая, что именно им удалось провернуть. (Это потом объясняет безопасники, вполне комплиментарно, но крайне малоцезурно).

Они оба были счастливы.

Они оба были почти бессмертны.

– Спокойно, – сказал Ал, отчетливо понимая, что это конец и дальнейшие его усилия только продлят мучения. Ну, или поможет только чудо, которого, как известно, не суще-

ствует еще с большей вероятностью, чем единорога, дракона и феникса вместе взятых. С таким же успехом он мог бы пытался достать сразу три деревяшки в дженге, и надеяться, что ничего не развалится – если бы хоть что-то знал про игры. Или поцеловать умирающую от чумы девушку. Или попасть стрелой в другую стрелу, выстрелив из лука в первый раз в жизни.

– Итак: Борис, Семен, – я постараюсь оформить это происшествие как технический сбой, потому что я искренне в это верю, не может быть чтобы два лучших сотрудника так синхронно облажались. Вы же еще не успели подать отчеты, я надеюсь?

– Черт… они уже в системе, Ал, – сказал Борис. – Мы не были уверены, что… на нас не отреагируют сразу и не хотели подставлять тебя.

– Конечно, я понимаю, – кивнул Ал, чувствуя, как незримая удавка безысходности затягивается на его шее все туже. Теперь их всех казнят, а его, как руководителя, казнят дважды. – Это значит, что ситуация сложнее, чем я предполагал изначально, но я обязательно что-то придумаю…

Правильно, ведь безвыходных ситуаций не бывает. Просто из некоторых ситуаций есть только один выход, и он нравится не всем. Например, звездным системам. Месяц разрабатывавшаяся гениальная схема для Альфа Центавры, которая удовлетворяла всех их требования, рухнула ровно в тот

момент, когда в переговорную вошел Ал.

Отвратительный звук заставил главу офиса согнуться, закрыв уши и зажмурившись. Омерзительный диссонанс выворачивал все внутри и выцарапать себе ушные перепонки, чтобы никогда больше не слышать этот звук, казалось не слишком плохой идеей.

Ал примирительно поднял руки вверх и громко сказал:

– Прошу прощения!

Звук не утих.

– Вы нарушили обещание. Вы дали неверные данные. Мы разрываем дипсвязи. Вы все испортили. Вы виноваты.

– Я могу объяснить!

– Нам не нужны ваши объяснения. Нам нужно, чтобы вас больше не было. Вас всех. Двурукие!

Последнее слово, очевидно, задумывалось, как оскорбление.

– Да выслушайте меня наконец! Это мой проект, мои идеи, если что-то не устраивает – вот он я, здесь, обсудите это со мной!

Звук постепенно утих. Глава офиса тяжело дышал.

– Ты злишься? – кротко поинтересовалась Алфа-Центавра, тут же нагрузившая своих аналитиков работой.

– Да, я злюсь. Я очень злюсь. В чем я вас обманул?

– Не ты, – уклончиво пробормотала звездная система. – Твои. Твои двурукие.

– Я не буду продолжать этот диалог, если вы не прекратите

обзываться.

Переводчики экстренно завозились, что-то меняя на ходу.

– Не будем. «Двуногие» можно?

– Нельзя. Обращайтесь строго по видовой принадлежности в рамках протокола. Это раз. И два: в чем заключался обман?

– Система, предложенная вашими сотрудниками. не гармонизирует, а диссонирует. Ты слышал ее музыкальное воплощение.

– «Вы слышали». Мне тыкать тоже нельзя. Теперь я услышал вашу проблему, и я займусь ей лично. Но я хочу понять: почему вы решили полностью ронять дипсвязи, а не связались со мной лично?

По ту сторону экрана повисло смущенное молчание, началась совещательная возня.

– Мы хотели… но… когда мы это предложили один из твоих сотрудников сделал такое лицо, – на экране всплыла экспрессивная клякса, в которой должны были угадываться человеческие эмоции. – Мы решили, что тебе нельзя доверять.

– Вам, – машинально поправил Ал.

Конечно, за Алом пришли, но совсем не так, как рассчитывал Борис и не даже не так, как когда-либо видел Семен.

– Да ты мне объяснишь, наконец, что у тебя творится в офисе! – Орал наставник, который и предложил Ала на эту

должность. – Почему сложнейшие дела ты разрешаешь на раз два, а тут вроде все просто и понятно, только чертовски важно – и вы облажались, ну?

– Техническая ошибка, так бывает, – упрямо твердил Ал. – Полную ответственность несу я, так как я должен был выверять…

– Несешь-несешь, в этом не сомневайся. – Наставник что-то тихо и внушительно сказал Алу. Тот, конечно, сразу взъерепенился:

– Я не считаю это справедливым по отношению к моим сотрудникам.

– Мне плевать, что ты там считаешь. Я вообще зачем зашел: я хочу предложить тебе перейти в центральный офис. Может ну его, а? Займешься научной работой наконец, преподаванием.

– Владимир Дмитриевич, ну вы же знаете, что я не гожусь в секретари, тем более в ученые. Вы же сами говорили.

Начальник сдержанно улыбнулся тому, что его цитирует своего наставника ему же, но тут же нахмурился.

– Ты мне зубы не заговаривай. Я твою статью ругал исключительно в интересах педагогического процесса – не маленький уже, сам должен понимать. Картину я тебе обрисовал, а там поступай как знаешь. Ты ведь все равно сделаешь по-своему?

– Я не считаю это взыскание справедли…

– Да угомонись ты уже. Я тебя услышал. Имей в виду, те-

бя чудом оставили - и считай, что свой запас чудес в этой жизни ты уже исчерпал. так что исправляй тут… все… А не исправишь – сам понимаешь, конец будет безрадостный.

Он обвел широко рукой «вот это все» и только сейчас заметил, что их диалог постепенно перенесся в приемную, в которой уже толпились переживающие коллеги.

– Зря ты с ними так, – сказал он Алу. – Эти первые предадут. – И решительно вышел.

– Коллеги, прошу, – Ал широко распахнул дверь, приглашая всех войти, и впервые за последнее время улыбнулся, легко, обезоруживающе, еще до конца не веря, что все получилось.

Он знает, что делать дальше.

Он знает, что будет дальше.

Он…

– Итак, – должен сообщить что мы прошли проверку в связи с недавними… рабочими событиями. Офис обошелся без взысканий и увольнений, с чем я нас и поздравляю… Правда, обнаруживаются новые риски в связи с моим отказом от повышения, но вас они, конечно же, не коснутся. Да, Борис?

– Ал, тут такое дело, – вкрадчиво начал Борис. Они встретились взглядом. – Я ухожу. – тяжелая корочка легла на стол. Ал проводил ее взглядом. Снова посмотрел на Бориса. – Заявление я оставлю у секретаря.

– Это не очень смешная шутка, Борис, – настороженно заметил Ал.

– А я не шучу.

– Я могу спросить почему?

– Больше не вижу смысла. – честно сказал Борис. На лице Ала который был уверен, что сделал невозможное и немного больше, и теперь наконец-то все будет хорошо, мелькнула нехорошая тень. Марьяна тут же отвела взгляд. Было бы проще, если бы Борис просто ударил или сказал бы какую-то гадость – тогда было бы понятно, что делать.

– Хорошо, я тебя услышал, - кивнул Ал.

Борис встал

– Не сомневаюсь, что у вас все будет *хорошо*. Ты справишься, - и вышел легко как будто просто отправлялся в очередную командировку, а не оставлял своего лучшего друга разгребать в одиночку разваливающийся офис с предателями, которые только и ждут его ошибки, недовольным начальством, жаждущим его крови, и угрозой не просто увольнения, а позорного изгнания с волчьим билетом.

Хорошо.

Легко был смелым и соваться в пекло, когда на другой стороне есть кто-то, кто ждет. Страховка в виде «выжил исключительно ради того, чтобы прийти выпендриться этим фактом и набросать шуточек», и знать, что их разделят, и что перед шагом во тьму ты не будешь таращиться в нее один, а рядом будет кто-то, кто – нет, не пойдет с тобой, это было бы

слишком нагло ожидать такого самопожертвования от кого бы то ни было, – но просто разделить это мгновение до, когда вы вместе смотрите в бурлящую тьму. Просто быть героем легче, когда на тебя кто-то смотрит. Кто-то, с кем ты провел полжизни.

Ты справишься.

Выждав пару минут, Ал достал телефон и поспешно отправил сообщение «что случилось?»

Сообщение не доставлено.

Пользователь добавил вас в черный список.

Марьяне сначала хотелось разреветься, потом сломать Алу нос, потом сломать нос и шею, а потом… она сама не понимала, что происходит, и ей это не нравилось.

Ей не нравилось, что Ал перестал улыбаться – он всегда улыбался неестественно много, даже, когда вообще не было сил, он заставлял себя выдавить подобие улыбки, чтобы окружающим рядом было менее страшно. Сомнительная идея, но все лучше, чем теперь, когда глава офиса из-за погасших глаз казался неправильным и некрасивым. Или, что еще страшнее, пустым. *Выпотрошенным*. Марьяна вздрогнула, найдя правильное слово. Ее раздражало все, даже Семен, который, как стало вдруг очевидно, ни радоваться не умел к месту, ни быть серьезным.

Самое бесценное, что дают наилучшему воину – время.

Но он же не воин, он и минуты в бою не продержится!

Нет, он, конечно, уже продержался, но сейчас это не имело никакого значения, потому там, в честном бою, все просто. Все честно. А что делать в такой ситуации? кого убить? какую рану перевязать? Что-то нехорошее поселилось в Але, и она ничего не могла с этим сделать – так труп крысы, брошенный вверх по ручью, отравляет в итоге весь родник.

– Да отстань ты от меня! Как ты мне надоела со своими корректировками, как вы мне все надоели!

Удивленный Ал выглянул из кабинета:

– Семен, зайдите ко мне.

Неужели уволит?

– Семен, – Ал дождался, пока мужчина подойдет к столу. – Скажи, пожалуйста, что тебя так беспокоит, что ты на весь офис орешь?

– А у меня начальник тварь редкостная, – провокационно говорит Семен.

– О как, – кивает Ал. – А что ж ты к нему лично не подойдешь и об этом не скажешь? Что ты на девушке срываешься?

– А тебе какое дело?

– Семен, – Ал перешел на мягко угрожающий тон. – Если есть вопросы, предложения или эмоции, приходи, обсудим в *частной* беседе. Марьяну оставь в покое. Тебе не приходило в голову, что она не меньше твоего выматывается?

– Да пошел ты, – поспешно сбежал Семен.

Ну, все, теперь точно уволит.

Семен еще что-то негромко говорил Марьяне, когда выглянул Ал и протянул папку:

– Вот это дело, Семен, просмотрите первым, хорошо? Мне нужно ваше мнение как можно скорее, чтобы знать, что с ним делать. Я благодарен за откровенность в частной беседе – как все частное, она останется исключительно между нами. Марьяна, я могу попросить вашей помощи с протоколом обезвреживания зонтиков? У меня просто отвратительным образом не сходится ни один коэффициент.

Семен молча проводил главу офиса взглядом. Было чувство, будто он куда-то отходил, что-то пропустил и теперь вообще ничего не понимал.

Ал вышел к наставнику на улицу, нервно крутя монетку в кармане.

– Вот. Подарок на именины считай, – немолодой мужчина протянул тонкую папку на которой тонким карандашом написано А.В.

– Annos vixit… – безрадостно заметил Ал

– Вот сам и почитаешь. А я пошел.

Вернувшись Ал быстро прошел мимо Семена и Марьяны, не пряча папку и, не обращая на коллег внимания, тут же сел за бумаги.

Дилетанты – усмехнулся он – не удивительно что у них ничего не получилось. для того, чтобы его действительно сло-

мать нужно было приобщить журнал наблюдений Марьяны – ожидаемо, его здесь нет. только стандартные отчеты за период… а вот и эпистолярное творчество Семена в жанре пасквиль… минуточку, а самого главного-то нет. – Ал в изумлении перебрал папку несколько раз от начала до конца по листику – почему нет показаний Бориса?

Только на общем бланке в косвенном виде «как специалист по живым.. подтверждаю несоответствие А.В. занимаемой должности»

«подтверждаю»

Этого было достаточно.

Нет он не был удивлен это было предсказуемо логично даже заслужено в какой-то мере. Только сейчас Ал почти с удивлением обнаружил как же он устал: что-то слишком многое навалилось разом в последнее время. Семен поспешно вошел в кабинет и первым делом просил взгляд на папку. Извелся, бедненький, с вопросом каково теперь ему будет на рабочем месте. Ал встретился взглядом с Семеном, выдержал паузу.

– Вы что-то хотели?

– Я хотел бы запросить бланки д45 и дело о саблезубом календаре. Можно?

– Конечно, – кивнул Ал. – И посмотрите еще ежовое дело и легенду о бешеном стоматологе. Там будет информация, которая вам пригодится.

– Хорошо, – едва заметно кивнул Семен и тут же вышел.

Взгляд Ала сосредоточился на остром угле стола. Был ли он в ярости? Да, он желал весь мир стереть в порошок. Позволит ли он хоть на секунду показать это коллегам? Конечно же нет, это просто неприлично. Отомстит ли он Семену? Ал стиснул зубы. Тоже *нет*. Семен его не предавал – чтобы предать, нужно сначала присягнуть на верность. Почти наверняка в его картине мира он просто боролся с наглым интервентом – и хвала небу, что выбрал относительно гуманный путь. Да и Борис тоже не предавал, по большому счету. Он всего лишь… returned the favour, на его месте несомненно любой поступил бы точно так же. Удивительно, что к ним не присоединилась Марьяна – надо напомнить ей, что никакого долга с ее стороны быть не может, потому что я просто сделал то, что считал верным, и то, что хотел сделать. Или, как сказал бы Борис, потешил свое самолюбие.

Еще несколько сообщений вернулись отправителю.

Хотелось бы знать, откуда берется столько усталости, когда дел стало меньше? Да, загруженность есть, но она рядовая, не в пример авралу вначале. Как будто кто-то подкручивает силу тяжести на этой планете, и она распространяется даже на мысли.

– Ал, вот здесь нужен твой комментарий.

Глава офиса бегло пробежал отчет взглядом. Вернулся к началу и просмотрел еще раз. И еще. Написал «2-3 дня».

– Так точнее.

Заверил комментарий подписью.

– Можете, – внезапно запнулся, как человек, который прошел слишком много. – Отправлять.

В тяжелой голове нет слов, они куда-то делись. Думать нелегко, но проще, чем говорить. Молчание превратилось в зыбучий песок, поглощающий все на своем пути, слова угасали, как последние фонари. Какой неуютный язык. Невыносимый. Как хорошо, что есть чужое наречие, не отравленное непринятыми извинениями, но есть ли оно? Крохотные бисеринки никак не соберутся неуклюжими пальцами. У музыкантов они тонкие и у швей, а у тебя так, кривые обрубки...

– Его снимут, – мрачно говорит Марьяна, Семен настороженно замирает.

– С чего бы? Он ведь выкрутился.

– А ты не видишь?

– Что? Что он обиженку из себя строит? Слова сквозь зубы цедит и тупит постоянно? Это не мое дело и за такое не снимают.

– Снимают и за меньшее. Любая случайная проверка, и ему конец.

Семен нахмурился

– Ну и пусть. Мне-то что. Сам виноват, нужно было хотя бы на меня наорать – все была бы эмоциональная разрядка.

В приоткрытую дверь видно, что глава офиса сидел, поз-

волив себе прислонить левую руку к виску. У него еще и головная боль опять! Нет, вы не подумайте, Семену решительно и категорически плевать на этот факт, просто он настолько ненавидит своего начальника, что с радостью запихал бы в него десяток таблеток от головы, чтоб наверняка.

Ал в пятый раз перечитывал страницу, но информация упрямо утекала, как вода сквозь песок. Наконец, он решил вести конспект информации и черкал что-то на бумаге в надежде удержать в мыслях хоть что-то. Мысли, как испорченная пластинка, упрямо возвращались на одно и то же место к одному и тому же вопросу. С таким же успехом можно было лить спирт на открытую рану, желая получить ответ на вопрос «а почему она вообще возникла».

– Паршиво? – буркнул Семен. Ал поднял голову с нескрываемым возмущением «а с какой стати я тебя должен радовать этой новостью?» и непонимающе спросил:

– Что?

– Мы прикроем, – неожиданно просто сказал Семен. – Имей в виду, ты сорвал связки, врачи запретили говорить вообще. Так что я теперь твой глас и глашатай.

– С ума сойти, как мило, – едко процедил Ал.

– Если тебя смущает необходимость врать, – неожиданно добавил Семен, – я тебе могу запретить разговаривать хоть сейчас. А с ума сходить не надо, это не мой профиль – пары по психиатрии я прогуливал с особым энтузиазмом. Отчеты давай сюда, я закончу.

На лице Ала обозначилось искреннее недоумение: явно шла серьезная внутренняя борьба. Семен уже было понадеялся, что на него наконец-то наорут, и в кой-то веки это будет даже за дело.

– Ладно, – наконец Ал закончил свои сложные вычисления будет ли хуже доверить отчеты Семену, хотя куда уж хуже, и протянул стопку бумаг. – Это текущие. Я в архив.

– И кто меня просил это делать? Мне своей работы мало? – пожаловался Семен Марьяне и тут же замер: в отчете красовалась ошибка. Нет, не смертельная, конечно же, просто перепутанный день недели, крохотный недочет, вот только слишком очевидный. Решения настолько неэлегантные, что их простота резала глаза, а формулировки… нет, они были достаточно хороши и вполне удовлетворительны, но…

Семен впился глазами в коллегу, будто на ней был написан ответ на его немой вопрос: он же просто издевается, да? Это же все показуха, детская истерика «пожалейте меня, мне так плохо», чертова королева драмы. Ведь да?

Ал внимательно смотрел на паука.

Потому что, если ты не можешь приносить нормальную пользу, приноси хоть какую-нибудь. Не можешь идти – ляг и ползи в сторону пользы, как говорится. Скройся с глаз, чтобы не портить рабочий пейзаж своим унылым видом. А он еще позволил себе спихнуть работу на другого. Молодец,

нечего сказать. Надо хотя бы убрать пыль и систематизировать папки, и…

Когда боль становится привычкой, вы замечаете только моменты, когда она исчезает, или становится невыносимой. Первое – оглушающая тишина, второе – нарастающий рев сверхзвукового двигателя. И то и другое малоприятно, потому что израненный слух чутко реагирует на малейших шорох.

Источник шороха в углу взаимно смотрел на Ала всеми шестью глазами. Но вот что странно: в архиве нет окон, даже кактус на подоконнике немилосердно подох. А кого ты ешь, пушистое создание? Никого съедобно него: ни мух, ни моли, ни личинок… Глава офиса протянул руку, приглашая паука залезть на нее, крохотное создание уставилось на главу офиса со всем животным недоумением и отползло подальше на всякий случай.

– Да, извини, – Ал тут же убрал ладонь. – Ты – паук. Это хорошо. Давай наведем порядок.

Гости в сиреневых дождевиках столпились на входе, Ал вышел их встретить, но прежде, чем он не успел он открыть рот, как влез Семен.

– Простите у главы офиса сильный ларингит и *его врач* строго настрого запретил напрягать связки – слишком большой риск лишиться голоса. Но я буду вашим коммуникатором.

Ал покачал головой и уступил Семену свое кресло в кабинете повинуясь не столько усталости, сколько мстительному любопытству, а сам стал у стены, скрестив руки на груди. Ну-ну. Семен хотел быть начальником, Семен получил такую возможность.

И, кстати, очень неплохо справлялся, ему даже к лицу был этот стол, но все-таки в итоге посыпался. А кто бы не посыпался, спросите вы, если вместо приличных гостей, которым требуется помощь, к вам придут питающиеся вашими эмоциями твари. Ал бы тоже купился, не имей подобных знакомых. Семен несколько раз раздраженно повел плечом, твари начали хищно облизываться и подползать все ближе.

«Довольно,» – решил глава офиса, подошел к Семену со спины и мягко коснулся ладони, перехватывая ручку, тут же черкнул на листке одно слово, которое Семен тут же увидел и перевернул лист. Вернулся назад к стене.

– Мы вынуждены вам отказать, – твердо сказал Семен. – Ваше дело находится вне полномочий нашего ведомства. Всего доброго, – они попрощались, и гость на прощание протянул лапу. Если бы Ал не отупел за последние дни, он бы успел. Или хотя бы сообразил.

Гости поспешно убегали, а Семен заворожено смотрел, как на ладони наливаются волдыри. Ал тут же метнулся за аптечкой.

– Достань вон эту фиолетовую мазь, пожалуйста – поморщился Семен, – что ж оно так горит…

– Сейчас... – Ал уже поспешно делал мягкий тампон для обработки… – сейчас будет полегче.

Семен поморщился от мягкого касания и искренне выругался:

– Какая все-таки дрянь!

Ал обернулся на движение рядом:

– Марьяна, у нас ЧП.

– Бланк а 37?

– Не надо, – взмолился Семен. – Я не буду подавать жалобу

Ал тут же поднял голову, и, кажется, его глаза нехорошо блеснули в свете лампы.

– Ты имеешь полное право.

– Ой, а потом эти проверки прилетят, – честнейшим образом фыркнул Семен. – Нет, спасибо, не хочу. Мне и так головной боли хватает.

– Я не согласен

– Ал, – твердо сказала Марьяна. – Семен прав. Тебя снимут, если он пожалуется.

– Сейчас это. по крайней мере, будет справедливо, – моментально завелся Ал, – в отличие от Альфа Центавры здесь я действительно виноват. Я допустил ситуацию и не успел отреагировать.

Глава офиса неожиданно взглянул на Семена в упор:

– Так почему не сейчас? Ведь вот он, идеальный момент, даже ничего делать не надо – я сам подставился. Что изме-

нилось?

Семен тут же ощетинился:

– Я считаю ниже своего достоинства – добивать упавших.

– Ах, так у нас есть достоинство. Как интересно. Оно куда-то отходило, когда ты докладную по Альфа Центавре писал? Или это было коллективное сочинение?

Ваар молча наблюдала со стороны: наконец-то в офисе хоть что-то происходило правильно. Хорошая драка отлично справляется с налаживанием отношений. Давно пора.

– Ну, а давай, врежь мне, – попер напролом Семен. – Ты ж у нас весь такой правильный, такой принципиальный.

– Обойдешься, – в тон ему ответил Ал и тут же оскалился. – Я тоже не добиваю упавших.

В напряженной обстановке раздался треск, Ал с удивлением посмотрел на свою руку – оказывается, в ней был карандаш, осколки которого теперь торчали из пальцев.

– Я на минуту, – буднично сказал он и вышел, как будто они только что обсуждали очередную неприятность.

Пока начальник пытался выковырять куски древесины из пальца, Семен размышлял о жизни и активно махал кистью, чтобы хоть немого остудить ладонь, пока лекарство подействует, и где-то в глубине души надеялся, что рука оторвется, отлетит куда-нибудь и хотя бы в силу этого перестанет так болеть. «Тыжврач» только усугубляло ситуацию, потому что как врач он знал, что от этого яда местные средства не по-

могут. Как бы ничего смертельного, просто потерпеть пару суток, просто бесконечные невыносимые пару суток… Еще и этот тут.

– Значит так, – твердо сказала Марьяна, обращаясь к вошедшему Алу. – Ты не будешь спорить, что я – секретарь, засвидетельствовавший ЧП. Семен, ты отказался от официальной жалобы.

– Да.

– Это не был вопрос. Александр Валерьевич, вы в этом ЧП признаетесь заинтересованной стороной, поэтому ваш голос я лишаю веса в голосовании. Следовательно, мной единолично принимается решение отказать этому происшествию в дальнейшем рассмотрении. Вопросы?

– Есть – плохо скрывая раздражение сказал Ал и окинул коллег взглядом. – Почему? Мне не нужно снисхождение.

«Sei gerecht»

– Вот именно поэтому, – отрезала Марьяна, не соизволив уточнить, что она имеет в виду. – Вопрос закрыт.

Ал бросил непонимающий, почти гневный взгляд на Семена:

– Я согласен с марьяной – просто сказал семен, опустив глаза.

Как интересно. Какие все *хорошие*.

– Я решительно не согласен с вами, – голоса Ала звучал так, будто ему, напротив, выдвинули официальное обвинение, – если я в чем-то и виноват, так в сегодняшнем прома-

хе. Но, из уважения к процедуре, я подчинюсь вашему решению, хотя и не понимаю его.

– Спасибо, – так же церемонно откликнулась Марьяна и вернулась к работе.

Ал посмотрел на страдающего Семена, у которого даже закончились силы размахивать рукой, и снова принес аптечку:

– Нужно обработать. Несколько раз, пока станет легче.

Тоже мне, специалист великий выискался, поморщился Семен, и его тут же его осенило:

– Что, отыграться хочешь, да?

Ал посмотрел с нескрываемым непониманием:

– Ты дур… думаешь, что я могу воспользоваться ситуацией, чтобы сделать тебе хуже?

– Любой бы так сделал.

Ал на мгновение настолько опешил, что забыл о своем праведном гневе, и выдал первое, что пришло в голову и казалось уместным:

– Спасибо за предложение. Я подумаю над этим.

Сложность в том, что обработать волдыри Семен мог бы и сам, необходимость использовать левую руку никогда его не смущала. Но есть такие вещи, которые чрезвычайно сложно, почти невозможно сделать самому – так одна мысль о необходимости коснуться волдырей смоченным в растворе мягким тампоном повергала Семена в ужас. Головой он прекрасно понимал, что нужно просто перешагнуть через этот

ужас, просто взять и сделать, а потом станет легче, но он просто не мог.

Марьяна напряженно наблюдала за руками Ала: в конце концов глава офиса всего лишь… не-ваар, а следовательно никакие слабости ему не чужды, включая желание хорошенько проучить предателя, – это легко считывалось по напряженным скулам и отрывистыми жестами, хотя он пытался скрывать. От всех или от себя тоже? А, нет, все-таки заставил инстинктивное желание побольнее укусить в ответ превратиться в аккуратные почти заботливые касания, и это только сильнее подчеркивая конфликт естественного и выученного. Ладно, вааров учат и не такому, но, чтобы кто-то настолько выдрессировал человека?..

К сожалению, это помогло ненадолго. Ал попытался вернуться к работе, но Семен, суетливо возившийся на диване, не мог усидеть на месте, не мог читать, не мог думать ни о чем другом, потому что жжение буквально царапало черепную коробку изнутри.

– Марьяна, wir machen das Schluss heute… I mean…

Слова-слова-слова разноцветные мячики-попрыгунчики.

– Вы будете против, если мы с Семеном закончим? – Наконец собрал их Ал. – Я прослежу за ним. Если буду нужен – звоните сразу, хорошо?

– Конечно, – серьезно сказала Марьяна, которая с радостью вернула бы гостя назад и отрезала бы ему руку, если бы

это могло хоть немного смягчить боль мающегося Семена.

Ал захватил куртку Семена и подошел к унылому телу:

– Пойдем.

– Куда? – пронил Семен, не желая лишний раз шевелиться.

– Пойдем-пойдем, такси уже ждет.

– Ты все-таки решил меня убить. Как мило с твоей стороны. Но имей в виду, твой план – полная ерунда, потому что Марьяна остается свидетелем как ты куда-то меня уволок. Да, Марьяна?

– Конечно, – в тон ему откликнулась девушка. – Я обязательно принесу цветы к твоей безымянной могиле в лесу.

– Вот всегда знал, что на тебя можно положиться, – пробормотал Семен, которому к этому моменту было уже плевать на все. – Кстати, ты мог бы и не пали… не выдавать, что уже знаком с гостями. Если бы не сказал, что ты виноват, никто бы и не подумал…

– Мне достаточно, что *я* знаю, что я виноват, – холодно заметил Ал, явно не желавший возвращаться к теме, но Семену нужно было говорить, чтобы хоть немного отвлечься.

– А с тобой тоже вот так поздоровались, да?

– Лучше. – Ал намеренно повесил интригующую паузу. – Меня обняли на прощание.

Семен попытался представить, и ему тут же подурнело.

– Это как же ты их настолько выбесил…

– Что, замахиваешься повторить безрассудство?

Семен отчаянно замахал головой:

– Нет уж, грасиас, вашего нам не надо. А мы вообще куда? Я живу в другой стороне.

– За помидорами, – суеверно заметил глава офиса, но Семен всерьез ухватился за возможность переполошиться:

– Ал, я серьезно. Больше всего на свете я хотел бы сейчас попасть домой.

– Вот и попадешь.

– Если ты не услышал – мне сюда не надо, мне в другую сторону, – уже без шуток запаниковал Семен. Ал устало посмотрел на него:

– Ко мне домой. Я не знаю, есть ли у тебя все necessary… нужное в смысле необходимое. А разбираться в чужой квартире у меня просто нет сил.

Семен кивнул и сделал вид, что понял. Ал тяжело вздохнул:

– Прости, пожалуйста, но я тебе отвар от этой дряни сейчас не воспроизведу вообще никак, там больше двадцати компонентов. А дома у меня завалялись остатки с моего прошлого трепетного знакомства.

– Угу, – недовольно заметил Семен. Снова этот всякую ерунду придумывает. Вот сто процентов сейчас какую-то пакость устроит…

В квартире пахло кофе и медом.

Оставив Семена облачаться в тапочки, Ал быстро прошел

в спальню и первым делом постелил свежую простынь:

– Я же в грязном…

– Плевать, – отмахнулся Ал.

– Плевать, – неожиданно согласился Семен и забрался на кровать. Огромную кровать с очень хорошим матрасом и приятно пахнущим постельным. Ал тут же положил в ноги стопку мягких одеял, но тут же спохватился и раскинул их так, чтобы было достаточно просто натянуть на себя.

– Я просто бесчеловечно туплю, – вдруг просто заметил глава офиса. –Сейчас сделаю отвар и обработаем руку нормально

На кухне что-то негромко зашумело. Потом плюхнулось с верхней полки. Семен блаженно устроился под мягкой горкой одеял, и это было почти приятно, если бы лишенный внешних стимулов мозг не сосредоточился бы полностью на одной ладони. Ох. Хорошо, что Ал наконец-то принес небольшую миску с растворенным… чем-то. Травы? Серная кислота? о небо, как же плевать, когда оно так горит.

– Опускай аккуратно. Это ромашка… не-ромашка и еще пара десятков трав…

О, лентяюга, ты даже не смог запомнить пару десятков названий. Слабак.

Семен решительно сунул руку в воду, заставив Ала удивиться: нет, он, конечно, проверил температуру воды, причем локтем, причем дважды на случай погрешности восприятия, но тем не менее, доверять кому-то настолько…

В дверь позвонили.

– Лимонный сок! – как можно радостнее объявил Ал, входя с пакетом.

– Какая гадость! – поморщился Семен с не меньшим энтузиазмом.

– Можно разбавить с водой. Я, собственно, так и пил. А если добавить эти…лёдики… то почти коктейль.

Лёдики, кстати, были в виде рыбок. А чашки Ал выбрал из разноцветного прозрачного стекла, почти кусочки витража. Одним словом, прощай репутация грозного руководителя. Ал, нахмурившись, проверил температуру сока, потому что еще больного горла здесь не хватало, и бесцеремонно долил воды комнатной температуры.

После половины пачки лимонного сока и третьей обработки ладони, Семен стал похож на себя: его живо заинтересовала комната, и пользуясь тем, что Ал, извинившись, взял одежду и наконец-то улучил минутку и пошел переодеться в ванную, Семен беззастенчиво изучал обстановку вокруг себя.

Из жилища Ала выходила вполне приличная Ding an sich. Хотя не очень ожидаемая, конечно. Квартира, вопреки ожиданиям, оказалась не минималистичной, а очень даже населенной разными вещами, хаотичность которых намекала на четко выверенную, просто неочевидную систему.

Кстати, зачем Ал ходил переодеваться, неизвестно, пото-

му что вернулся он опять в рубашке, но на этот раз из мягкой ткани и свободного кроя, и таких же мягких штанах. Для образа зануды, однако, ему не хватало прилизанных волос: его волосы аккуратно торчали – ладно, такое может быть только у Ала – во все стороны.

– Ал, а можно спросить?

– Да, можешь посмотреть. Только осторожно, ладно?

Ал сидел на краю кровати, пил воду и напоминал себе о предписаниях этикета по приему гостей.

«Подумаешь, как будто я обязательно что-то сломаю» – мысленно проворчал Семен.

– Уххх, а это твои фигурки, да? А кинжалы? О, коллекция открыток. Ха, серьезно, стеклянные звездочки??

– Нет, ограбил соседа по случаю, – без тени иронии ответил Ал. Семен успешно пренебрег информацией, предпочитая этому более весомый источник удовлетворения любопытства: книжные полки.

– О, у тебя и это есть. Так, а зачем тебе древнеегипетский? Какая странная штука, а что она делает? А вот это, кстати, глупая книга, я ее читал…

– Семен.

Этикет, например, запрещает орать на гостей.

– А?

– Имей совесть. Ты не в музее.

Семен пожал плечами: тоже мне проблему нашел. Какие

вообще могут быть проблемы, когда вокруг столько всего интересного, и только кинжалов четыре, а они такие узорчатые, один элегантно загнут на восточный манер. Вот бы еще это все потрогать…

– И нам пора спать.

– Вообще-то я есть хочу, – капризно заныл Семен. – Я пошуршу на кухне?

– В вашем распоряжении, – галантно заметил Ал, не открывая глаз.

На кухне что-то грюкнуло, раздалось «уххх ты» и «ооохххё», потом что-то еще раз упало, пискнул холодильник, что-то зашуршало и упало опять.

Опять же, этикет запрещает бить гостей. Возможно, зря.

Ал сидел с закрытыми глазами, полагая что спасение коллекционного набора ножей того не стоит. Потом вспомнил что резать хлеб одной рукой очень неудобно и можно порезаться, тут же ощутил укол совести, но уставшее тело сказало «хлеб можно ломать». Когда сытый Семен благородно вернулся с едой для Ала, последний уже практически засыпал сидя.

– Действительно пора спать, – негромко заметил Семен и растеряно замер, потому что на кровати чего-то не хватало. Ал героически добрался до шкафа, вытащил подушку:

– Гостевая. Прошу

– А ты?

– Я все равно собирался поработать, – Ал явно намеревался просидеть всю ночь с ноутбуком

Ну-ну, подумал Семен, насколько же тебя хватит.

Хватило почти до двух ночи, когда неожиданно закончился воздух: ладонь горела как будто ее сунули в горячую печь и несколько секунд Семен не мог понять вообще на каком свете находится. Возможно, вот так и выглядит его личный ад: бесконечно раскаленный, душный и… может, если содрать кожу, станет полегче.

Кто-то мягко перехватил ладони и попытался вернуть в реальность:

– Семен… Семен… сейчас обработаю и станет легче.

Семен попытался разлепить глаза: точно ад, в приличное место его шефа не пустили бы. Да и Семена в общем-то тоже. Что-то холодное коснулось ладони и заставило вздрогнуть, потом ладонь опустили в прохладную воду – и это было почти приятно. Семен виновато взглянул на Ала, который выглядел кощунственно измотанным, но при этом действовал четко и аккуратно.

– Ты вообще спал? – Семен постарался отвлечь внимание от себя.

– Дремал, – честно соврал ал.

– А с какой это стати? – тут же начал придираться Семен, которому больше всего на свете не хотелось засыпать обратно – вдруг ад снова караулит его на границы яви и сна?

– Я не могу спать, если рядом есть посторонние, – пожал плечами Ал и посмотрел на ладонь Семена с внимательностью опытного хироманта, – просто нет фазы глубокого сна, только быстрый сон в которой…в котором меня может разбудить звук, свет, шаг в комнате, чужое дыхание, – что угодно… С рукой получше. Сейчас обработаю еще раз и сможешь нормально поспать.

Семен снова улегся и Ал, судя по шуршанию одеяла, тоже. Любопытный коллега осторожно обернулся и не пожалел: с противоположной стороны кровати на самом краю лежала завернутая в одеяло гусеница, подоткнувшая край одеяла под голову. На затылке виднелась резинка от маски для сна.

Во второй раз уже был не ад, а конструкторская фабрика и острые иглы, механизма, проверить которые Семену хватило ума касанием – он так сильно дернулся во сне, что проснулся наяву. Одеяльная гусеница отреагировала на движение, правда, куда медленнее чем ей хотелось бы: Ал, почти не открывая глаз обработал ладонь, даже не заметив, что проснувшийся Семен вообще-то был уже вполне дееспособен, и тут же торопливо завернулся в гусеницу обратно.

Когда Семен проснулся в третий раз, в комнате было светло и спокойно. на столе лежали ключи с запиской «я в офисе, закрой пожалуйста дверь». Сердце семена подпрыгнуло от восторга: можно устроить обыск! Но, к сожалению, устроить

обыск в квартире ближнего своего исключительно ради удовлетворения любопытства оказывается невозможным, если у тебя есть совесть. Не без удивления Семен обнаружил остатки совести на донышке своей души, поэтому ограничился беглым открыванием всего и заглядыванием внутрь, и, все равно, это ощущалось грубым вторжением.

Чертов Ал, разнес свою заразу деликатности по всему офису, не отмоешься.

Семен потрогал рубашки Ала, перенюхал парфюмы, потрогал шершавую пластиковую миску в шкафчике на кухне: рыжая пластмасса выглядела настолько неуместно, как кирзовые сапоги в «Лебедином озере».

Казалось, в квартире жило две человека, которые как-то поделили полки между собой, потому что одни на одних был идеальный порядок и минимализм, другие были хаотичны и цветасты. Но Ал точно жил один, все жилое пространство было подогнано под одного человека, даже если это местами противоречило здравому смыслу, как тарелка с вилкой в прикроватной тумбочке и дурацкий значок с ежиком на блэкаут-шторе.

А, точно, рука. волдыри еще были заметны и тихонько ныли, но если на что-то отвлекаться, то это почти не беспокоило. «Я не лезу в чужую жизнь, я просто стараюсь отвлечь себя от боли», – попытался договориться с совестью Семен. Совесть укоризненно промолчала, потому что была в доле.

Марьяна встретила Семена широкой улыбкой: что ни говорите, а всегда приятно вернуться куда-то, где твое появление вызывает такую реакцию. Ал присоединиться к радости не мог, потому что гость из бледных методично и целенаправленно выносил ему мозг с «неустановленный объект в неопределенных обстоятельствах предпринял неизвестно что, но вы должны разобраться». Ал столь же методично и со ссылками на регламенты отвечал, что запрос может быть принят в обработку только при наличии минимум трех информационных базисов из четырех, следовательно, ситуация не может разрешиться ничем иным, как отказом.

Нет, вы не подумайте. Если бы в офис пришел кто-то, кому действительно нужна помощь, регламенты тут же отправились бы к пауку, а Ал первым мы отправился выяснять информацию своим любимым методом научного тыка. Но это был бледный – тонкий долговязый тип с холодными длинными пальцами. Любимая забава у этого народа – развязывать шнурки в метро в час пик и затягивать гордиевы узлы на пакетах, а бледные – перевод самоназвания народа, которое в их языке еще означает «умелопалые».

Наконец, гость вышел в приемную, тщетно пытаясь спорить, Ал медленно, но уверенно вел гостя к выходу, Марьяна несла свежезаваренный чай в качестве гуманитарной помощи жертве больничного. И в то мгновение, когда секретарь поравнялась с гостем, бледный взмахнул рукой и выбил чашку из рук. Вода, кипевшая минуту назад, вылилась на платье.

Бледный довольно оскалился и с вызовом посмотрел на Ала.

Обычно бессонные ночи приводят к тому, что главе офиса попросту лень ругаться: он автоматически переходит в режим сохранения энергии, потому что и так сил нет, зачем еще спорить, выяснять, дискутировать. Это привело к массовому заблуждению «это характер такой».

Ал оборвал фразу на полуслове:

– Семен?

И уже добавил гостью:

– Вон отсюда.

Бледный пробормотал что-то несвязное,

что-то продолжил бормотать в той же парадигме

– Я сказал вон. Вам отказано в сотрудничестве, – чуть повысил голос Ал, и он буквально за шиворот выволок гостя: – Позвольте же вам объяснить как не должно себя вести джентльмену.

– Интересно, после того, что ты сделал с этим типом – нас теперь разгонят или дадут медаль за оборону офиса?

– Вот нас с тобой, Семен, обязательно разгонят, а медаль достанется Марьяне.

Коллеги взглянули на Ала с единодушным недоумением:

– Что? – точно так же уставился в ответ глава офиса. – Я пригрозил разрывом всех дипломатических связей по его милости, а также сообщил кое-куда, и если этот гость и рискнет явиться снова, то будет безукоризненно вежлив и галан-

тен. По крайней мере по отношении к дамам. – Отголоски ярости в голосе постепенно сошли на нет до дежурной светской интонации.

Семену, конечно, позарез нужно было знать «сообщить кое-куда» – это в нос или под дых, но полезть с расспросами прямо сейчас – значит отхватить за компанию, поэтому он поспешил отчитаться:

– Серьезного ожога нет, покраснение обработал. Кстати, а откуда у нас вообще взялось распечатанное противоожоговое?

Глава офиса поспешно пожал плечами, мол, да как-то по случаю само появилось. Марьяна, несмотря на все свои протесты, сидела в широкой толстовке и штанах, Семен в тайне любовался ей как произведением искусства. Нарушение привычного шаблона освежило его восприятие и заставило его признать очевидное: Марьяна была очень красивой девушкой.

– Спасибо, Семен. А вы, Марьяна, можете быть свободны на сегодня.

– Но почему? – тут же возмутилась девушка. – Я в порядке и могу продолжать выполнять свои обязанности. Если вы про дресс-код – то я сейчас переоденусь…

Семен моментально взглянул на Ала со всей суровостью: «если она переоденется, то конец тебе». Глава офиса нахмурился и тут же обозвал себя болваном. Нашел кого освободить от обязанностей. Ваара.

– Я имел в виду, что вы можете воспользоваться передышкой, – примирительно сказал Ал. – На улице весьма неплохая погода, а у нас нет никаких срочных отчетов. Пожалуйста. Мне не так часто выпадает возможность дать сотрудникам передышку.

Что-то во взгляде главы офиса заставило Марьяну радостно кивнуть:

– Хорошо.

Ал с Семеном тихо разбирали текущие дела, как появился еще один гость. Гостья. Зрелая женщина невысокого роста с выправкой смотрительницы музея.

– Я к вам по вопросу правых рук, – заявила она, едва сев в кресло для гостей. Семен нервно хихикнул.

– Простите нас, – сказал Ал, хотя его от истеричного хихиканье «о нет, опять» удерживало только колоссальное самообладание, нормы приличий и старательное избегание взгляда Семена. – Расскажите, пожалуйста, что у вас случилось – и мы обязательно постараемся вам помочь.

– Конечно, вы мне поможете. – сурово сказала гостья. – Дело в том, что правых рук слишком много!

Глава 9 Астра

Кто держал в руках огонь
Знает, как светло и ярко.
Кошка Сашка «Огонь»

Так случается постоянно: что посеешь, то и пожнешь.
Чароит «Герой второго плана»

– Ал, я хотела спросить, – Марьяна широким жестом сбила со стола что-то, чего там никогда не было. Ал поднял на девушку пугающе бесцветные глаза, равнодушно взглянул на пол, поднялся с места, и, присев, поднял яркий оранжево-зеленый кусок. Живой!! Положил обратно на край стола, оставив на полу в лужице воды лежать небольшую стеклянную стопку, из тех, что стоят в сервантах до самой смерти. Ал окончательно сошел с ума и ограбил чью-то квартиру?

– Да?

– Это что?! – напряженно поинтересовалась Марьяна. Ал задумался, пытаясь вспомнить. Ах, да.

– Бархатцы. Они безвредны.

– Семен! – Марьяна в ярости была одновременно и прекрасна и пугающа, почти валькирия. Слабонервных просим

запастись валерьянкой и покинуть помещение цирка, в который превратился полудохлый офис. – Я хочу знать, откуда он берет этих мерзких тварей.

– Полагаю, занимается вандализмом и обворовывает клумбы, – без тени улыбки заметил Семен, которого сложившаяся ситуация тоже несколько утомила. Как будто на прошлую вспышку внимания и заботы Ал потратил последние силы и теперь снова вернулся во мрак. Да, боль и память обычно накатывают волнами, утаскивая зазевавшегося с берега, волоча его по острым выступам камней, разрезая ракушками кожу, забивая рот и уши песком, разъедая глаза солью. А потом потрепанную тушку снова выносит на берег, где раны сохнут под палящим солнцем, а стянутая от морской воды кожа лопается от малейшего движения.

– Где? Откуда? Сколько их? Их можно достать в определенных местах или повсюду? Их можно уничтожить? Сколько они еще будут цвети? В вашей культуре они что-то значат, да? Что-то нехорошее?

– Марьяна, я не эксперт в ботанике. Ничего они не значат, наверное. У нас по крайней мере. В Мексике ими часто украшают что-то там на День всех мертвых, но это у них…

– Ненавижу, – холодно резюмировала Марьяна и поспешила успокоить Семена, который уже был готов оправдываться за свое прискорбное отсутствие интереса к ботанике. – Этих гнилостных тварей.

Как только цветок начал вянуть, секретарь тут же уличи-

ла момент и выбросила его в урну, предварительно растерзав на крохотные, едва заметные клочки. Мерзкие поганые вонючие цветы.

Кажется, Ал не обращал внимания ни на что, кроме них: глава офиса говорил исключительно коротко и по делу, с безупречной почти церемониальной вежливостью. Не то, чтобы коллеги претендовали на внимание своего начальника, но… Ал – это тот человек, которому нужно все, всегда и постоянно, жадный до информации, любопытный до невозможности и внимательный до желания ему врезать. Когда такой человек сделает шаг в сторону, и вы окажетесь вне его внимания, вы это непременно почувствуете – как будто вместо солнца вам предложили настольную лампу.

Невыносимая вежливость главы офиса тоже раздражала коллег. Ты хочешь найти человека, а натыкаешься на бетонную стену его номинального присутствия в диалоге. Похвала отскакивала, как мячик-попрыгунчик. Замечание о небольшом промахе, въедалось как кровь в деревянный пол. Нет смысла ломиться, никто не откроет дверь в стене, но не потому, что двери нет, она есть, правда нарисованная мелом, формальная, но и она могла бы сработать, если бы по ту сторону молчания кто-то был. Но там никого. Душа ушла скитаться по ночлежкам и притонам, не соизволив объясниться.

Есть скорбь, сокрытая так глубоко, что ее невозможно увидеть, если не знаешь, куда смотреть, но, как и запах бар-

хатцев, ее гнойный дух пронизывал все вокруг.

Возможно, именно запах скорби и отпугивал неприятности от их офиса. Случись чье-то «помогите» поблизости, Ал бы усилием воли переключился с внутреннего мира на внешний, расцарапал бы нос в хорошей драке, поцапался бы с Семеном, у которого точно так же есть свое собственное мнение насчет всего, и оно всегда диаметрально противоположно мнению начальства (из принципа, конечно же), но нет. Офис вяз в тишине все глубже и глубже, и даже паук в архиве все чаще просто спал, забившись в угол.

– Что это?

Семен с удивлением взял в руки аккуратный конверт, Марьяна настороженно заглянула внутрь такого же.

– Зарплата, – дежурным тоном сказал Ал.

– Что-то я не помню, чтобы нам платили в конвертах, – тут же нахмурился Семен.

– А у нас бухгалтерия сломалась, поэтому в этот раз вот так, – Ал очевидно врет, глядя в упор на Марьяну. – Премий, правда, нет в связи с последними разбирательствами, но я думаю, что в следующем зарплатном периоде это изменится. На этом все, благодарю за плодотворное сотрудничество.

– Он же врет, – сказал Марьяне Семен, когда глава офиса вернулся за свой стол.

– Не знаю, – уклончиво пожала плечами Марьяна, кото-

рая на днях заполняла зарплатную ведомость и своими же руками ставила прочерки напротив себя, Семена и Бориса – «в связи с тяжелым взысканием, наложенным на офис».

Семен решил не сдаваться. Нет, если вы подумали, что Семен согласится с этим упадничеством, то вы просто его плохо знаете. Случайно заглянувший гость с крохотной неприятностью – пропавший из холодильника кусочек сыра – заставил Семена жизнерадостно носиться с кипой бумаг и полусотней теорий, что могло случиться с сыром.

– Он расстроен? – Марьяна, которая принесла Алу на подписание бумаги, только пожала плечами. Глава офиса всмотрелся в шумную фигуру Семена в приемной и тут же отвел взгляд.

– Значит расстроен, – сам себе ответил Ал и провел ладонью по затылку. Нужно было бы выйти из кабинета, узнать, что вообще там происходит, возможно, вмешаться, пока Семен от радости не лопнул, и от нагрузки тоже, но уже одна мысль о таком большом походе утомляла до невозможности. Да и зачем влезать в чужое дело, если уныние Семена могло и показаться, тем более что объективные факты свидетельствовали об обратном: Семен бодр, весел и полон энергии. А ноющую смутное ощущение к делу не пришьешь.

Когда шум от Семена больно бил по вискам, Ал ретировался в архив с неизменным «о, паук!». Возможно, пауку это

и льстило, но тот благоразумно помалкивал. Сначала Ал попытался научить паука свистеть, потому что так вычитал в одной книжке в детстве. Потом они попробовали играть в крестики-нолики, но, во-первых, Ал играл крайне плохо, как и во все остальное. А во-вторых, когда поражение паука становилось неизбежным, тот плюхался на начерченное в пыли поле и становился жирным нулем, который победить было невозможно. Ал тут же галантно капитулировал.

Нет, вы не подумайте, глава офиса не просто бездельничал в архиве – хотя сейчас, даже улягся он спать на столе среди папок, даже обыкновенно бесчувственный Семен не сказал бы ему и слова. Повинуясь чистому упрямству, Ал постепенно разобрал почти все папки, переделал систему их хранения в более логичную, банально пыль протер. Откуда берется столько пыли, как будто нарастает каждый день заново, Ал задуматься не успел, потому что в приемной раздался всхлип. Как всегда, у стратега и планировщика сначала отреагировало тело, а только потом включилась голова.

На пороге офиса сидел птенец.

– Вашу…

– Семен, не при детях! – неожиданно резко сказал Ал. Птенец был размером с кошку, голая красноватая кожа была покрыта торчащим пухом. Несчастное существо дрожало всем телом и испуганно жалось к опустившемуся на колени главе офиса.

Подкидыш.

Семен тут же шагнул вперед, не сомневаясь, что его помощь как врача может пригодиться в этой ситуации, ведь едва ли Ал знает, как обращаться с детьми, может птенец травмирован или обморожен…

– Отойди!

Семен растерянно замер, не решаясь сдвинуться с места.

– Семен, ты меня услышал. Отойди!

Ал говорил тоном, не терпящих препирательств. Конечно, был минутный соблазн проверить, насколько далеко может зайти Ал, но вмешалась неподвижно стоящая Марьяна, которая, наконец, сумела завороженно прошептать:

– Семен… Я и не думала, что они существуют!..

– Да кто, они! – психанул Семен. – Тут птенца нужно согреть и накормить, этот еще уселся на сквозняке на пороге. Вы тут рехнулись что ли все?

– Ты никогда не слышал легенду о птице Ысу? – глава офиса продолжал сидеть спиной, но его голос все равно предательски дрогнул.

– Нет, – зло ответил Семен. – Лично меня орнитология никогда не интересовала.

– Мифология, судя во всему, тоже, – горько ответил Ал. Было невозможно понять, что он делает: глава офиса ужасно ссутулился, будто пытался прикрыть собой крохотное тело на руках. – Марьяна, пожалуйста.

Девушка, которая почти не шелохнулась за все время, глу-

боко вдохнула:

– Я удивлена, что эту легенду знаешь ты, Ал. Сколько тебе было лет?

Ал благоразумно проигнорировал вопрос и перебил уже подготовившегося к возмущениям Семена. Казалось, он обращался не к коллегам, а убаюкивал птенца, рассказывая тому сказку на ночь.

– Есть такая легенда – о прекрасной птице Ысу, которая светлее дня и темнее ночи. Огромные как горы, синие, как грозовое небо разрезанное кнутом молний, эти птицы рождаются уже взрослыми, и всю свою жизнь растут обратно, постепенно становясь сперва юной птицей, потом совсем крохотным птенцом. И когда птица снова готова стать яйцом, она выходит к людям. Точнее, к человеку. Тому самому человеку, который… – Ал вдохнул и заговорил неожиданно твердо: – Мне было три месяца, Марьяна. Я помню только большую тень, заслонившую включенную лампу и полностью занявшую дверной проем. Конечно, я испугался, и этот страх разделил мир на было и стало. Семен, чтобы было понятнее: представь, что ты часть мира, и мир в тебе, и ты в нем, и вещи не отделены от своих имен – а потом ты резко оказываешься в мире, где вещи и имена существуют раздельно, а язык кажется насилием над смыслом. Птицы Ысу живое воплощение этого принципа, у них нет языка в нашем понимании, они реагируют только на касание и тепло.

Семен стал на цыпочки, пытаясь заглянуть за спину Ала.

– Ал, ты не сказал главного.

Глава офиса задумался.

– Видеть птицу Ысу плохая примета. Очень плохая примета, – и как бы между прочим добавил. – Я видел трижды.

Марьяна наконец шагнула от стены и беззвучно опустилась на стул стиснув голову руками, будто пытаясь сдержать стон. Семен непонимающе водил головой, смотря то на окончательно спятившее начальство, то на коллегу, которую он полагал самой вменяемой из всех живых существ. Астрологи объявили день дверей для массового помешательства, что ли?

– Есть и вторая легенда, – будто между делом добавил Ал. – Когда птица Ысу показывается человеку впервые, между ними зарождается связь, которая тем крепче, чем чаще они видятся. Но самым сильным считается прикосновение к птице, такая связь становится нерушимой.

– Прекрасно, – решительно встрял Семен. – Просто замечательно. Я так полагаю, что это твоя птица, теперь нам нужно дождаться, пока она станет обратно яйцом, и на этом все, да? Да ведь?

Марьяна наконец убрала руки от лица:

– Считается, что ни в коем случае что бы ни случилось нельзя касаться своей птицы Ысу, потому что из-за нерушимости связи в момент ее… обратного рождения, связанный с ней человек тоже… в некотором смысле переродится.

– Я ничего не понял, – честно сказал Семен. – Ал погладил

птенца и теперь из-за этого умрет?

Ал мягко рассмеялся:

– Нет, в легендах про смерть не было ни слова, только про «перерождение», чем бы оно ни было.

– Ал, а ты не мог головой подумать, прежде чем лапать незнакомую х…хорошую вещь?

– Во-первых, ты сам был готов лапать эту «хорошую вещь» вместе со мной. А во-вторых, к своему человеку птенец Ысу возвращается за помощью. Считается, что существующая между ними связь поможет малышу спокойно уснуть… *обратно*. Кстати, человеку, который отказался помогать птенцу Ысу, легенды сулят еще более страшные мучения, чем перерождение. Тем более, что я просто возвращаю долг. От колыбели до колыбели.

– Нет, Ал, ну вот ты не мог в каких-нибудь менее страшных легендах поучаствовать? – Семен нервозно расхаживал по приемной, лихорадочно пытаясь хоть что-то сообразить.

– Семен, я буду признателен, если ты перестанешь поднимать пыль и принесешь мне плед. Пожалуйста.

– А ты не хотел бы перебраться с птенцом на диван?

Марьяна хмыкнула.

– Он весит центнер. Даже если бы я мог его поднять, я бы не стал рисковать травмировать его крылья. Они сейчас особенно хрупкие – как ветки шиповника, только с округлыми шипами.

Один из пледов Семен вложил в вытянутую назад руку Ала, второй накинул ему на плечи. Конечно, Ал закрыл собой малыша так, что его было не рассмотреть.

– Минуточку, – напрягся Семен. – Если в нем сто кг, как он сидит у Ала на руках?

Ал глубоко вздохнул.

– Ал, не волнуйся, я ему куплю учебник по базовой мифологии.

– И проверишь усвоение материала, хорошо? Птенцы Ысу весят центнер, если их пытается поднять кто-то другой. Если птенец передвигается сам, его вес, в зависимости от этапа, варьируется от крупной собаки до мелкой кошки…

В офисе раздался грустный пронзительный всхлип, светлый и щемящий, будто ля бемоль второй октавы. В руках у Ала живое постепенно становилось все менее живым. Неизвестно, чувствовал ли что-то Ал, но постепенно он начал негромко нараспев что-то рассказывать. *В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла все травы да цветы и стало дивно на мосту смотреть в такую глубину в такую высоту несет меня лиса, за темные леса на порог скакала гостей созывала на форуме полей и в колоннаде рощи и чем я виноват…*

– Прощу прощения, – неожиданно сказал Ал. – Я совсем забыл сказать: вы можете быть свободны. Мы сейчас подвинемся, и мы сможете пройти…

– Сиди уже, – тут же отмахнулся Семен. – Нам и так есть чем заняться. Что?

Марьяна только покачала головой вместо ответа:

– Может, чаю? Или воды?

– Не хочу, – честно сказал Ал. – Спасибо.

Семен подумал, что нужно взять документы в руки. Начать читать, отвлечься, но уйти он почему-то не мог, хотя вот здесь в стопке бумаг Марьяны лежит спряжение неправильных глаголов в испанском, которое можно поучить, нужно только сконцентрироваться на eres, es, somos, son… А почему Марьяна ничего не делает? Марьяна заметила, что Семен недоуменно смотрит на нее и покачала ладонью, мол, все объяснения потом. Ал несколько раз прогнул спину назад: Семен тут же поморщился от боли. Если у Ала болит спина, то сидение на холодном в полу еще и в такой позе гарантировано обеспечит ему бессонную неде…Стоп, а перерождение? Они так и будут сидеть и ждать, пока что-то случится?

Он недоумевающе оглянулся: кажется, все звуки умерли, будто на съемочной площадке, и было решительно невозможно ничего сказать вслух, извлечь звук из гортани, резануть словом по этой обнаженной ткани. Даже бормотание главы офиса утихло.

Раздался едва слышный всхлип. Было неясно, кто его издал: птенец или сам Ал. Марьяна тут же встала придержать Семена, который уже хотел пойти во всем разобраться. Алу потребовалось время, чтобы повернуться и сказать:

– Ну вот и все.

В руках он держал отливающее голубым яйцо, размером со страусиное. Издалека казалось, что пятнышки на нем мерцают серебристым светом.

– Скорлупа… еще теплая… – только и смог сказать Ал и сцепил зубы, чтобы не разрыдаться взахлеб от горькой болючей вселенской обиды. От боли, разрывающей все внутри. От всепоглощающего чувства собственного бессилия. – Я отпущу на волю, – сказал он и поспешно вышел.

Семен знал, ему нужно пойти за Алом. Семен знал, что ему не нужно идти за Алом. Семен знал, что нужно как-то помочь. Семен знал, что ничем здесь не поможешь. Семен знал, что Ал справится и один. Семен знал, что *никто никогда не справляется. Один.*

Только теперь он понял, что из солидарности тоже просидел на полу, прислонившись спиной к стене, хотя можно было бы сесть на гостевые стулья напротив стола Марьяны, но это бы слишком *близко*.

Марьяна решилась встать из-за стола и порыться в шкафчике с коллекцией чая. Для начала нужно напоить чем-то горячим, даже против воли. А потом… потом видно будет.

Ал вернулся, не потому, что хотел. Ему бы сейчас уйти в холодную ночь, раствориться в этой до боли режущей темноте, стать бессмысленной частью мира хоть на какое-то время. Но он знал, что будут волноваться. Нужно сказать им, что все хорошо.

Войдя в офис, Ал старался не смотреть на лица коллег –

потому что он прекрасно знал, что на них увидит.

– Чтобы отпустить птенца Ысу, нужно разбить яйцо. И тогда в грозовых горах родится новая умудренная опытом птица Ысу, и проживет двадцать тысяч лет, а то и больше, прежде, чем снова станет птенцом. – Он взял в кабинете пальто и быстро взглянул на Марьяну, избегая останавливать внимание на Семене: – Мне нужно пройтись.

Марьяна коротко кивнула в ответ.

Теперь в офисе стало еще тише.

Семен суеверно шарахался от Ала, одновременно с этим сгорая от желания его растормошить. Суммарно это дало неподвижное сидение с отчетами. Марьяна, будучи вааром, дала максимум пространства и старалась не попадаться лишний раз на глаза и не донимать разговорами.

Тошнотворно пахло ржавыми цветами.

Пока поздно вечером в офис не ввалился Семен, искренне веря, что в такое время никого быть не может. Да, Ал всегда уходит последним, но в настолько позднее время офис уже должен быть пустым и мертвым. Ладно, мертвым он был теперь всегда, поэтому просто пустым, но это было лучше, чем пустая квартира, покрытая гнойниками воспоминаний. Здесь как-то от них проще отмахаться. В руках Семена была открытая бутылка коньяка, распитие которой началось еще на подходе к офису, в темноте дворов спального района, в

чащобе сиреневых кустов и в компании двух лавочек.

Глава офиса, увидев коллегу во всей красе, едва заметно скосил глаза на календарь и внимательно посмотрел на чуть ли не впервые растерявшегося Семена – судя по скорости реакции в бутылке немного осталось – и спокойно заметил:

– Ну, садись, раз пришел.

– Я не… – моментально нахмурился Семен, но тут же сел, лихорадочно соображая, что там по протоколу грозит за появление перед начальством в таком виде. – Я не думал, что кто-то будет…

– Не поверишь, я тоже не думал, – соврал Ал.

– Да ты никогда не… – Семен поспешил притормозить на всякий случай. Очень уж красочно Ал выставил того типа. – А знаешь, я должен тебе честно кое-что сказать.

– Слушаю, – Ал вежливо отложил бумаги, и, выйдя из-за стола, устало облокотился на него, крестив руки на груди.

– Ты – зануда, каких мир не видывал, ясно? – торжественно изрек Семен.

– Спасибо за информацию, – серьезно кивнул Ал. – Полезные сведения будут?

– Да пошел ты, – беззлобно пробормотал Семен. – Это нечестно. Я не могу с тобой спорить, ты запрещаешь ругаться… бранью.

– Ну что ты. Я не просто запрещаю ругаться бранными словами. Я запрещаю все эмоционально окрашенные вульгарные высказывания, и «пошел ты» – одно из них.

– Говорю же, что ты зануда… – неуютно поежился Семен, сделал глоток из бутылки, потом задумался, вспомнил правила этикета и протянул Алу. Тот мягко забрал бутылку:

– Ложись спать. Нас завтра с утра ждет куча работы.

– Да ну, ты чего…

– А ничего. Ляжешь сейчас – с утра тебя будет ждать стакан воды с таблеткой от головы. А нет – жуткие страдания я тебе обеспечу, даже не сомневайся.

Семен едва слышно выругался и смиренно улегся на диван. Тем более, что лежать было неожиданно приятно. Нет, Ал ни в коем случае не был прав, просто сегодня был какой-то нелепый бесконечный день и…

– А почему бархатцы?

– Потому что цветы, – Ал наконец-то сел в гостевое кресло, позволив себе откинуть голову назад. – Они покрывают все, – глава офиса осекся и не стал продолжать цитату, но Семен внезапно добавил:

– Никаких писем, никаких записок...

– А я надеялся, что ты не читал Ремарка, – горько усмехнулся Ал.

– А я внезапно умный, да. И начитанный. Ал, я тут все думаю, – Семен остановился, не решаясь задать вслух вопрос, о котором он даже думать боялся, но при этом не думать не мог. – Я вот все думаю… а там, у них – на что это похоже?

– На беззвездную ночь, – неожиданно без тени сомнений сказал Ал, быстро и твердо, как говорит только тот, кто дей-

ствительно знает о чем идет речь. Семена пробрало настолько, что он резко повернул голову в сторону коллеги: глава офиса внимательно смотрел куда-то вверх, и Семен был уверен, что глаза его широко открыты. – Очень спокойную и тихую беззвездную летнюю ночь, когда одновременно и темно так что ничего не видно, и тьма сама по себе пронизана светом как будто в нее вшиты серебряные нити лучей. Им очень спокойно там, Семен.

– Я не…

– Они гордились бы тобой, – внезапно говорит Ал и тут же замолкает, будто неловким движением мог разбередить и без того открытую рану, но угомонить Семена не так-то просто:

– Ты, конечно, дурак, но вот скажи мне… если бы я смог чего-то добиться… если бы я только… действительно был гениален, как они думали… все ведь могло бы быть иначе, да?

– Да, – неожиданно безапелляционно сказал Ал, и Семен на мгновение задохнулся от боли. – Все могло быть гораздо хуже. И прекращай обзываться – уже не смешно.

Семен тут же возмущенно привстал, не понимая: а в смысле, а куда хуже-то, у него отец и мать погибли, включая его младшего, но Ал был неумолим:

– Всегда есть куда хуже. И если ты не представляешь себе *куда*, то поверь: у судьбы с фантазией проблем нет.

И мягко добавил:

– Пора спать, я полагаю. Мне – так точно.

Семен, покряхтев из вредности, какое-то время повозился на правах наглого и бесцеремонного захватчика дивана, и, наконец, утих. Душещипательное зрелище: Семен и тишина в одной комнате. Глава офиса внимательно посмотрел на согнутую фигуру и напомнил себе укрыть Семена курткой ближе к утру, когда обычно начинает знобить. Бархатцы на столе лихорадочно мерцали во мраке и Ал, сделав глоток из бутылки, ненадолго закрыл глаза.

– Ал? – конечно же не угомонился Семен. Было по меньшей мере наивно думать, что он капитулирует так быстро.

– Да?

– А что у *вас* случилось?

Танец вежливости. Не называть рану раной, плоть плотью, а вонь вонью, дабы не оскорбить вкус зрителей. Интересно, позволяет ли это сохранить лицо тому, кого пилят на сцене или ему должно быть уже все равно? Ал не знал ответа, но инстинктивно всегда выбирал позволить другому сохранить лицо, если есть малейший шанс это сделать.

– Не сошлись характерами, – уклончиво хмыкнул Ал.

– Врешь, – честно брякнул Семен.

– Вру, – в тон ему согласился Ал и понял, что дипломатия требует заплатить за откровенность высшей ценой. – Я считаю, что я допустил ошибку. Я допустил оставление в опасности, спасая… спасая *себя*. Я оттолкнул, когда должен был оберегать и полез вперед, когда было лучше уступить. Все остальное стало закономерным результатом. Я был равно на-

казан и за свою силу, и за свою слабость. Я понятно выражаюсь?

Семен потер переносицу: только что прозвучал приговор, и в этом судилище и обвиняемый, и судья, и присяжные были одним человеком, вот только адвоката не нашлось, и все это под соусом справедливости. Ну да, это же Ал, он всегда все знает лучше всех.

– Даже не надейся. Ты никогда не выражаешься понятно, даже если у тебя предложение из одного слова.

Повисла напряженная тишина.

– Но я понимаю.

Странно, но Семен не врал, что понимает. Он вообще старался не врать никому, а тем более Алу. Мы неизбежно скрываем, недоговариваем, смягчаем и преувеличиваем в разговоре с теми, кого любим, но вот полная почти математическая откровенность – это добродетель исключительно ненависти.

– Если бы я тогда не сбежал в гости, мне бы повезло умереть с ними вместе.

Глава офиса мгновенно вспыхнул, но тут же напомнил себе, что это личное дело каждого, что он не имеет никакого морального права соваться в чужую историю со своими комментариями и топтаться грязными сапожищами по несросшемуся перелому, поэтому просто искренне сказал:

– Я рад, что ты сейчас здесь.

Семен хмыкнул, мол, хорош врать, рад он, ненавидишь ты

меня до глубины души, я что не знаю, но усталость уже сделала свое дело, и вместо того, чтобы спорить, Семен уснул.

Когда на следующий день Ал вернулся из переговорной, то сначала быстро прошел на свое рабочее место, поспешно достал срочные документы, начал читать, и только потом повернул голову направо, подумал «ага», вернулся к документам, тут же подумал «стоп, что» и с удивлением уставился на кружевное белое облако, где еще вчера запекшейся кровью мерцали бархатцы.

«Ах, вот значит как».

Стаканчик, в котором стояли белые цветы, был буквально выдран из соседней урны, надо же, кто-то донес его во дворы от самой кофейни у станции метро. Так вот откуда эти осколки перед входом в офис, над стопкой все-таки поглумились, но при этом крупные осколки Семен заботливо убрал, чтобы никто не поранился. Или все-таки Марьяна?

Ал злобно покосился на отвлекающее его облачко и вернулся к делам, но ведь невозможно работать, когда тебя так нагло отвлекают. Он еще раз взглянул на облачко, задумался о чем-то своем, и, еще раз, и еще, пока, наконец, улыбнулся. Все-таки Семен. Марьяна поставила бы что-то более… радикальное. Саксаул, например, или верблюжью колючку, репей наконец. Одно неясно: где он умудрился выдрать аптечную ромашку в это время года? Браконьерничал в ботаническом саду что ли? Надо отследить последние жалобы на

всякий случай, вдруг еще придется утрясать…

– Я тут понял, что умираю от голода, – он вышел к коллегам, тихо работавшим вместе над бумагами, и замер от неожиданности: его голос прозвучал гулко как в склепе. Он недоумевающе оглянулся, в смысле, так весь этот мрак из-за меня?.. – Может кто-то еще хочет поужинать относительно съедобной доставкой и заодно обсудить дела?

Потом Ал снова соврет, что просто узнал этих людей. На самом деле он отреагировал быстрее, чем его сознание успело осознать причину реакции: глава офиса оказался почти сразу перед столом секретаря, правое плечо чуть вперед, корпус чуть развернут, ведущая нога впереди. Марьяна окинула Ала взглядом: каков тихушник, однако. Ни за что не догадаешься, если не знать, куда смотреть.

– Чем обязан? – заметил Ал, прикинув, какой из ближайших предметов может послужить оружием в случае провала дипломатических усилий. – Это *мой* офис, *я* здесь начальник, а это *мой* ответственный сотрудник, выполняющий срочное поручение

– У нас важный документ, – говорит старший, опираясь на тяжелый меч. – Передадим только из рук в руки.

– Хорошо, – твердо сказал Ал, – но только при мне. Может, вы тут заговор ходите организовать о смене начальника офиса?

Марьяна позволила себе секундную слабость в виде зака-

танных глаз – благо, все остальные участники встречи были заняты дипломатией.

– Будь по-вашему, – серьезно сказал жрец и кивнул младшему, который шагнул вперед и на вытянутой руке протянул Марьяне небольшой конверт из почти слепящей белизной бумаги. Девушка взяла конверт без малейшей дрожи в руках, – тут же отметил Ал. Бумага для письма была такой же ослепительной, *как воля императора*, а текст на ней был написан чем-то красным. Пробежав глазами, Марьяна кивнула Алу:

– Это официальное освобождение от должности ваара.

Жрец тут же прошипел:

– Надеюсь мы никогда больше тебя не увидим.

– Аналогично, – резюмировал выдохнувший Ал, – а теперь на выход, господа.

На прощание старейший жрец, молчавший до этого времени, сплюнул на пол:

– Никогда не забывай: ты сдохнешь в муках.

– Прошу, – повторил он, чуть повысив тон и лично закрыв за ними дверь.

Секретарь неотрывно смотрела на плевок, сжимая в руках письмо с освобождением.

– Марьяна, – осторожно позвал Ал, и девушка подняла взгляд:

– Ал, тогда я не могла тебя защитить, когда они напали…

Ал коротко кивнул:

– Ваар не имеет права поднять руку на жреца. Я знаю, Марьяна. Местные учебники истории оказались как нельзя кстати. И теперь мне нужно сказать вам кое-что важное.

Девушка вытянулась по стойке смирно, как когда-то на родине, слушая важный приказ своего командира. Ал мысленно отвесил себе подзатыльник и постарался смягчить интонацию.

– Мы оба строим жизнь исходя из понятий долга и обязательства, но я хочу, чтобы вы свои отношения с офисом строили из свободы. Вы ведь понимаете, о чем я говорю, да?

Он выдержал паузу. И мягко добавил, как всегда, оставляя за собеседником право выбора:

– Если вы сейчас захотите уволиться – я пойму.

– Семен, ты совершил чудо, – Марьяна не могла не признать избавление от ржавой гадости в офисе. – Хочешь, я принесу тебе пирог?

– Два пирога. с мясом и с малиной. И каких-нибудь свежих ягод.

– А ты не лопнешь?

– Я – нет, но у нас будет отличный повод накормить вот этот скелет, – он поднимает голову и смотрит в глубь кабинета, где Ал усиленно пытается разрулить очередной бардак. – Вот интересно, когда он последний раз ел?

– Семен, напоминаю: ты его ненавидишь. Тут должны быть пылкие монологи о том, что он трус и подлец.

– И зануда.

– И зануда.

– Я просто рассеянный, Марьяна. Я ненавижу его настолько сильно, что иногда забываю про это.